ДВЕ РАННИЕ РЕДАКЦИИ ПЬЕСЫ «ТРИ СЕСТРЫ»

Статья и публикация А. Р. Владимирской

ИЗ ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ «ТРЕХ СЕСТЕР»

1

До 1953 г. в работах исследователей творчества Чехова и комментаторов его собраний сочинений не было упоминаний о рукописях пьесы «Три сестры». Не были обнаружены эти рукописи и в литературных архивах Москвы и Ленинграда. Они молчаливо признавались утраченными, как и большинство рукописей чеховских произведений. А между тем в переписке Чехова есть ряд указаний, дающих основание полагать, что рукописи могли сохраниться либо в личном архиве Немировича-Данченко, либо в архиве Московского Художественного театра.

Чехов закончил пьесу в Ялте, в середине октября 1900 г. 16 октября он пишет Горькому: «Можете себе представить, написал пьесу. Но так как она пойдет не теперь, а лишь в будущем сезоне, то я *не переписывал ее начисто* (курсив наш.— *А. В.*). Пусть так полежит» (XVIII, 406).

Чехов неоднократно повторял в письмах, что намерен дорабатывать пьесу и предназначает ее лишь для будущего сезона. «...Решусь ли я ставить ее в этом сезоне, сие неизвестно» (XVIII, 392); «В этом сезоне „Трех сестер“ не дам» (XVIII, 400); «...играть ее ⟨пьесу⟩ не будут» (XVIII, 405). «В Москве, вероятно, буду переписывать свою новую пьесу начисто» (XVIII, 402).

Но для молодого Художественного театра постановка новой чеховской пьесы в ближайшем сезоне была насущной необходимостью. «...будет пьеса, будет и сезон, не будет пьесы — театр потеряет свой аромат»,— так характеризовал положение Станиславский (К. С. Станиславский. Моя жизнь в искусстве. Сочинения, т. I. М., «Искусство», 1954, стр. 234).

23 октября 1900 г. Чехов приехал из Ялты в Москву, и 29 октября пьеса в черновой ялтинской редакции была прочитана труппе Московского Художественного театра. Вскоре после читки Чехов начал «переписывать свою новую пьесу начисто». «...Теперь сижу и переписываю пьесу»,— пишет Чехов В. А. Гольцеву 10 ноября (XVIII, 410). В течение ноября и первых дней декабря 1900 г. Чехов переписал первый и второй акты. Начал, по-видимому, и третий и даже рассчитывал закончить его в Москве, до отъезда за границу. «Заезжал ⟨...⟩ за вторым и третьим актами»,— говорится в коротенькой записке Немировича от 8 декабря («Ежегодник МХАТ 1944 г.», т. I, М., 1946, стр. 132). Значит, первый акт в новом виде театр к этому времени уже получил.

11 декабря Чехов уехал за границу, успев передать театру доработанными только два первых акта. 14 декабря Чехов прибыл в Ниццу и на другой же день взялся за переработку третьего и четвертого актов.

Театр, не желая задерживать постановку, начал репетировать пьесу по черновой ялтинской редакции. Следовательно, текст этой редакции мог сохраниться в архиве МХАТ.

В Ницце работа шла быстро. 17 декабря Чехов сообщает О. Л. Книппер: «Вчера послал в Москву III акт пьесы, а завтра пошлю IV. В III я изменил лишь кое-что,

а в IV произвел перемены крутые. Тебе прибавил много слов» (XVIII, 425). 18 декабря Чехов шлет добавление к третьему акту: «В III акте последние слова, которые произносит Соленый,суть: (г л я д я н а Т у з е н б а х а) „Цип,цип,цип...". Это прибавь,пожалуйста» (XVIII, 426). 20 декабря Чехов отправил в театр и четвертый акт. А 23 декабря состоялась, по выражению Станиславского, «генеральная, очень черновая репетиция первых двух актов» («Ежегодник МХАТ 1944 г.», т. I, стр. 212). «Переписали для вас роли? Или же читаете по старым тетрадкам?»— спрашивает Чехов 30 декабря (XVIII, 437). Все это указывает на то, что и переработанная рукопись могла сохраниться в архиве МХАТа.

Так и оказалось. В ноябре 1953 г. нами было обнаружено, что беловая рукопись «Трех сестер» действительно хранится в особом сейфе Музея Московского Художественного академического театра. В картонной папке лежали две толстые тетради в черных клеенчатых обложках — с первым и вторым актами. Третий и четвертый акты, присланные из Ниццы, написаны на листках тонкой почтовой бумаги. Сохранился и конверт, в котором была прислана рукопись четвертого акта. Рукою Чехова написан адрес по-русски и по-французски: «Москва. Владимиру Ивановичу Немировичу-Данченко. Каретный ряд, Художественный театр. Monsieur W. J. N.-Dantschinko. Moscou. Russie». На обороте почтовые штемпели: «Nice Place Grimaldi. 2 Janv. 01. Москва, почтамт. 24 дек. 1900» и надпись рукою Чехова: «A. Tchekhoff, 9 rue Gounod».

Директор Музея Ф. Н. Михальский пояснил, почему об этом автографе до сих пор не было известно: он принял Музей совсем недавно. Его предшественник, ныне покойный Н. Д. Телешов, получивший в свое время рукопись от Немировича-Данченко, сделал на папке надпись: «Без разрешения директора Музея выдаче не подлежит». Телешов, будучи человеком преклонного возраста, мог и забыть об этой папке, а в инвентарных книгах Музея рукопись «Трех сестер» не значилась.

Сличение текста беловой рукописи с последним прижизненным изданием (второе дополненное изд. седьмого тома, «Пьесы»,— Собр. соч. СПб., изд. А. Ф. Маркса, 1902) позволило выявить довольно много незначительных расхождений, касающихся и пунктуации, и отдельных слов, и даже целых фраз. В чеховском автографе оказались две карандашных правки, сделанных рукою помощника режиссера театра И. А. Тихомирова. В первом акте реплика Ирины: «Куда ты?» передана Ольге; в третьем акте дополнена реплика Соленого в соответствии с упомянутым выше письмом Чехова от 18 декабря.

В том же сейфе, где был обнаружен автограф пьесы, хранилась тоже не опубликованная, но хорошо известная историографам театра режиссерская партитура «Трех сестер», разработанная Станиславским. Это большие развернутые листы; на одной стороне — машинописный текст пьесы; на другой, чистой стороне и на полях Станиславский вписывал свою режиссерскую экспозицию каждой сцены, чертил схемы декораций, мизансцен и т. п. Первый акт в партитуре не сохранился. Однако копия его, сделанная рукой В. Л. Мчеделова и отосланная в 1906 г. Станиславским в Прагу в связи с готовившейся там постановкой «Трех сестер», сохранилась в архиве режиссера Пражского Национального театра Я. Квапила; фотокопия этого документа была прислана в 1950 г. из Праги в Музей МХАТ'а (см. об этом подробнее в статье Ш. Ш. Богатырева «МХТ и Пражский Национальный театр начала XX века. Из истории русско-чешских театральных связей».— «Ежегодник МХАТ, 1953—1958 гг.». Печатается).

Текст чеховской пьесы испещрен в режиссерском экземпляре многочисленными исправлениями и вставками, вписанными от руки. В некоторых местах первоначальный текст заклеен и поверх него рукой Тихомирова вписан другой. Это редкий, пожалуй единственный, в истории литературы случай, когда работа драматурга отразилась, как в зеркале, в рабочем экземпляре режиссера.

Текст пьесы в режиссерском экземпляре со всеми вклейками и правками («верхний слой») соответствует беловой рукописи. Незначительные расхождения с рукописью явились, по-видимому, результатом небрежности: в режиссерский экземпляр не всегда внесены мелкие по объему правки, не меняющие смысла, но завершающие архи-

тектонику реплики, делающие фразу сочней или стройней и благозвучней. Так, во втором акте в реплике Наташи: «А Ольги и Ирины до сих пор нет. Не пришли. Все трудятся бедняжки»— не вставлено: «Не пришли». В реплике Соленого в том же втором акте вместо текста беловой рукописи: «От черемши такой же запах, как от чеснока»— осталась первоначальная редакция: «От черемши так же воняет, как от чеснока» и т. п. Отсутствует последний монолог Ирины в четвертом акте.

Очевидно, машинописный текст соответствовал той первоначальной, привезенной из Ялты редакции, которая читалась труппе Художественного театра 29 октября 1900 г. «Нижний слой» второго и частично третьего акта можно было легко прочитать. Четвертый акт, где Чехов произвел «перемены крутые», был заклеен новыми текстами почти сплошь, и первоначальная редакция прочтению не поддавалась.

Но текст первоначальной редакции, написанный на ремингтоне, мог иметь копии. В архиве театра хранится довольно много текстовых материалов, относящихся к первой постановке «Трех сестер». Это — суфлерские и «помрежевские» экземпляры. Просмотр этих экземпляров результатов не дал — их текст был идентичен беловой рукописи, если не считать незначительных отклонений, вызванных условиями постановки. Например, в реплике Тузенбаха во втором акте вместо «Сегодня мне придется играть *на пианино...*» стояло «*на рояле*»; в четвертом акте, в реплике Наташи вместо «Велю прежде всего срубить эту *еловую* аллею» стояло «*березовую* аллею»; Вершинин во втором акте говорил: «Я *седой*» вместо «Мои волосы *седеют*» и т. п. Происхождение этих отклонений подтверждала музейная экспозиция первой постановки «Трех сестер»: в декорации первого и второго актов стоял рояль, а не пианино; в четвертом акте были березы, а не ели; Станиславский, в то время уже совершенно поседевший, играл Вершинина без парика и не мог говорить: «Мои волосы седеют».

Там же, в Музее, под стеклом витрины был выставлен напечатанный на машинке экземпляр пьесы «Три сестры» с надписью на титульном листе: «К представлению дозволена. С.-Петербург. 18 декабря 1900 года». Далее следовала подпись цензора драматических сочинений и печать Главного управления по делам печати.

Но ведь новая редакция четвертого акта, судя по почтовому штемпелю на конверте, прибыла из Ниццы в Москву только 24 декабря. Значит, пьеса была прочтена цензурой и «дозволена к представлению» по ее первоначальному тексту. Станиславский, не желая, вероятно, задерживать постановку, отдал пьесу перепечатать и послал ее в цензуру до окончательной доработки автором. Уже при беглом просмотре цензурного экземпляра бросились в глаза незнакомые фразы: Маша твердит не «У лукоморья дуб зеленый», а знаменитую суворовскую депешу: «Слава богу, слава нам, Туртукай взят и мы там»; Чебутыкин вместо «Тарара бумбия» поет: «Ах вы, Сашки, канашки мои, разменяйте вы бумажки мои»; вся конструкция четвертого акта иная; отсутствует сцена Маши с Чебутыкиным («Сидит себе здесь, посиживает...» и т. д.); отсутствуют заключительные монологи Ирины и Маши...

Ясно, что это и была машинописная копия первоначальной, ялтинской редакции «Трех сестер». Почему никто до сих пор не перелистал тетрадку, лежавшую на виду, не прочел и не обнародовал неизвестную редакцию чеховской пьесы? Сказать трудно. Вероятно, не обращали внимания на несоответствие дат цензурного разрешения и отправки Чеховым из Ниццы четвертого акта пьесы.

2

Сопоставление ялтинской редакции с беловой рукописью московско-ницкой редакции позволяет полно и точно восстановить последнюю стадию работы Чехова над пьесой, когда развитие сюжета и образы определились, но не обрели еще полного художественного выражения; мы можем изучить теперь те последние штрихи мастера, то «чуть-чуть», которое завершает художественное произведение. Чрезвычайно интересны даже самые небольшие правки — где Чехов, по его словам, «изменил лишь кое-что». В приведенных ниже сценах I акта реплики, вставленные Чеховым при доработке пьесы, напечатаны курсивом (то же и в последующих примерах).

О л ь г а ⟨...⟩ Сегодня утром проснулась, увидела массу света, увидела весну, и радость заволновалась в моей душе, захотелось на родину страстно.

Ч е б у т ы к и н. Черта с два.

Т у з е н б а х. Конечно, вздор.

Маша задумавшись над книжкой, *тихо* насвистывает песню.

. . . . . .

И р и н а. Уехать в Москву. Продать дом, покончить здесь все и в Москву.

Чебутыкин и Тузенбах смеются.

. . . . . .

О л ь г а ⟨...⟩ Все хорошо, все от бога, но мне кажется, что если бы я вышла замуж и целый день сидела дома, то это было бы лучше (пауза). Я бы любила мужа.

Т у з е н б а х (*Соленому*). *Такой вы вздор говорите, надоело вас слушать.* (Входя в гостиную). Забыл сказать. Сегодня у вас с визитом ⟨...⟩ и т. д.

Добавлены как будто случайно доносящиеся обрывки постороннего разговора. Смысл этих вставок в «подтексте» — во втором плане, который возникает в стыке этих фраз и реплик мечтающих сестер. Это с самого начала предвещает разлад между мечтой и пошлостью окружающей жизни, который станет основной темой пьесы.

Фразам, врывающимся в мечты сестер, посвящены целые страницы в работе В. В. Ермилова «Драматургия Чехова». Ермилов отмечает, что «грубые голоса реальной жизни звучат издевкой над мечтами сестер», что реплики «введены для своеобразной переклички с репликами сестер — это звучит грубый смех жизни над иллюзорными, несбыточными надеждами».

В этих маленьких правках с особой яркостью выступает неповторимое чеховское уменье вложить в простую фразу второй план, подтекст,— большую, не выраженную в словах мысль.

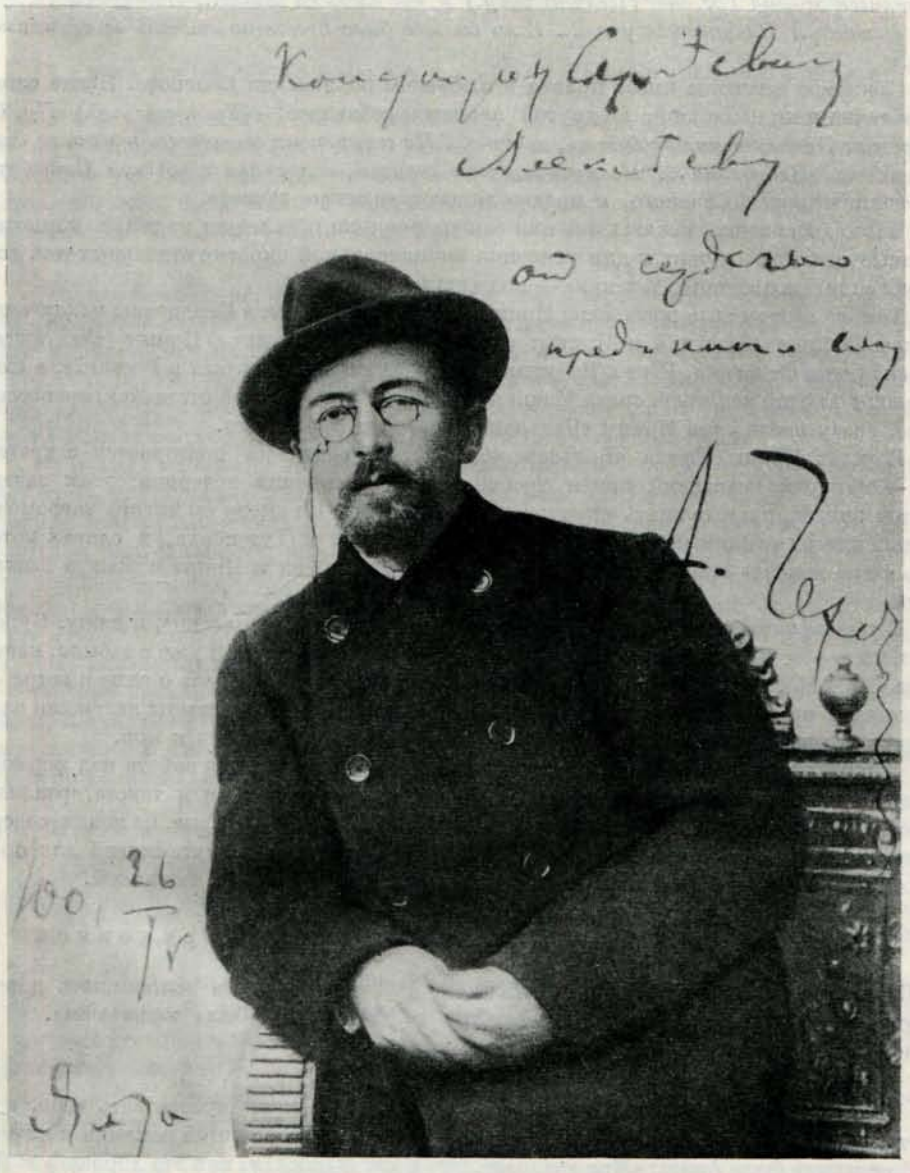
Подобные же правки преображают сцену Маши, Вершинина и Тузенбаха во втором акте.

Ялтинская редакция	Беловая рукопись
М а ш а ⟨...⟩ Или знать, для чего живешь, или погибнуть. (Пауза.) У Гоголя сказано: скучно жить на этом свете, господа!	М а ш а ⟨...⟩ Или знать, для чего живешь, *или же все пустяки, трын-трава.*
Т у з е н б а х. Ну вас!	В е р ш и н и н. *Все-таки жалко, что молодость прошла.*
В е р ш и н и н. Все-таки жалко, что молодость ушла.	М а ш а. У Гоголя сказано: скучно жить на этом свете, господа!
	Т у з е н б а х. *А я скажу: трудно с вами спорить, господа! Ну вас совсем...*

Во всей сцене спора Тузенбаха и Вершинина исправления имеют важное смысловое значение: убрана тема обреченности человека на страдание (самые слова «страдание», «страдать» исключены из текста). Отсюда в Машином утверждении слово «погибнуть» заменено на: «все пустяки, трын-трава». Реплика Вершинина встала на место — вслед за темой «для чего живешь», перекликаясь теперь с его монологом из первого акта — о жизни начерно и набело. Связаны реплики Маши и Тузенбаха («У Гоголя сказано» — «А я скажу»).

В третьем акте, во время пожара, Кулыгин ищет Машу, ушедшую на зов Вершинина. Его реплики обрамляют «покаяние» Андрея: «Маши здесь нет?» «Где Маша?»— и к этим репликам добавлено: «*Это странно!*» «*Удивительное дело!*» За этими словами как бы скрывается смущение Кулыгина, пытающегося представить перед окружающими «странным» отсутствие Маши, о причине которого сам он, быть может, давно уже догадался.

Чудесный, музыкальный монолог, добавленный Тузенбаху в третьем акте, создает поэтическую перекличку с первым актом, раскрывает красоту души Тузенбаха, всю силу его любви и нежности к Ирине. Вместе с тем монолог пронизан тончайшим настроением несбывшихся надежд и какой-то «светлой печали», присущей Тузенбаху.



ЧЕХОВ

Фотография с дарственной надписью: «Константину Сергеевичу Алексееву от сердечно преданного ему А. Чехова 1900. 26/IV. Ялта»

Музей Художественного театра, Москва

«Я гляжу на вас теперь и вспоминается мне, как когда-то давно, в день ваших именин, вы, бодрая, веселая, говорили о радостях труда... И какая мне тогда мерещилась счастливая жизнь! Где она? (Целует руку.) У вас слезы на глазах... Ложитесь спать, уже светает... Начинается утро... Если бы мне было позволено отдать за вас жизнь свою!»

Сюжетное значение имеет правка в любовном объяснении Соленого. После слов: «... и точно я не на земле, а на другой планете» добавлено: «(*Трет себе лоб.*) *Ну, да все равно. Насильно мил не будешь, конечно... Но счастливых соперников у меня не должно быть. Не должно... Клянусь вам всем святым, соперника я убью...*» Слова эти и дополняют образ Соленого, и предвосхищают развитие сюжета.

Часто добавление, исключение или замена реплики преследует не только композиционные цели, но служит и для усиления эмоциональной окраски отдельных тем, для углубления «подводного течения» — подтекста.

Так, во втором акте после слов Ирины «Бальзак венчался в Бердичеве» исключены четыре реплики Федотика и Ирины; исключена также реплика Ирины (следующая за репликами Федотика, Роде и Чебутыкина): «А зачем Бальзак был в России?», а следовавшая за этой репликой сцена Маши и Тузенбаха (разговор об отставке) перенесена выше, сразу после слов Ирины «Бальзак венчался в Бердичеве».

В устах Ирины фраза «Бальзак венчался в Бердичеве» повторяется в третий раз — обычный чеховский прием троекратного повторения исчерпан; этим завершается эпизод, и продолжать сцену должна не Ирина. На смену ей вместо загромождавших эпизод реплик Федотика вступает «дуэт» Маши и Тузенбаха, в словах которого «я не красив» опять отдаленно звучит тема его любви к Ирине и жажда взаимности.

В том же эпизоде радостное восклицание Ирины: «Выйдет пасьянс, я вижу. Будем в Москве» — перенесено ниже, после слов Маши: «Надоела зима. Я уже и забыла, какое лето». Тема Москвы выступает в безотрадном обрамлении: после слов о зиме и ветре — как мечта о крае, где вечная весна, — и перед выхваченными из газеты нелепыми словами о далеком неизвестном Цицикаре, где свирепствуют болезни и мор.

Одновременно с развитием «подводного течения» производится работа над формой: усиливается поэтическое звучание и более четким становится ритм текста, реплики приобретают большую свободу и разговорность. Есть правки, которые, не меняя содержания фразы, делают ее более точной, легкой, благозвучной, органичной для произносящего ее персонажа и по-особому, по-чеховски, неуловимо поэтичной.

Ялтинская редакция	Беловая рукопись
Ирина <...> почувствовала радость, такую радость, как в детстве когда-то... точно жива еще мама.	Ирина <...> и вспомнилось детство, когда еще была жива мама.

Ирине исполнилось сегодня двадцать лет; она не может чувствовать себя, как в детстве, а ей может только «вспоминаться» детство. В конце этой реплики в ялтинской редакции была фраза: «Мне двадцать лет, я уже взрослая, как это хорошо!» В беловой рукописи фраза эта убрана Чеховым, но немного ниже реплика Ирины: «Не говори, Оля, не говори...» (ялтинская редакция) заменена: «*Ты привыкла видеть меня девочкой — и тебе странно, когда у меня серьезное лицо. Мне двадцать лет!*»

Все начало акта идет под знаком приближающейся какой-то новой жизни, по крайней мере для Ирины: ей двадцать лет, она «взрослая», готовится переезд в Москву, где ждет настоящее дело, потому-то Ирина и ощущает себя «на парусах».

Чехов иногда придает новую окраску действию и взаимоотношениям персонажей в эпизоде изменением одного слова. «Оставь, Андрюша, завтра объяснимся»,— говорит уставшая, измученная Ольга брату, который пришел с ненужным «выяснением отношений», пришел лгать перед ними и перед собой, опустившийся, неискренний, знающий это и страдающий. В слове «объяснимся» в беловой рукописи изменена лишь грамматическая форма: «объяснишься». И этим вскрыта далеко зашедшая отчужденность

во взаимоотношениях Андрея с сестрами: они не будут участвовать в «объяснениях» с ним ни сейчас, ни завтра.

В маленьком монологе Маши из второго акта объединены почти все виды стилистических правок.

Ялтинская редакция	Беловая рукопись
Маша. Счастлив тот, кто не замечает или не различает времен года, кто и зимой улыбается так же, как летом. Мне кажется, что если бы я жила в Москве, то не замечала бы, лето теперь или зима.	Маша. Счастлив тот, кто не замечает, лето теперь или зима. Мне кажется, если бы я была в Москве, то относилась бы равнодушно к погоде.

Реплика сокращена, облегчена, облагозвучена и «оразговорена». Для этого: устранено ненужное созвучие слов «замечает» и «различает»; оборот «времен года» заменен более конкретным и разговорным: «лето теперь или зима»; устранена ненужная литературность образа: «кто и зимой улыбается так же, как летом»; убрано «что» во избежание книжности оборота; во избежание повторений слова «не замечала бы, лето теперь или зима» заменены: «относилась бы равнодушно к погоде».

Из мелких по объему правок следует особо выделить такие, которые акцентируют состояние действующего лица в той или иной сцене. Так, добавлено три эпизода, подчеркивающие нервный смех Маши во втором акте. Вершинин, по тексту беловой рукописи, три раза повторяет, что он хочет чаю, так как ничего не ел с утра. Это создает не только троекратное повторение темы, о котором говорилось выше, но и делает значительнее неожиданный уход Вершинина, вызванного запиской дочери, как раз в тот момент, когда подали чай. В новых монологах Маши в четвертом акте развивается тема перелетных птиц.

Другие правки выполняют еще более многогранную функцию: они и развивают образ, и придают речи музыкальность и поэтичность, и связывают между собой отдельные реплики и сюжетные эпизоды. Вот, например, как переделана реплика Ирины из первого акта:

Ялтинская редакция	Беловая рукопись
Ирина <...> Нас, трех сестер, заглушает жизнь, как сорная трава.	Ирина <...> У нас, трех сестер, жизнь не была еще прекрасной, она заглушала нас, как сорная трава...

Здесь на первый план выступает усиление поэтического звучания текста; кроме того, добавленные слова — «жизнь не была еще прекрасной» — связывают фразу и с предыдущей репликой Тузенбаха и с началом монолога Ирины («Вы говорите: прекрасная жизнь»).

Не менее интересны правки другого рода. Вот, например, как выглядел конец монолога Андрея во втором акте:

Андрей <...> Громадная у меня память, с этакой памятью другой на моем месте давно бы протянулся поперек всей Москвы, как канат... Поперек всей России... Я думаю, ничто не дает выше и слаже наслаждения, чем слава... (Звонок.) Да, дела... Мечтал когда-то о славе... Да... (Потягивается.) И она была так возможна... (Не спеша уходит к себе.)

В беловой рукописи Чехов устраняет «лобовые» тексты, слишком прямолинейно выражающие мысль:

Андрей <...> Громадная у меня память, и с этакой памятью другой на моем месте давно бы протянулся поперек всей Москвы, как этот твой канат... Поперек всей России... Ступай... (Пауза.) Он ушел. (Звонок.) Да, дела... (Потягивается и не спеша уходит к себе.)

Еще пример такого же рода правки из того же второго акта:

Т у з е н б а х <...> Хоть один день в моей жизни поработать так, чтобы прийти вечером домой, в утомлении повалиться на постель и уснуть тотчас же. (Уходя в залу.) Я сплю неважно.

Любопытно, что реплика исправлялась уже в беловой рукописи. После ремарки: «(Уходя в залу)»— зачеркнута фраза: «*Сплю я неважно*». Вместо нее: «*Рабочие, должно быть, спят крепко!*»

Изменения в тексте любовных сцен Маши и Вершинина, Ирины и Тузенбаха усиливают оттенки взаимоотношений каждой пары: обреченность и нескладицу любви Маши и Вершинина и безнадежную, но радостную любовь Тузенбаха.

Ялтинская редакция	Беловая рукопись
В е р ш и н и н (вполголоса). Я люблю, люблю, люблю вас...	В е р ш и н и н (вполголоса). Я люблю, люблю, люблю... *Люблю ваши глаза, ваши движения, которые мне снятся... Великолепная, чудная женщина!*
М а ш а (закрывает лицо руками). Не повторяйте... (Вполголоса.) Что делать? Я не знаю, не знаю, что мне делать теперь... Не повторяйте, не надо. Сюда идут...	М а ш а (тихо смеясь). *Когда вы говорите со мной так, то я почему-то смеюсь, хотя мне страшно...* Не повторяйте, *прошу вас...* (Вполголоса.) *А впрочем, говорите, мне все равно...* (Закрывает лицо руками.) *Мне все равно...* Сюда идут, *говорите о чем-нибудь другом.*
Т у з е н б а х <...> Немецкого у меня осталось мало, разве одна только терпеливость, упрямство, с каким я дожидаюсь собственного счастья. Вас я жду уже четыре года и готов ждать еще хоть десять.	Т у з е н б а х <...> Немецкого у меня осталось мало, разве только терпеливость, упрямство, с каким *я надоедаю вам. Я провожаю вас каждый вечер.*
И р и н а. Как я устала.	И р и н а. Как я устала.
Т у з е н б а х. И все десять лет я каждый день по вечерам буду приходить на телеграф и провожать вас домой.	Т у з е н б а х. *И каждый вечер* буду приходить на телеграф и провожать вас домой, *буду десять — двадцать лет, пока вы не прогоните...*

В беловой рукописи в дополнительных придаточных предложениях и в косвенной речи всюду убрано слово «что», например: «Думают, [что] я доктор», «Казалось, [что] горит весь город» и т. п. «В пьесах надо осторожнее с этим „что“»,— писал Чехов А. М. Федорову (XIX, 158).

Такие, казалось бы, мелкие и незначительные по объему правки рассыпаны по всему тексту; они придали не совсем еще завершенному произведению художественную законченность и красоту формы.

Характеры персонажей на глазах становятся рельефнее, живее, темпераментнее, углубляются намеченные в них черты, появляются новые. Проследим эволюцию отдельных образов.

Образ Ольги в общем не претерпел значительных изменений и не приобрел качественно новых черт; совсем небольшие правки углубляют черты ее деликатности и чуткости. Ольга не может говорить о брате, что он «растолстел»; это исправлено на «*располнел*»; не может, как это было в ялтинской редакции, сказать Наташе о зеленом поясе, что это «безвкусно» — и Чехов в беловой рукописи исправляет на деликатное «*как-то странно*».

Из правок другого рода интересна следующая:

Ялтинская редакция	Беловая рукопись
Ольга <...> Здесь холодно и комары.	Ольга <...> Здесь холодно и... комары.

Это многоточие придает совершенно другую интонацию реплике Ольги. Ей неприятны похвалы городу, который она ненавидит, из которого рвется в Москву и где все для нее плохо, а не только конкретные «комары» и холод. В паузе, обусловленной многоточием, угадывается, как Ольга ищет слово, чтоб выразить это свое чувство.

Особенно преобразился в новой редакции образ Маши, которая в ялтинской редакции была намечена как несколько эксцентричная, не стесняющаяся в выражениях, немного даже вульгарная «дочь полка». В беловой рукописи Маша стала намного мягче, женственнее, сложнее и лиричнее.

Вместо слов суворовской депеши: «Слава богу, слава нам, Туртукай взят и мы там»— Маша повторяет: «*У лукоморья дуб зеленый, златая цепь на дубе том*».

Реплика Маши по поводу неплатежа Чебутыкина за квартиру: «Молодец доктор», звучавшая «гусарски», почти вульгарно,— заменена: «*Как он важно сидит!*» и снабжена ремарками: «(*смеется*)», «(*все смеются*)»,— что создает атмосферу общего дружеского подсмеивания над Чебутыкиным.

Тема ее любви к Вершинину усложнилась, приобретая элементы страдания и мучительных колебаний и вместе с тем характерной для Маши резковатой прямоты.

Ялтинская редакция	Беловая рукопись
Маша <...> (Тихо). Я люблю Вершинина... люблю, люблю...	Маша <...> (Тихо). *Это моя тайна, но вы все должны знать... Не могу молчать...* (Пауза.) Я люблю, люблю... *Люблю этого человека... вы его только что видели... Ну, да что там! Одним словом, люблю Вершинина.*

Особенно интересен в этом смысле четвертый акт, где Маше Чехов «прибавил много слов». В беловой рукописи написана большая сцена Маши с Чебутыкиным, начинающаяся со знаменательных реплик:

Маша. <...>*Вы любили мою мать?*
Чебутыкин. *Очень.*
Маша. *А она вас?*
Чебутыкин *(после паузы). Этого я уж не помню.*

Маша, изменившая мужу, ищет оправдания в тайне своей матери: любовь к ней Чебутыкина была взаимной — это мы угадываем и по многозначительной его паузе, и по его странному ответу.

Дальше Маша страстно и зло говорит о своем потерянном счастье, о боли за опускающегося брата, на которого возлагалось столько надежд. Ей добавлен монолог: «*Так вот целый день говорят, говорят...*», передающий ее внутреннее смятение и продолжающий симфоническую тему перелетных птиц. После прощания с Вершининым ей добавлены подытоживающие слова: «*Неудачная жизнь...*» Ей дан, наконец, финальный монолог, где опять — в последний раз — звучит сопровождающая Машу со второго акта тема перелетных птиц, органически вплетающаяся в ее лирическую прощальную тему. (Монолог этот печатается во всех изданиях «Трех сестер» в сокращенном виде. Он сокращен по просьбе О. Л. Книппер — см. «Переписка Чехова и Книппер», т. I, стр. 288).

Лирическая тема перелетных птиц пронизывает всю пьесу с первого акта. Интересно то, что она присуща не одной только Маше, а развивается в репликах Ирины, Чебутыкина, Тузенбаха.

Так же развивается и другая лирическая тема, такая дорогая Чехову — тема деревьев. В четвертом акте она звучит в устах Ирины и Тузенбаха в их прощальном диалоге — у Ирины как выражение непонятных, пугающих ее предчувствий, а у Тузенбаха, идущего на смерть, как просветленное прощание с природой.

Тему деревьев неожиданно завершает в пьесе реплика Наташи: «Велю прежде всего срубить эту еловую аллею, потом вот этот клен... *По вечерам* он такой *страшный*, некрасивый...» Чехов, который говорил: «Если бы каждый человек на куске земли своей сделал бы все, что он может, как прекрасна была бы земля наша!»— ввел для характеристики ненавистного ему человека отвратительную черту — непонимание красоты природы, готовность ее уничтожить.

В образе Ирины правки углубляют две основные черты: стремление в Москву и жажду труда.

Тема Москвы начинает звучать с первых же реплик пьесы, значительно усиленная и опоэтизированная правками беловой рукописи.

О л ь г а 〈...〉 И только *растет и* крепнет одна мечта...
И р и н а. *Уехать в Москву.* Продать дом, покончить здесь все — и в Москву.

Реплика обрамляется ударными словами: «В Москву», что делает ее более крепкой ритмически и одновременно усиливает лейтмотив — стремление в Москву.

Реплика Ирины: «Вот подполковник Вершинин. Он из Москвы» — заменена одной фразой, динамичной и эмоциональной, несущей интонацию неожиданной радости: «*Подполковник Вершинин, оказывается, из Москвы*».

В третьем акте, когда Ирина признается в крушении мечты: «Я все ждала, переселимся в Москву, там мне встретится мой настоящий, я мечтала о нем, любила...» — Чехов добавляет: «*Но оказалось, все вздор, все вздор...*».

В начале пьесы Ирина говорит: 〈...〉 и я знаю, как надо жить. *Милый Иван Романыч, я знаю все!*»

Эта восторженная фраза как бы подчеркивает наивность и непосредственность Ирины и освежает старую истину: «Человек должен трудиться...» и т. д. В устах Ирины, какой она является в I акте, эта сентенция звучит как ее собственное открытие смысла жизни. Во втором акте, при первом соприкосновении с трудом, Ирина падает духом: «Нет, не люблю я телеграфа, не люблю... Труд без поэзии, без мыслей...» В третьем акте она заявляет: «Не могу я работать, не стану работать». Это еще детски-капризный тон. А в четвертом акте, потеряв Тузенбаха, прочувствовав и осмыслив пустоту жизни, не наполненной полезным трудом, она, словно сразу выросшая, говорит в добавленном ей финальном монологе о своей будущей работе в спокойном, трезвом и убежденном тоне: «*Завтра я поеду одна, буду учить в школе и всю свою жизнь отдам тем, кому она нужна*».

Более многогранное развитие получил образ Тузенбаха. Как уже отмечалось выше, развита линия его любви и восторженной нежности к Ирине; подчеркнуто теплое, дружеское отношение к товарищам.

При полном сохранении основного смысла правка придает совершенно новое звучание фразе Тузенбаха о труде.

Ялтинская редакция	Беловая рукопись
Т у з е н б а х. Мне так понятно это томление, тоска по труде.	Т у з е н б а х. Тоска по труде — о боже мой, как она мне понятна!

Фраза приобрела экспрессию, темперамент, разговорный характер и является теперь великолепным вводом в монолог-исповедь Тузенбаха. Ниже у Тузенбаха в первой редакции монолога была фраза: «Меня оберегали от труда, но не уберегли от влияния этой надвигающейся на всех нас громады, этой славной, здоровой бури...» Тузенбах единственный во всей пьесе принимает какое-то решение для изменения своей судьбы, и поправки Чехова, подчеркивая это еще не принятое решение, доводят мысль до предельной ясности:

«Меня оберегали от труда. *Только едва ли удалось оберечь, едва ли! Пришло время, надвигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря...*»

И после тирады о надвигающейся буре: «*Я буду работать*». И это решение изменить свою судьбу делает предчувствие надвигающейся бури интимной, заветной, глубо-

ко продуманной мыслью о неизбежности общественных сдвигов и бурь: если ты не хочешь, чтобы эта буря вместе с ленью и скукой смела бы и тебя самого — измени жизнь, начинай какое-то общественно полезное дело. Новая фраза «*Я буду работать*» подготовляет решение Тузенбаха выйти в отставку, о котором мы узнаем во II акте.

В роли Чебутыкина до третьего акта нет значительных исправлений. В третьем же акте, в монологе опьянения, добавлена важная деталь: «*В прошлую среду лечил на Засыпи женщину — умерла, и я виноват, что она умерла*». Врач, который убил пациентку! Это уже посерьезнее, чем не знать, кто такой Добролюбов и не читать Шекспира и Вольтера. Это — тягчайшая вина, много прибавляющая к моральному облику Чебутыкина.

В этом же монологе добавлена фраза: «*В голове пусто, на душе холодно*». И, как бы в развитие этих страшных слов, в ответ на замечание Ирины, что разбитые им часы — часы их покойной мамы, Чебутыкину даны слова, полные цинизма и душевной опустошенности: «*Может быть. Мамы, так мамы*» — это о женщине, которая была его единственной любовью.

В четвертом акте Чебутыкин еще раз, в ответ на прямой вопрос Маши, признается в своей любви к матери Прозоровых, и он же произносит циничные слова о женихе Ирины, любимой им больше всех из сестер Прозоровых: «*Барон хороший человек, но одним бароном больше, одним меньше — не все ли равно? Пускай!*»

В текст роли Вершинина внесены поправки, усиливающие безразличие к собеседнику и его мыслям. В ответ на слова Тузенбаха «об известном нравственном подъеме, которого уже достигло общество», Вершинин вместо «Пожалуй, это правда» (по ялтинской редакции) произносит «*Да, да, конечно!*», что, являясь безразличным вежливым согласием, не содержит и следа внимания к словам собеседника и раздумья над ними, как в первом варианте.

То же и в других случаях: внимание Вершинина к словам собеседника уменьшено до предела. Его краткое, почти рассеянное «Да-с» всюду служит водоразделом между непосредственной реакцией на чужие слова и собственным монологом, перейти к которому Вершинину явно не терпится. (В первоначальной редакции эта черта Вершинина была лишь намечена в эпизоде второго акта, когда на слова Маши, рассказывающей ему о своем неудачном браке, он отвечает: «Мне пить хочется. Я бы выпил чаю».)

«*Много, очень уж много я говорил, — и за это простите, не поминайте лихом*», — добавлено Вершинину в четвертом акте. И это признание своего недостатка примиряет нас с Вершининым.

Некоторые правки служат одновременно и более глубокому раскрытию образа говорящего, и характеристике того, о ком говорят. Так, слова, добавленные Тузенбаху — «... жена, теща и две девочки. *При том женат во второй раз*» — вносят еще одну черту для характеристики нелепой, неудачно сложившейся семейной жизни Вершинина.

Прием такой косвенной характеристики широко использован Чеховым для раскрытия образа Соленого.

Ялтинская редакция	Беловая рукопись
Соленый. Все это философистика, эта ваша софистика, мистика, извините, не стоит гроша медного. Все это брандахлыстика.	Соленый. *Если философствует мужчина, то это будет философистика или там софистика; если же философствует женщина или две женщины, то уж это будет — потяни меня за палец.*
Маша. Что вы хотите этим сказать?	Маша. Что вы хотите этим сказать, *ужасно страшный человек?*

Измененная реплика Соленого и три слова, добавленные к реплике Маши, ярко дополняют образы их обоих. Соленый хочет казаться циником и знатоком женщин; Маша же в иронических словах «*ужасно страшный человек*» снижает его позу и его напускную демоничность.

Переделанная и расширенная реплика Тузенбаха: «*Странный он человек. Мне и жаль его, и досадно, но больше жаль. Мне кажется, он застенчив... Когда мы вдвоем с ним, то он бывает очень умен и ласков, а в обществе он грубый человек, бреттер*» — много прибавляет, с одной стороны, к образу Тузенбаха, еще раз подчеркивая его доброжелательность и проницательность; с другой стороны, раскрывается некоторая двойственность натуры Соленого; и, наконец, слово «*бреттер*» подводит к теме дуэли.

Соленому придана в беловой рукописи важная черта — его претензия походить на Лермонтова. Этот мотив раскрывается и словами Чебутыкина в четвертом акте: «*Соленый воображает, что он Лермонтов, и даже стихи пишет*», и словами самого Соленого: «... *У меня характер Лермонтова. Я даже немножко похож на Лермонтова*». В четвертом акте он цитирует Лермонтова: «*А он, мятежный, ищет бури, как будто в бурях есть покой*».

Реплика Соленого в четвертом акте, в сцене перед дуэлью, в первоначальной редакции была такой:

С о л е н ы й. А барон что делает, пишет завещание? Прощается с милой, клянется ей в вечной любви, или уже на месте сражения? (Пауза.) Я его все-таки подстрелю, как куренка... (Уходят. Слышны крики: «Гоп-гоп! Ау!»)

В беловой рукописи Чехов переделывает эту реплику:

С о л е н ы й. Старик волнуется... Я его все-таки сейчас подстрелю, как вальдшнепа. (*Пауза.*) *А он, мятежный, ищет бури, как будто в бурях есть покой. Черт* [*его*] [*меня*] *знает... Я не Соленый, а Мятежный в сущности...* (*Уходит с Чебутыкиным; слышны крики: «Гоп-гоп! Ау!»*)

Чехов зачеркивает «его», пишет сверху «меня», зачеркивает все и пишет реплику заново:

С о л е н ы й. Старик волнуется напрасно. Я позволю себе немного, я только подстрелю его, как вальдшнепа. (*Пауза.*) *Помните стихи? А он, мятежный, ищет бури, как будто в бурях есть покой...*

Ч е б у т ы к и н. Да. Он ахнуть не успел, как на него медведь насел... (*Уходит с Соленым; слышны крики: «Гоп-гоп! Ау!»*

Правка касается и второстепенных персонажей. У Анфисы — медленные, старческие движения, неторопливая, ласковая речь; все правки углубляют ее речевую характеристику, создавая «уютный», неторопливый ритм.

«Пойдем, *батюшка Ферапонт Спиридоныч. Пойдем...*» (Уходит с Ферапонтом.)

«Милые, полковник незнакомый! Уж пальто снял, *деточки*, сюда идет. *Аринушка, ты же будь ласковая, вежливенькая...*»

В ее наставлении Ирине — забота о благовоспитанном поведении своей питомицы, забота, проистекающая от непривычки к тому, что Ирина уже взрослая.

Ферапонту в третьем акте, в сцене пожара, добавлены слова: «*В двенадцатом году Москва тоже горела — господи ты боже мой! Французы удивлялись*». Эта вставка перекликается с репликами Ферапонта: во втором акте — о канате, неизвестно зачем протянутом «поперек всей Москвы»; о купце, который «помер», съевши «не то сорок, не то пятьдесят» блинов; в четвертом — о морозе «в двести градусов», развивая особенность натуры Ферапонта, его привычку по каждому случаю выкладывать свои познания.

3

Какие изменения произошли в тексте пьесы за репетиционный период?

В начале января 1901 г. Станиславский подробно сообщает Чехову о ходе подготовки спектакля и просит изменить финальную ремарку:

«IV ⟨акт⟩ еще недостаточно определился... Монологи финальные сестер, после всего предыдущего, очень захватывают и умиротворяют. Если после них сделать вынос

тела (Тузенбаха), получится конец совсем не умиротворяющий. У вас написано: «вдали проносят тело», но у нас нет дали в нашем театре, и сестры должны увидеть мертвеца. Что им делать? Как ни нравится мне этот пронос, но при репетиции начинаю думать, что для пьесы выгоднее закончить акт монологом» («Ежегодник МХАТ 1944 г.», т. I. М., 1946, стр. 213).

«Вы тысячу раз правы,— отвечал ему Чехов,— тело Тузенбаха не следует показывать вовсе; я это сам чувствовал, когда писал, и говорил вам об этом, если вы помните» (XIX, 20).

КОНВЕРТ, В КОТОРОМ ЧЕХОВ ПРИСЛАЛ МХАТ'у РУКОПИСЬ 4 АКТА «ТРЕХ СЕСТЕР»

Автограф

Музей Художественного театра, Москва

Из заключительной ремарки были устранены слова: «В глубине сцены шум, видна толпа, которая смотрит, как несут убитого на дуэли Тузенбаха».

В письме от 22 января Немирович-Данченко предлагает Чехову сократить заключительные монологи сестер:

«Относительно IV акта. Необходимы купюры. Сейчас пошлю тебе телеграмму, а подробнее — вот что: три монолога трех сестер — это нехорошо. И не в тоне, и не сценично. Купюра у Маши, большая купюра у Ирины. Одна Ольга пусть утешает и ободряет. Так?» (В. И. Немирович-Данченко. Избранные письма, т. 2. М., «Искусство», 1954, стр. 208).

О том же просит Чехова О. Л. Книппер: «Ничего, если я в последнем моем финальном моноложке сделаю купюру? Если мне трудно будет говорить его? Ничего ведь?» (Переписка Чехова и Книппер, т. I, стр. 288).

Финальный монолог Маши был сокращен—из него исключены слова: «(*Смотрит вверх.*) Над нами перелетные птицы, летят они каждую весну и осень, уже тысячи лет, и не знают, зачем, но летят и будут лететь еще долго, долго, много тысяч лет — пока наконец бог не откроет им тайны».

По указанию Чехова добавлены две фразы: Соленому (XVIII, 426) и Кулыгину (XIX, 28).

4

Текст первоначальной редакции показывает ошибочность некоторых утверждений Станиславского о процессе работы Чехова над пьесой. Так, Станиславский пишет, что фраза «Бальзак венчался в Бердичеве» была прислана из Ниццы. Между тем фраза эта есть уже среди заготовок к «Трем сестрам» на отдельном листочке, есть она и в первоначальной редакции и в беловой рукописи. Из Ниццы присланы были другие фразы, которые Чехов просил добавить Соленому и Кулыгину (см. выше). Для Станиславского же было не очень важно, какую именно фразу прислал Чехов,— ему важно было в своих воспоминаниях воссоздать атмосферу творческой дружбы и постоянного контакта между Чеховым и театром, и он меньше всего заботился о текстологической точности.

Другой, не менее известный рассказ Станиславского, повторенный Немировичем-Данченко в его воспоминаниях, тоже не подтверждается. Станиславский писал: «В связи с постановкой „Трех сестер“ вспоминается еще случай, характеризующий Чехова. Во время генеральных репетиций мы получили от него из-за границы письмо... Оно гласило только: «Вычеркнуть весь монолог Андрея в последнем акте и заменить его словами: „Жена есть жена“». В рукописи автора у Андрея был блестящий монолог, великолепно рисующий мещанство многих русских женщин: до замужества они хранят в себе налет поэзии и женственности, но, выйдя замуж, спешат надеть капот, туфли, безвкусные и богатые уборы; в такие же капоты и туфли облачаются их души. Что сказать о таких женщинах и стоит ли долго на них останавливаться? „Жена — есть жена!“ Тут посредством интонации актера все может быть выражено». (К. С. Станиславский. Сочинения, т. 1. М., «Искусство», 1954, стр. 236—237).

Это высказывание Станиславского цитировалось во всех случаях, где речь шла о чеховском лаконизме. Насколько распространена эта легенда, можно судить хотя бы по тому, что она приведена даже в сборнике «День поэзии» (изд. «Московский рабочий», 1956), в статье В. Инбер «Краткость» (стр. 179): «... Чехову же принадлежит классическое определение: „Краткость — сестра таланта“. Автор „Трех сестер“ сам блестяще доказал это, заменив одной фразой — „Жена есть жена“ — целый большой, ранее им написанный монолог Андрея».

На самом же деле существовавший в первоначальной редакции и сохранившийся в окончательном тексте небольшой монолог Андрея, не содержащий ни одной из тех мыслей, о которых говорит Станиславский, был в беловой рукописи лишь слегка переработан и в начало его добавлена фраза: «Жена есть жена». Обширного же монолога «страницы в две», о котором говорит Станиславский, нет ни в первоначальной редакции, ни в беловой рукописи, ни в режиссерском экземпляре. Не обнаружено и письма Чехова, о котором упоминает Станиславский.

5

Как мы видели, первоначальная ялтинская редакция и беловой автограф «Трех сестер» представляют безусловный интерес для исследователя творчества Чехова. Они позволяют глубже проникнуть в творческую лабораторию Чехова-драматурга, понять особенности его работы над образами пьесы, над ее языком и стилем. Вместе с тем новонайденные материалы, особенно беловая рукопись, позволяют поставить текстологический вопрос — о пересмотре канонического текста «Трех сестер» и об освобождении его от ряда ошибок и искажений. Для этого мы должны напомнить основные факты из истории печатного текста пьесы.

«Три сестры» были впервые напечатаны во втором номере журнала «Русская мысль» 1901 г., вскоре после премьеры в Московском Художественном театре.

Обстоятельства сложились таким образом, что пьеса появилась на страницах журнала не прокорректированная автором. Редактор «Русской мысли», В. М. Лавров, в конце января 1901 г. выслал Чехову корректуру в Ниццу. Чехов же 26 января выехал из Ниццы в Италию, побывал в Пизе и Флоренции и только в первых числах февраля приехал в Рим. В Риме и догнала его корректура.

«Так как теперь уже 7 февраля,— пишет Чехов Лаврову,— то пьеса не поспеет для февральской книжки. Сегодня я уезжаю в Ялту, откуда и вышлю ее, а ты пока вели выслать мне „действующих лиц", которых нет в корректуре и которых нет у меня» (XIX, 37).

15 февраля Чехов приехал в Ялту, а 22 февраля вышел номер «Русской мысли», где была напечатана пьеса.

Небрежность журнальной публикации обнаруживается с первой же страницы — уже в списке действующих лиц не были помещены имена, отчества, военные звания, не было указано, что Анфиса — «нянька, старуха 80 лет» и что Ферапонт — «сторож из земской управы, старик». По-видимому, в «Русскую мысль» был дан не авторский список действующих лиц, а театральный, репетиционный. Полный список был в ялтинской редакции; в беловую рукопись Чехов его не перенес, так как в нем не было исправлений. В самой же пьесе оказалось множество нарушений и искажений чеховского текста; наряду с мелкими пунктуационными были и значительные — пропуски фраз и целых реплик, искажения и пропуски слов и ремарок.

Были и такие нарушения текста, которые искажали смысл и порой даже уничтожали его. Например, в реплике Ольги в первом акте вместо: «Андрей *был бы* хорош»— напечатано: «*был* хорош», в реплике Тузенбаха вместо: «*Пришло* время, надвигается на всех нас громада» было напечатано: «*Прошло* время», в реплике Вершинина вместо: «с которой мы *так* миримся» — «*там* миримся» и т. п.

Всех отступлений от текста беловой рукописи в «Русской мысли» насчитывается около трехсот пятидесяти, из них в последующие издания перешло свыше ста.

Естественно, что Чехов был недоволен журнальной публикацией своей пьесы. 26 февраля он пишет Книппер: «„Русская мысль" напечатала „Трех сестер" без моей корректуры, и Лавров-редактор в свое оправдание говорит, что Немирович „исправил" пьесу...» (XIX, 42).

Что именно говорил Лавров в свое оправдание, неизвестно — он был в это время тоже в Ялте и поэтому письменных свидетельств не могло быть, но ссылка его на Немировича-Данченко имела некоторый резон. Ведь беловая рукопись, по которой можно было проверить текст, была в распоряжении Немировича-Данченко, и, конечно, Лавров мог получить пьесу только из Художественного театра или непосредственно от Немировича-Данченко.

Недавно обнаруженное в ЦГАЛИ письмо Немировича-Данченко Лаврову от начала января 1901 г. подтверждает это: «Происходит какая-то путаница,— пишет Немирович. — Экземпляра „Трех сестер" у меня *нет совсем*. Теперь я заказал для „Рус〈ской〉 мысли". Дня через два будет готов. А тот, который Чехов хотел отдать тебе, он увез с собой. И я думал, что он сам вышлет вам. ...Так или иначе, дня через два экземпляр у тебя будет...» (ЦГАЛИ, ф. 640, оп. 1, ед. хр. 141, л. 3).

Копия для «Русской мысли» снималась, по-видимому, с автографа, так как в журнальной публикации пьесы обращает на себя внимание одна ошибка, которая могла возникнуть только при копировании автографа. Вместо фразы Вершинина во втором акте: «Видите, мои волосы седеют» в «Русской мысли» напечатано: «Все, даже мои волосы седеют» — явная нелепость, которая не могла возникнуть даже по небрежности корректора. В рукописи слово «Видите» перенесено: «Ви-дите», причем, при копировании мелкого, «кружевного» почерка Чехова, первую часть слова можно было прочесть как «Все», вторую как «даже», а маленькую косую черточку переноса принять за запятую. Другое объяснение этой ошибки найти трудно, тем более, что в текстах, сохранившихся в театре, это место читалось так: «Я седой» (см. первую главу настоящей работы).

Не располагая наборным текстом «Трех сестер», мы не можем судить, насколько точно он был скопирован и чему следует приписать ошибки журнальной публикации —

невнимательности переписчика или небрежности корректоров «Русской мысли». Последнее предположение кажется нам наиболее вероятным. Как видно из писем Чехова, он неоднократно высказывал недовольство работой корректоров и вел с ними борьбу, в которой далеко не всегда оказывался победителем.

Так, в 1899 г. Чехов писал Ю. О. Грюнбергу, сотруднику А. Ф. Маркса: «Еще раз позвольте пожаловаться на изумительную медленность, с какою посылается мне корректура, на совершенное игнорирование моих писем и проч. и проч.» (XVIII, 231).

В 1900 г.— В. А. Поссе: «За опечатки я сердился не на вас, а на типографию... Надо бороться и с опечатками, и со шрифтом, и проч., и проч.; иначе мелкие назойливые промахи станут привычными... А бороться, по-моему, можно только одним способом: постоянно заявлять о замеченных ошибках» (XVIII, 337).

Еще письмо в издательство Маркса: «Корректуры я прочитываю всякий раз внимательно, но типография ваша часто остается к моим поправкам совершенно равнодушной, ошибки остаются неисправленными,— и почему это так, понять не могу» (XVIII, 397).

Приведенные высказывания Чехова ни в коей мере не подтверждают широко распространенного мнения, что раз Чехов держал корректуру, следовательно он принял текст и тем самым «канонизировал» его со всеми возможными в нем ошибками. Следует учитывать еще, что автор всегда плохой контролер своего произведения, так как он порой видит то, чего в тексте нет, но что было или должно было бы в нем быть.

А. П. Скафтымов, комментируя пьесу для полного собрания сочинений, пишет: «Журнальный текст был исправлен в 1902 г. для нового издания 7-го тома собрания сочинений» (XI, 588). Это сказано неточно: журнальный текст был исправлен не в 1902, а в 1901 г. и не для нового издания 7-го тома, а сначала для отдельного издания пьесы у Маркса.

Чехов исправил большинство смысловых искажений журнального текста, но многие лексические и стилистические нарушения остались им незамеченными. Напомним, что первую корректуру для Маркса Чехов правил на память — рукопись была в Москве, в Художественном театре, а черновики свои он обычно уничтожал.

Пьеса вышла отдельным изданием, с портретами исполнительниц ролей трех сестер на обложке, в мае 1901 г. А осенью того же года (15 октября) сотрудник А. Ф. Маркса А. Е. Розинер писал Чехову: «Ваша драма „Три сестры“ появилась уже после выхода 7-го тома („Пьесы“) и была поэтому издана отдельно. Теперь мы имеем в виду приступить к печатанию нового издания 7-го тома. Можно ли включить в этот том и пьесу „Три сестры“?» (XIX, 466)

Чехов ответил согласием.

«В издании „Три сестры“,— писал он Розинеру 18 октября 1901 г.,— было сделано много опечаток, а потому не откажите выслать мне корректуру» (XIX, 148).

Подготовляя «Три сестры» для второго издания, Чехов во многих случаях отменил свою правку, сделанную в первом издании. Была в том числе восстановлена реплика Маши: «Выпью рюмочку винца! Эх-ма, жизнь малиновая, где наша не пропадала!» При этом ремарка «стучит вилкой по тарелке», вставленная в первом издании для реплики «Господа, я желаю сказать речь», по недосмотру осталась и перешла во все последующие издания. Эта ремарка была устранена только в 1955 г., при подготовке нами к печати «Трех сестер» для 12-томного собрания сочинений Чехова (Гослитиздат, 1955—1956).

Для подписчиков, которые уже приобрели первое издание 7-го тома, где не было ни «Трех сестер», ни переделанного водевиля «Свадьба», издательство Маркса выпустило сборник пьес, куда вошли «Три сестры» и водевили «Свадьба» и «Юбилей», переработанные Чеховым. Сборник этот вышел в марте 1902 г. и являлся как бы дополнением к уже вышедшему 7-му тому собрания сочинений. Текст пьесы был дан в нем с теми поправками, которые Чехов внес для второго издания 7-го тома.

Текст этого второго, дополненного издания 7-го тома (1902 г.) почти не содержит

разночтений по сравнению с текстом сборника. Есть только один случай: в третьем акте в реплику Наташи: «Вообще нужно помогать бедным людям» вставлено слово «поскорее (помогать)». Если эта правка сделана Чеховым, то он, по-видимому, имел в виду вернуться к варианту ялтинской редакции: «Нужно поскорее помочь бедным».

Второе издание 7-го тома является последней прижизненной публикацией пьесы.

Его текст перепечатывался во всех последующих изданиях: во втором полном собрании сочинений Чехова в изд. Маркса, в полном собрании сочинений 1932 г. под ред. А. В. Луначарского и С. Д. Балухатого и, наконец, в Полном собрании сочинений. В самое последнее, 12-томное собрание сочинений нами на основании белового автографа было внесено несколько поправок, устраняющих искажения «Русской мысли», но, к сожалению, по условиям подготовки этого массового издания не было возможности довести работу по очищению текста до конца.

При следующем издании собрания сочинений Чехова текст «Трех сестер» должен быть подвергнут тщательной проверке с привлечением всех рукописных и печатных вариантов; каждое обнаруженное разночтение должно быть проанализировано в соответствии с опытом советской текстологической науки. Не претендуя здесь на полное и окончательное решение этой задачи, мы ограничиваемся приведением далее лишь некоторых наиболее очевидных примеров искажений текста, допущенных в «Русской мысли» и перекочевавших из нее во все последующие издания пьесы.

По первому акту:

В первой реплике Ольги: «ты уже в белом, лице твое сияет...» — напечатано: «в белом платье». Слово «платье» придает излишнюю конкретизацию, нарушает ритм и лишает фразу поэтического, «чеховского» звучания. Вспомним аналогичное построение фразы в «Чайке»: «Отчего вы всегда ходите в черном?» — спрашивает Медведенко Машу. «Всегда в черном... Ее любит учитель...»,— записывает Тригорин очередной «сюжет для небольшого рассказа».

В реплике Чебутыкина: «А я не буду работать» — было пропущено «А». Фраза утратила вызывающий оттенок, приобрела характер простого сообщения.

В последней фразе монолога Вершинина: «И может статься, что наша теперешняя жизнь, с которой мы так миримся, будет со временем казаться странной, неудобной, неумной, недостаточно чистой, быть может, даже страшно грешной» — вместо «так» было напечатано «там» (это было исправлено Чеховым) и вышло слово «страшно».

В реплике Ирины: «Николай Львович, дорогой, не говорите мне о любви» — пропущено «дорогой».

По второму акту:

В диалоге:

Тузенбах <...> Я провожаю вас каждый вечер.

Ирина. Как я устала!

Тузенбах. И каждый вечер буду приходить на телеграф и провожать вас домой...

— слово «вечер» (во втором случае) было заменено на «день».

Соленый, объясняясь в любви Ирине, говорит: «Вы одна, только вы одна можете понять меня». Начальные слова: «Вы одна» — выпали в «Русской мысли».

По третьему акту:

В первой реплике Анфисы: «Сидят теперь внизу, под лестницей... А говорю — пожалуйте наверх, нешто, говорю, можно так — плачут» — «А» было заменено на «Я».

Во фразе Наташи: «Или я тебя не понимаю, или же ты не хочешь меня понять» — пропущено «тебя», необходимое по смыслу.

После фразы Наташи: «Нам нужно уговориться, Оля» — были пропущены слова: «раз навсегда».

В монологе пьяного Чебутыкина после слов: «... а теперь ничего не помню. Ничего» — в рукописи фраза: «В голове пусто, на душе холодно». Фраза эта, ярко характеризующая Чебутыкина, в «Русской мысли» была пропущена и никогда не печаталась.

Во фразе Тузенбаха: «Марья Сергеевна, например, играет на рояли чудесно» — вместо «например» было напечатано «по-моему», что придает фразе не тот смысл: ведь

Тузенбах говорит о возможности устроить концерт («Можно бы устроить, если бы захотеть»), а не о своих музыкальных вкусах.

Во фразе Ольги: «Ведь замуж выходят не из любви, а только для того, чтобы исполнить свой долг» — пропущено слово «только».

В сцене «покаяния» Маши, после слов Ольги: «Какие бы ты глупости ни говорила, я все равно не слышу» — в реплике Маши было напечатано: «Э, глупая ты, Оля» вместо «чудна́я» (как у Чехова). «Э, глупая ты Оля» — это редакция первоначального текста, где Чехов заменил «глупая» на «чудна́я» по вполне понятным соображениям: во избежание соседства двух однокоренных слов в разной грамматической и смысловой функции.

В монологе Андрея перед фразой: «Наташа прекрасный, честный человек» — пропущены слова: «Если желаете знать» — необходимые для вызывающего тона, которым Андрей уверяет прежде всего себя в том, в чем он хочет уверить сестер.

По четвертому акту:

После слов Ирины: «Когда я держала экзамен на учительницу, то даже заплакала от радости...» — напечатано: «от благости». Эти слова остались от первоначальной редакции, в которой реплика кончалась словами: «от благости, которая наполнила меня всю» — незначительная по объему купюра, сделанная Чеховым, не была перенесена в театральный текст и не попала в «Русскую мысль».

В сцене прощания Ирины и Тузенбаха пропущены реплики (после фразы Тузенбаха: «Скажи мне что-нибудь»):

Ирина. Что? Что? Кругом все так таинственно, старые деревья стоят, молчат... (Кладет голову ему на грудь.)

Тузенбах. Скажи мне что-нибудь.

Фраза Ирины о деревьях откликнется в прощании Тузенбаха с природой («Я точно первый раз в жизни вижу эти ели, клены, березы...»), а произнесенное еще раз: «Скажи мне что-нибудь» — создает вместе с двумя имеющимися в печатном тексте характерное для «Трех сестер» троекратное повторение.

В реплике Маши, увидевшей Кулыгина в фальшивых усах и бороде: «А в самом деле похож на вашего немца» — пропущено «А».

Во фразе Наташи о клене: «По вечерам он такой страшный, некрасивый» — пропущено «страшный».

Как уже говорилось выше, Чехов, исправляя ялтинскую редакцию, почти во всех случаях изъял слово «что» в косвенной речи и в дополнительных придаточных предложениях. Но в «Русской мысли» все эти «что» напечатаны. Может быть, виноват педант-корректор, считавший недопустимыми разговорные формы в печатном тексте.

Вот эти случаи:

В третьем акте: «Кулыгин <...> Казалось, [что] горит весь город»; «Чебутыкин <...> Думают, [что] я доктор»; «Тузенбах <...> Уверяю вас, [что] Мария Сергеевна играет великолепно...»; «Кулыгин <...> кажется, [что] венчались только вчера».

В четвертом акте: «Кулыгин <...> думал, [что] по-латыни написано»; «Кулыгин <...> Говорят, [будто] Соленый влюблен в Ирину»; «Чебутыкин <...> Если кто спросит меня, Андрюша, то скажешь, [что] я сейчас».

Разговорная форма в ряде случаев устранена и в написании отчеств: «Сергеевич», «Романович», «Игнатьевич» вместо «Сергеич», «Романыч», «Игнатьич».

* * *

Ниже публикуется по цензурному экземпляру первоначальная ялтинская редакция «Трех сестер». Исправления, сделанные Чеховым при доработке пьесы в Москве — Ницце, даны по тексту беловой рукописи. В первом, втором и третьем актах эти варианты отмечаются в подстрочных примечаниях; слова и фразы, зачеркнутые в рукописи, даются в квадратных скобках [ ]. Четвертый акт печатается полностью по тексту каждой из обеих редакций.

«ТРИ СЕСТРЫ»

‹ЯЛТИНСКАЯ РЕДАКЦИЯ›

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Андрей Сергеевич Прозоров.
Наталья Ивановна, его невеста, потом жена.
Ольга, Маша, Ирина } его сестры.
Федор Ильич Кулыгин, учитель гимназии, муж Маши.
Александр Игнатьевич Вершинин, подполковник, батарейный командир.
Тузенбах Николай Львович, барон, поручик.
Соленый Василий Васильевич, штабс-капитан.
Чебутыкин Иван Романович, военный доктор.
Федотик Алексей Петрович, подпоручик.
Роде Владимир Карлович, подпоручик.
Ферапонт, сторож из земской управы, старик.
Анфиса, нянька, старуха 80 лет.

Действие происходит в губернском городе.

I

В доме Прозоровых. Гостиная с колоннами, отделяющими ее от зала. Полдень; на дворе солнечно, весело. Видно, как в зале накрывают стол для завтрака. Ольга в синем форменном платье учительницы женской гимназии, Маша в черном платье, со шляпкой на коленях, сидит и читает книжку, Ирина в белом платье стоит задумавшись.

Ольга. Отец умер в прошлом году[а] как раз в этот день, пятого мая, в твои именины, Ирина. Было очень холодно, тогда шел снег. Мне казалось, я не перенесу, ты лежала в обмороке, как мертвая. Но вот прошел год, и мы вспоминаем об этом легко, ты уже в белом, на лице твоем улыбка[б]...

Часы бьют двенадцать.

И тогда также били часы.

Пауза.

Помню, когда отца несли, то играла музыка, на кладбище стреляли. Он был генерал, командовал бригадой, между тем народу шло мало. Впрочем был дождь тогда. Сильный дождь и снег.

Ирина. Зачем вспоминать!

В зале около стола показываются[в] барон Тузенбах, Чебутыкин и Соленый.

Ольга. Сегодня тепло, можно окна держать настежь, а березы еще не распускались. Отец получил бригаду и выехал с нами из Москвы одиннадцать лет назад, и, я отлично помню, в начале мая, вот в эту пору в Москве уже все в цвету, тепло, все залито солнцем. Одиннадцать лет прошло, а я помню там все, как будто выехали вчера. Боже мой! Сегодня

а *Вместо*: в прошлом году — ровно год назад
б *Вместо*: на лице твоем улыбка — лицо твое сияет
в *Вместо*: показываются — показывается

утром проснулась, увидела массу света, увидела весну, и радость заволновалась в моей душе, захотелось на родину страстно...[а].

Маша, задумавшись над книжкой[б], насвистывает песню.

О л ь г а. Не свисти, Маша. Как это ты можешь!

Пауза.

Оттого, что я каждый день в гимназии и потом даю уроки до вечера, у меня постоянно болит голова и такие мысли, точно я уже состарилась... И в самом деле, за эти четыре года, пока служу в гимназии, я чувствую, как из меня выходят каждый день по каплям и сила[в] и молодость. И только[г] крепнет одна мечта.

И р и н а. [д] Продать дом, покончить здесь все и в Москву.

О л ь г а. Да. Скорей в Москву[е].

И р и н а. Брат, вероятно, будет профессором, он все равно не станет жить здесь. Только вот остановка за бедной Машей!

О л ь г а. Маша будет приезжать в Москву на все лето, каждый год...

Маша ([ж] насвистывает песню).

И р и н а. Бог даст, все устроится. (*Глядит*[з] *в окно.*) Хорошая погода сегодня. Я не знаю, отчего у меня на душе так светло. Сегодня утром вспомнила, что я именинница, и вдруг почувствовала радость, такую радость, как в детстве когда-то... точно жива еще мама[и]. И какие чудные мысли волновали меня, какие мысли! Мне двадцать лет, я уже взрослая, как это хорошо![к]

О л ь г а. Сегодня ты вся сияешь, кажешься необыкновенно красивой. И Маша тоже красива. Андрей был бы хорош, только он растолстел[л] очень, это к нему не идет. А я постарела, похудела сильно, оттого должно быть, что сержусь в гимназии на девочек. Вот сегодня я свободна, я дома, и у меня не болит голова, я чувствую себя моложе, чем вчера. И в самом деле[м], мне двадцать восемь лет, только. Все хорошо, все от бога, но мне кажется, что если бы я вышла замуж и целый день сидела дома, то это было бы лучше.

Пауза.

Я бы любила мужа.

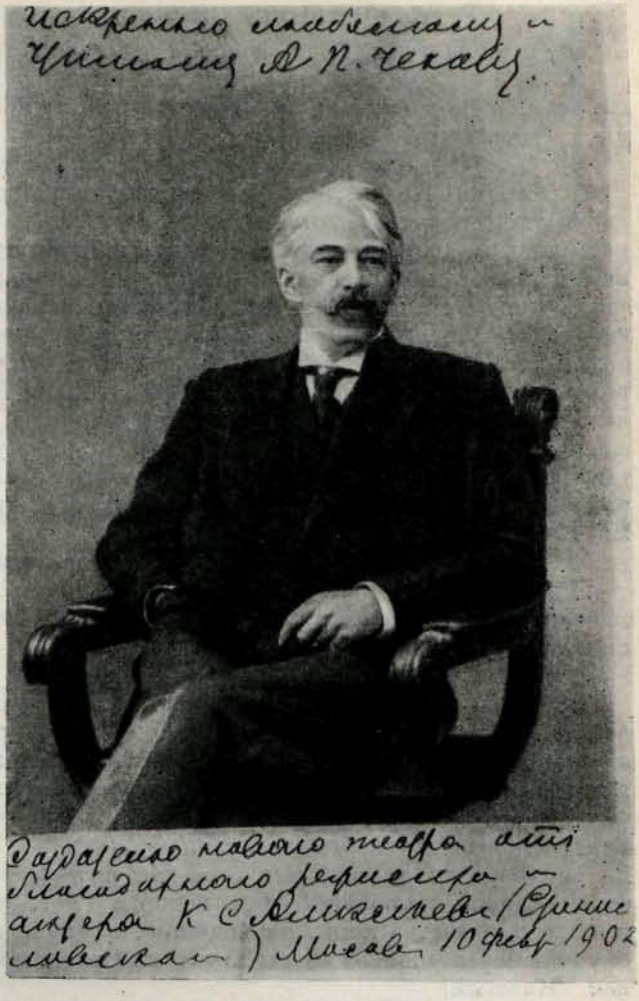
Т у з е н б а х [н] (*входя в гостиную*). Забыл сказать. Сегодня у вас с визитом будет наш новый[о] батарейный командир Вершинин... (*Садится за*[п] *пианино.*)

О л ь г а. Ну что ж? Очень рада.

И р и н а. Он старый?

Т у з е н б а х. Нет, ничего. Самое большое, лет сорок, сорок пять.

а *Далее*: Чебутыкин. Черта с два. — Тузенбах. Конечно, вздор.
б *Далее*: тихо
в *Вместо*: сила — силы
г *Далее*: растет и
д *Далее*: Уехать в Москву.
е *Далее ремарка*: Чебутыкин и Тузенбах смеются *и зачеркнутая реплика Соленого, перенесенная затем ниже* (см. прим. [в] к стр. 21).
ж *Далее*: тихо
з *Вместо*: Глядит — Глядя
и *Вместо*: такую радость ~ мама — и вспомнилось детство, когда еще была жива мама.
к *Вычеркнуто*: Мне ~ хорошо!
л *Вместо*: растолстел — располнел
м *Отсутствует*: И в самом деле
н *Далее*: (Соленому) Такой вы вздор говорите, надоело вас слушать.
о *Отсутствует*: новый
п *Вместо*: за — у



К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ

Фотография с дарственной надписью Чехову: «Искренно любимому и чтимому А. П. Чехову. Создателю нового театра от благодарного режиссера и актера К. С. Алексеева (Станиславского). Москва, 10 февр. 1902»

Дом-музей Чехова, Ялта

(*Тихо наигрывает.*) По-видимому, славный малый. Не глуп, это несомненно. Только говорит много.

И р и н а. Интересный человек?

Т у з е н б а х. Да, ничего себе, только жена, теща и две девочки[а]. Он делает визиты и везде говорит, что у него жена и две девочки. И здесь скажет. Жена какая-то полоумная с длинной девической косой, говорит одни высокопарные вещи[б] и часто покушается на самоубийство, очевидно, чтобы насолить мужу. Я бы давно ушел от такой, но он терпит и только жалуется.

Ч е б у т ы к и н (*входя из залы в гостиную с Соленым*). И эта пробочка втыкается в бутылочку, и сквозь нее проходит стеклянная трубочка Потом вы берете щепоточку самых простых, обыкновеннейших квасцов, сыплете туда и, когда увидите на дне пузырьки... [в]

а *Далее*: При том женат во второй раз.

б *Далее*: философствует

в *Вместо*: Чебутыкин ~ пузырьки — Соленый (входя из залы в гостиную с Чебутыкиным). Одной рукой я поднимаю только полтора пуда, а двумя пять, даже шесть пудов. Из этого я заключаю, что два человека сильнее одного не вдвое, а втрое, даже больше... Чебутыкин (читая на ходу газету «Свет»). При выпаде-

И р и н а. Иван Романыч, милый Иван Романыч!

Ч е б у т ы к и н. Что, девочка моя, радость моя?

И р и н а. Скажите мне, отчего я сегодня так счастлива? Точно я на парусах, надо мной широкое голубое небо и носятся большие белые птицы... Отчего это? Отчего?

Ч е б у т ы к и н (*целуя ее*[а] *обе руки, нежно*). Птица моя белая...

И р и н а. Когда я сегодня проснулась, встала и умылась, то мне вдруг стало казаться, что для меня все ясно на этом свете, и я знаю, как надо жить[б]. Человек должен трудиться, работать в поте лица, кто бы он ни был, и в этом одном заключаются смысл и цель его жизни, его счастье, его восторги. Как хорошо быть рабочим, который встает чуть свет и бьет на улице камни, или пастухом, или учителем, который учит детей, или машинистом на железной дороге... Боже мой, не то что человеком, лучше быть волом, лучше быть простою лошадью, только бы работать, чем молодой женщиной, которая встает в двенадцать часов дня, потом пьет в постели кофе, потом два часа одевается... о, как это ужасно! В жаркую погоду так иногда хочется пить, как мне захотелось работать. И, если я не буду рано вставать и не буду трудиться, то откажите мне в вашей дружбе, Иван Романыч!

Ч е б у т ы к и н (*нежно*). Откажу, откажу...

О л ь г а. Отец приучил нас вставать в семь часов. Теперь Ирина просыпается в семь и по крайней мере до девяти лежит и о чем-то думает, и с таким серьезным лицом![в]

И р и н а. Не говори, Оля, не говори...[г]

Т у з е н б а х. Мне так понятно это томление, тоска по труде[д]. Я не работал ни разу в жизни. Родился я в Петербурге, холодном и праздном, в семье, которая никогда не знала труда и никаких забот. Помню, когда я приезжал домой из корпуса, то лакей стаскивал с меня сапоги, я капризничал в это время, а моя мать смотрела на меня с благоговением и удивлялась, когда другие смотрели на меня иначе. Меня оберегали от труда, но не уберегли от влияния этой надвигающейся на всех нас громады, этой славной здоровой бури[е], которая идет, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду и[ж] гнилую скуку[з]. Через какие-нибудь 25—30 лет работать будет уже каждый человек. Каждый!

Ч е б у т ы к и н. А я не буду работать[и].

С о л е н ы й. Не в обиду будь сказано, через 25 лет вас уже не будет на свете, слава богу[к].

нии волос ... Два золотника нафталина [растворяются] на полбутылки спирта ... Растворить и употреблять ежедневно ... (Записав в книжку, Соленому.) Так вот, я говорю вам, пробочка втыкается в бутылочку, и сквозь нее проходит стеклянная трубочка ... Потом вы берете щепоточку самых простых, обыкновеннейших квасцов ..

а *Вместо*: ее — ей

б *Далее*: Милый Иван Романыч, я знаю все!

в *Вместо*: и с таким серьезным лицом — А лицо серьезное!

г *Вместо*: Не говори, Оля, не говори ... — Ты привыкла видеть меня девочкой — и тебе странно, когда у меня серьезное лицо. Мне двадцать лет!

д *Вместо*: Мне так понятно это томление, тоска по труде — Тоска по труде — о, боже мой, как она мне понятна!

е *Вместо*: но не уберегли ~ бури — Только едва ли удалось оберечь, едва ли! Пришло время, надвигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря

ж *Отсутствует*: и

з *Далее*: Я буду работать, а

и *Далее*: Т у з е н б а х. Вы не в счет.

к *Вместо*: не в обиду ~ богу — Через 25 лет вас уже не будет на свете, слава богу. Года через два-три вы умрете от кондрашки, или я вспылю и всажу вам пулю в лоб.

Чебутыкин (*смеется*). А я в самом деле никогда ничего не делал, честное, благородное слово... [а] Как вышел из университета, так не ударил пальцем о палец, даже ни одной книжки не прочел, а читал одни только газеты. (*Вынимает из кармана газету*[б].) Вот... Знаю по газетам, что был, положим, Белинский[в], а что он там писал, не знаю, честное слово[г]... Ничего не делал всю жизнь, и всю жизнь мне было некогда почему-то.[д]

Стук в пол из нижнего этажа.

Вот видите... Зовут меня вниз, кто-то ко мне пришел... Я сейчас приду... погодите. ([е] *Уходит, расчесывая бороду.*)

Ирина. Это он что-то выдумал.

Тузенбах. Да. Ушел с торжественной физиономией, очевидно, принесет вам сейчас подарок.

Ирина. Как это неприятно.

Ольга. Да, это ужасно. Он всегда делает глупости.

Маша. Слава богу, слава нам, Туртукай взят и мы там[ж]... (*Встает и напевает тихо.*)

Ольга. Тебе грустно, Маша?[з]

Маша (напевая, надевает шляпу).

Ирина. Куда ты?

Маша. Домой.

Ирина. Странно.

Тузенбах. Уходить с именин!

Маша. Все равно. Приду вечерком... Прощай, моя милая[и], моя хорошая... (*Целует Ирину.*) Желаю тебе еще раз, будь здорова, будь счастлива. В прежнее время, когда был жив отец, к нам на именины приходило всякий раз по тридцать — сорок офицеров, было шумно, а сегодня[к] тихо, как в пустыне... Я уйду... Сегодня я в мерлехлюндии, не весело мне, и ты не слушай меня. (*Сквозь слезы смеясь*[л].) После поговорим, а пока прощай, моя милая, пойду куда-нибудь.

Ирина (*недовольная*). Ну, какая ты...

Ольга (*плачет тихо*)[м].

Соленый. Все это философистика, эта ваша софистика, мистика, извините, не стоит гроша медного. Все это брандахлыстика[н].

Маша. Что вы хотите этим сказать[о]?

Соленый. Ничего. Он ахнуть не успел, как на него медведь насел.

Пауза.

[а] *Отсутствует*: честное благородное слово

[б] *Вместо*: газету — «Новое время»

[в] *Вместо*: Белинский — Добролюбов

[г] *Отсутствует*: честное слово; *далее*: бог его знает...

[д] *Отсутствует*: почему-то

[е] *Далее*: торопливо

[ж] *Вместо*: Слава богу ~ там — У лукоморья дуб зеленый, златая цепь на дубе том... Златая цепь на дубе том...

[з] *Вместо*: Тебе грустно, Маша? — Ты сегодня невеселая, Маша.

[и] *Отсутствует*: моя милая

[к] *Далее*: только полтора человека и

[л] *Вместо*: Сквозь слезы смеясь — Смеясь сквозь слезы

[м] *Вместо*: Ольга (плачет тихо). — Ольга (со слезами): Я понимаю тебя, Маша.

[н] *Вместо*: Все это ~ брандахлыстика — Если философствует мужчина, то это будет философистика или там софистика; если же философствует женщина, или две женщины, то уж это будет — потяни меня за палец.

[о] *Далее*: ужасно страшный человек?

М а ш а (*Ольге сердито*). Не реви!

Входят А н ф и с а и Ф е р а п о н т с тортом.

А н ф и с а. Сюда, батюшка[а]. Входи, ноги у тебя чистые. (*Ирине.*) Из земской управы, от Протопопова Михаила Иваныча... Пирог...

И р и н а. Спасибо... Поблагодари... (*Принимает пирог*[б].)

Ф е р а п о н т. Чего?

И р и н а (*громче*). Поблагодари!

О л ь г а. Нянечка, дай ему пирога. Ферапонт, иди, там тебе пирога дадут.

Ф е р а п о н т. Чего?

А н ф и с а. Пойдем[в]. (*Уходит с Ферапонтом.*)

М а ш а. Не люблю я этого Протопопова. Ты не пригласила его, это хорошо[г].

Входят Ч е б у т ы к и н и солдат с серебряным самоваром, гул изумления и недовольства.

О л ь г а (*закрывает лицо руками*). Самовар! Это ужасно! (*Уходит в залу к столу.*)

И р и н а. Голубчик, Иван Романович, что вы делаете!

Т у з е н б а х (*смеется*). Я говорил вам!

М а ш а. Иван Романыч, у вас просто стыда нет![д]

Ч е б у т ы к и н. Милые мои, хорошие мои, вы у меня единственные, дороже всего на свете...[е] Мне скоро шестьдесят лет[ж], я старик, одинокий, поганый[з] старик... ничего ни во мне, ни у меня нет[и] хорошего[к], и если бы не вы, то я, должно быть, спился бы уже, или просто-напросто пустил бы себе пулю в лоб...[л] (*Ирине.*) Милая, деточка моя, я знаю вас со дня вашего рождения... носил на руках... Я любил покойницу мать...[м]

И р и н а. Но зачем такие дорогие подарки!

Ч е б у т ы к и н (*сквозь слезы, сердито*). Дорогие, дорогие...[н] Ну, вас совсем! (*Денщику.*) Неси самовар туда![о]

Денщик уносит самовар в залу.

А н ф и с а (*проходя в залу*[п]). Милые, полковник незнакомый!.. Уж пальто снял[р], сюда идет... Красавец, батюшки светы...[с]

Т у з е н б а х. Это[т] Вершинин, должно быть.

Входит В е р ш и н и н.

а *Далее*: мой

б *Вместо*: пирог — торт

в *Далее*: батюшка Ферапонт Спиридоныч. Пойдем . . .

г *Вместо*: Не люблю ~ хорошо — Не люблю я [этого] Протопопова, этого Михаила Потапыча, или Иваныча. Его не следует приглашать. *Далее*: И р и н а. Я и не приглашала. М а ш а. И прекрасно.

д *К трем последним репликам ремарка*: Вместе

е *Вместо*: дороже всего на свете — вы для меня самое дорогое, что только есть на свете

ж *Отсутствует*: лет

з *Вместо*: поганый — ничтожный

и *Вместо*: ничего ни во мне, ни у меня нет — ничего во мне нет

к *Далее*: кроме этой любви к вам

л *Вместо*: то я ~ в лоб — то я бы давно уже не жил на свете . . . (Оглядываясь.) К чему мне все это? К чему?

м *Вместо*: мать — маму

н *Вместо*: Дорогие, дорогие — дорогие подарки

о *Далее*: (Дразнит.) Дорогие подарки . . .

п *Вместо*: в залу — через гостиную

р *Далее*: деточки

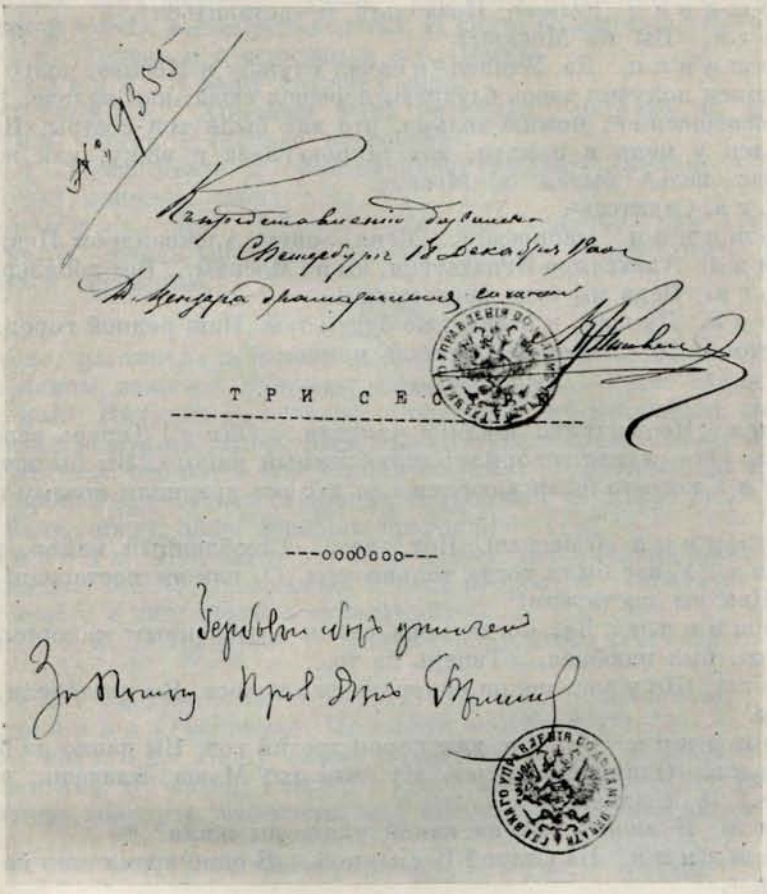
с *Вместо*: Красавец, батюшки светы . . . — Аринушка, ты же будь ласковая, вежливенькая . . . (Уходя.) И завтракать уж пора, господи . . .

т *Отсутствует*: это

Т у з е н б а х. Подполковник Вершинин!

В е р ш и н и н (*Маше и Ирине*). Честь имею представиться: Вершинин. Очень, очень рад, что, наконец, я у вас. Какие вы стали! Ай, ай!

И р и н а. Садитесь, пожалуйста. Мы очень рады[а].



ЦЕНЗУРНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР ПЬЕСЫ «ТРИ СЕСТРЫ»
Лист первый
Сверху цензорское разрешение постановки от 18 декабря 1900 г.
Музей Художественного театра, Москва

В е р ш и н и н (*весело*). Как я рад, как я рад! Но ведь вас три сестры. Я помню, три девочки... Лиц уже не помню, но что у[б] полковника Прозорова были три маленьких девочки, я отлично помню и видел их[в]... Как идет время!..[г]

Т у з е н б а х. Александр Игнатьевич из Москвы.

И р и н а. Из Москвы? Вы из Москвы!

В е р ш и н и н. Да, оттуда. Ваш покойный отец был там батарейным командиром, а я офицером в той же бригаде[д]. (*Маше.*) Вот ваше лицо немножко помню, кажется.

а *Вместо:* Мы очень рады — Нам очень приятно.
б *Далее:* вашего отца
в *Вместо:* их — собственными глазами
г *Далее:* Ой, ой, как идет время!
д *Вместо:* а я офицером в той же бригаде — а я в той же бригаде офицером.

М а ш а. А я вас — нет!

И р и н а. Оля! Оля! (*Кричит в залу.*) Оля, иди же!

О л ь г а входит из залы в гостиную.

И р и н а. Вот подполковник Вершинин. Он из Москвы[а].

В е р ш и н и н (*Ольге*). Позвольте представиться[б].

О л ь г а. Вы из Москвы?

В е р ш и н и н. Да. Учился[в] и начал службу в Москве, долго служил там, наконец получил здесь батарею, перешел сюда, как видите. Я вас не помню совершенно[г], помню только, что вас было три сестры. Ваш отец сохранился у меня в памяти, вот закрою глаза и вижу, как живого... Я у вас ведь[д] бывал в Москве.

О л ь г а. Садитесь[е].

В е р ш и н и н (*садится*)[ж]. Меня зовут Александром Игнатьичем.

И р и н а. Александр Игнатьевич, вы из Москвы... Вот неожиданность!

О л ь г а. Ведь мы туда переезжаем!

И р и н а. Думаем, к осени уже будем там. Наш родной город, мы родились там... На Старой Басманной улице...

Обе смеются от радости.

М а ш а. Неожиданно земляка увидели... (*Живо.*) Теперь вспомнила! Помнишь, Оля, у нас говорили: «влюбленный майор». Вы были тогда поручиком и в кого-то были влюблены, и вас все дразнили почему-то майором...

В е р ш и н и н (*смеется*). Вот, вот... Влюбленный майор, это так.

М а ш а. У вас были тогда только усы. О, как вы постарели! (*Сквозь слезы.*) Как вы постарели!

В е р ш и н и н. Да, когда меня звали влюбленным майором, я был еще молод, был влюблен... Теперь не то...

О л ь г а. Но у вас еще ни одного седого волоса. Вы постарели, но еще не стары.

В е р ш и н и н. Однако уже сорок третий год. Вы давно из Москвы?

И р и н а. Одиннадцать лет. Ну, что ты, Маша, плачешь, чудачка. (*Плачет*[з].) И я заплачу.

М а ш а. Я ничего. ⟨А на какой улице вы жили?⟩[и]

В е р ш и н и н. На Старой Басманной... Я одно время жил на Немецкой улице[к].

О л ь г а. Это близко.

В е р ш и н и н. С Немецкой улицы я хаживал в Красные казармы. Там по пути угрюмый мост, под мостом вода шумит... Одинокому становится грустно на душе.

Пауза.

А здесь какая широкая, какая богатая река! Чудесная река!

а *Вместо*: Вот подполковник ~ из Москвы — Подполковник Вершинин, оказывается, из Москвы.

б *Вместо*: Позвольте представиться — (Ольге.) Вы, стало быть, Ольга Сергеевна, старшая . . . А вы Мария . . . А вы Ирина — младшая . . .

в *Далее:* в Москве

г *Вместо*: совершенно — собственно

д *Отсутствует*: ведь

е *Вместо*: Садитесь — Мне казалось, я всех помню, и вдруг . . .

ж *Ремарка отсутствует.*

з *Вместо*: Плачет — Сквозь слезы

и *Этой фразы, необходимой по смыслу, в цензурном экземпляре нет — вероятно, она была пропущена при перепечатке. Восстанавливаем ее по беловой рукописи.*

к *Вместо*: Я одно время жил на Немецкой улице — Одно время я жил на Немецкой улице.

О л ь г а. Да, но только холодно. (*Вздрагивает*[а].) Здесь холодно и[б] комары.

В е р ш и н и н. Что вы! Здесь такой здоровый, хороший, славянский климат. Лес, река... и здесь тоже березы. Милые, скромные березы, я люблю их больше всех деревьев. Хорошо здесь жить. Только странно, вокзал железной дороги в двадцати верстах. И никто не знает, почему это так[в].

О л ь г а. Теперь и я вспомнила вас. Помню.

В е р ш и н и н. Я вашу матушку знал.

Ч е б у т ы к и н. Хорошая была женщина[г], царство ей небесное.

И р и н а. Мама в Москве погребена[д].

М а ш а. Представьте, я уже начинаю забывать ее лицо... Так и о нас не будут помнить, забудут.

В е р ш и н и н. Да. Забудут[е]. То, что кажется нам серьезным, значительным, очень важным,— придет время,— будет забыто, или будет казаться неважным.

Пауза.

И интересно, мы теперь совсем не можем знать, что собственно будет считаться высоким, важным, и что жалким, смешным... Разве открытие Коперника, или[ж] Колумба не казалось в первое время ненужным, смешным, а какой-нибудь пустой вздор, написанный чудаком, не казался истиной? И может статься, что наша теперешняя жизнь, с которой мы так миримся, будет со временем казаться странной, неудобной, неумной, не достаточно чистой, быть может, даже страшно грешной!..

Т у з е н б а х. Кто знает? А, быть может, нашу жизнь назовут высокой и вспомнят о ней с уважением. Теперь нет пыток, нет казней, нашествий, но вместе с тем сколько страданий![з]

С о л е н ы й. Страдания... Например, клопы кусаются... (*конфузится*).

О л ь г а (*сконфуженная, в сторону*). Он говорит пошлости.

В е р ш и н и н (*Тузенбаху*). Пожалуй, это правда[и].

Ч е б у т ы к и н. Нашу жизнь назовут высокой, но люди-то, голубчик, низенькие. (*Встает.*) Глядите, какой я низенький. А для моего утешения нужно говорить, что жизнь моя высокая. Понятное дело[к].

За сценой игра на скрипке.

М а ш а. Это Андрей играет, наш брат.

а *Ремарка отсутствует.*

б *Далее многоточие.*

в *Далее*: С о л е н ы й. А я знаю, почему это так. (Все глядят на него.) Потому что если бы вокзал был близко, то не был бы далеко, а если он [не близко, то, значит] далеко, то, значит, не близко. (Неловкое молчание.) Т у з е н б а х. Шутник. Василий Васильич.

г *Отсутствует*: женщина

д *Далее*: О л ь г а. В Ново-Девичьем ...

е *Далее*: Такова уж судьба наша, ничего не поделаешь.

ж *Далее*: положим

з *Далее*: С о л е н ы й (тонким голосом). Цип, цип, цип ... [(сердито)] Барона кашей не корми, а только дай ему пофилософствовать. Т у з е н б а х. Василий Васильич, прошу вас оставить меня в покое... (Садится на другое место.) Это скучно, наконец. С о л е н ы й (тонким голосом). Цип, цип, цип ... Т у з е н б а х (Вершинину). Страдания, которые наблюдаются теперь, — их так много! — говорят все-таки об известном нравственном подъеме, которого уже достигло общество. В е р ш и н и н. Да, да, конечно!

и *Отсутствуют три последние реплики — Соленого, Ольги, Вершинина.*

к *Вместо*: Нашу жизнь ~ дело — Вы только что сказали, барон, нашу жизнь назовут высокой; но люди все же низенькие... (Встает.) Глядите, какой я низенький. Это для моего утешения нужно говорить, что жизнь моя высокая, понятная вещь ...

И р и н а. Он у нас ученый. Должно быть, будет профессором. Папа был военным, а его сын избрал себе ученую карьеру. Впрочем, это по желанию папы[а].

О л ь г а. Мы сегодня его задразнили. Он, кажется, влюблен немножко.

И р и н а. В одну здешнюю барышню. Сегодня [б] будет у нас, по всей вероятности.

М а ш а. Как у нас в провинции еще одеваются, не то что [в] некрасиво, не модно, а просто жалко. Какая-то странная [г], желтоватая юбка с этакой пошленькой бахромой и красная кофточка. И щеки такие вымытые, вымытые! Андрей не влюблен [д], а просто [е] так, дразнит нас, дурачится. Слышно [ж], она выходит за Протопопова, председателя здешней управы... И прекрасно. (*В боковую дверь.*) Андрей, поди сюда! На минуточку! [з]

Входит А н д р е й.

О л ь г а. Это мой брат, Андрей Сергеевич.

В е р ш и н и н. Вершинин.

А н д р е й. Прозоров. (*Вытирает вспотевшее лицо.*) Вы к нам батарейным командиром?

О л ь г а. Можешь представить, Александр Игнатьевич из Москвы.

А н д р е й. Да? Ну, поздравляю, теперь мои сестрицы не дадут вам покою.

В е р ш и н и н. Я уже успел надоесть вашим сестрам.

И р и н а. Посмотрите, какую рамочку для портрета подарил мне сегодня Андрей. (*Показывает рамочку.*) Это он сам сделал.

В е р ш и н и н (*глядя на рамочку и не зная, что сказать*). Да... Вещь...

И р и н а. И вот ту рамочку, что над пианино, он тоже сделал.

Андрей машет рукой и отходит.

О л ь г а. Он у нас и ученый, и на скрипке играет, и выпиливает разные штучки, одним словом, мастер на все руки. Андрей, не уходи! У него манера — всегда уходить. Поди сюда!

Маша и Ирина берут его под руки и со смехом ведут назад.

М а ш а. Иди, иди!

А н д р е й. Оставьте, пожалуйста!

М а ш а. Какой смешной! Александра Игнатьевича называли когда-то влюбленным майором, и он нисколько не сердился.

В е р ш и н и н. Нисколько!

М а ш а. А я хочу тебя назвать: влюбленный скрипач!

И р и н а. Или влюбленный толстяк![и]

О л ь г а. Он влюблен! Андрюша влюблен!

И р и н а (*аплодируя*). Браво! Браво! Бис! Андрюшка влюблен!

Ч е б у т ы к и н (*подходит сзади к Андрею и берет его обеими руками за талию*). Для любви одной природа нас на свет произвела! (*Хохочет, садится и читает газету, которую вынул из кармана.*)

[а] *Отсутствует*: Впрочем ~ папы. *Далее*: М а ш а. По желанию папы.

[б] *Далее*: она

[в] *Вместо*: Как у нас ~ не то что — Вы москвич, вы поймете. Я не могу видеть, как здесь одеваются, меня просто оскорбляют здешние щеголихи. Не то что бы

[г] *Далее*: яркая

[д] *Далее*: я не допускаю, все-таки у него вкус есть

[е] *Далее*: он
Вместо: Слышно — Я вчера слышала

[з] *Вместо*: На минуточку! — Милый, на минутку!

[и] *Вместо*: толстяк — профессор

Андрей. Ну, довольно, довольно... (*вытирает*[а] *лицо*). Я всю ночь не спал и теперь, как в тумане[б]. До четырех часов читал, потом лег, но ничего не вышло... Думаю[в] о том, о сем...[г] Хочу за лето, пока буду жить[д] здесь, перевести одну книгу с английского.

Вершинин. А вы читаете по-английски?

Андрей. Да, отец, царство ему небесное, угнетал нас воспитанием. Это смешно и глупо, но в этом все-таки надо сознаться, после его смерти

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО

Фотография с дарственной надписью Чехову:
«Талантливейшему из современных драматургов Ант. Павл. Чехову — постоянный в своем увлечении Вл. Немирович-Данченко»

Дом-музей Чехова, Ялта

я стал полнеть и вот растолстел[е] в один год, точно мое тело освободилось от гнета. Благодаря отцу я и сестры знаем французский, немецкий и анг-

---

а *Вместо*: вытирает — утирает

б *Вместо*: как в тумане — немножко не в себе, как говорится

в *Вместо*: Думаю — Думал

г *Далее*: а тут ранний рассвет, солнце так и лезет в спальню. Чуть ли не во втором часу...

д *Отсутствует*: жить

е *Вместо*: растолстел — располнел. *Далее зачеркнуто*: как говорится, разбух

лийский языки, а Ирина знает еще и[а] по-итальянски. Но чего это стоило!

М а ш а. В этом городе знать три языка ненужная роскошь. Даже и не роскошь, а какой-то ненужный придаток, вроде шестого пальца. Мы знаем много лишнего.

Пауза[б].

В е р ш и н и н. Лишнего? Кто знает! Кто из нас обладает достаточно правильной точкой зрения, чтобы отличать лишнее от того, что необходимо? Мне кажется, что нет[в] и не может быть такого скучного и унылого города, в котором был бы не нужен умный, образованный человек. Допустим, что среди ста тысяч населения этого города, конечно, отсталого и грубого, таких, как вы, только три. Само собою разумеется, вам не победить окружающей вас темной массы; в течение вашей жизни, мало-помалу[г], должны будете уступить и затеряться в стотысячной толпе, вас заглушит жизнь, но все же вы не исчезнете, не останетесь без влияния; таких, как вы, после вас явится уже, быть может, шесть, потом двенадцать и так далее, пока, наконец, такие, как вы, не станут большинством. Через двести — триста лет жизнь на земле будет невообразимо прекрасной, изумительной. Человеку нужна такая жизнь, и если ее нет пока, то он должен предчувствовать ее, ждать, мечтать, готовиться к ней, он должен для этого видеть и знать больше, чем видели и знали его дед и отец. (*Смеется.*) А вы жалуетесь, что знаете много лишнего.

М а ш а (*снимает шляпу*). Я остаюсь завтракать.

И р и н а (*со вздохом*). Право, все это следовало бы записать.

Андрея нет, он незаметно ушел.

Т у з е н б а х. Через много лет, вы говорите, жизнь на земле будет прекрасной, изумительной. Но чтобы участвовать в ней теперь, хотя издали, предвкушать ее[д], нужно приготовляться к ней, нужно работать.

В е р ш и н и н. Да[е].

Т у з е н б а х. Конечно, не иначе[ж].

Пауза.

В е р ш и н и н[з]. Я часто думаю: что если бы начать жить сначала, притом сознательно? Если бы одна жизнь, которая уже прожита, была, как говорится, начерно, другая — начисто? Тогда каждый из нас, я думаю, постарался бы прежде всего не повторять самого себя, по крайней мере создал бы для себя иную обстановку жизни[и]. У меня, например[к], жена, две девочки[л]... притом жена дама нездоровая и так далее, и

а *Отсутствует*: и...

б *Отсутствует ремарка.*

в *Вместо*: Лишнего? ~ что нет — Вот-те на! Во-первых, едва ли кто-нибудь из нас обладает достаточно правильной точкой зрения, чтобы отличать лишнее от того, что в самом деле необходимо. И во-вторых, мне кажется, нет

г *Далее*: вы

д *Отсутствует*: предвкушать ее

е *Вместо*: Да — (Встает.) Да. Сколько, однако, у вас цветов! (оглядываясь) И квартира чудесная. Завидую. А я всю жизнь мою болтался по квартиркам с двумя стульями, с одним диваном, и с печами, которые всегда дымят... [Вот именно] У меня в жизни не хватало именно вот таких цветов... (потирает руки) Эх! [Впрочем, так вышло] Ну, да что!

ж *Вместо*: Конечно, не иначе — Да, нужно работать! Вы небось думаете: расчувствовался немец! Но я, честное слово, русский и по-немецки даже не говорю. Отец у меня православный...

з *Далее:* [ходит по сцене]

и *Далее*: уст[роил бы себе такую квартиру с цветами, с массою света...

к *Отсутствует*: например

л *Вместо*: две девочки — двое девочек

так далее, ну, а если бы начать[а] жить сначала, то я не женился бы... Нет, нет!

Входит К у л ы г и н в форменном фраке.

К у л ы г и н (*подходит к Ирине*). Дорогая сестра, позволь мне поздравить тебя с днем твоего ангела и пожелать искренно, от души, здоровья и всего того, что можно пожелать девушке твоих лет. И позволь поднести тебе в подарок вот эту книгу[б] (*Подает книжку.*) История нашей гимназии за пятьдесят лет[в]. Feci quod potui, faciant meliora potentes. (*Целует Машу.*)

И р и н а. Но ведь ты на пасху[г] уже подарил мне такую книжку.

К у л ы г и н (*смеется*). Не может быть! В таком случае отдай назад, или вон[д] лучше отдай полковнику. Возьмите, полковник. Когда-нибудь прочтете от скуки.

В е р ш и н и н. Благодарю вас. (*Встает, чтобы уйти.*)[е] Я чрезвычайно рад, что познакомился...

О л ь г а. Вы уходите? Нет, нет!

И р и н а. Вы останетесь у нас завтракать. Пожалуйста!

О л ь г а. Прошу вас.

В е р ш и н и н (*кланяется*). Я, кажется, попал на именины... Простите, я и[ж] не знал, не поздравил вас... (*Уходит с Ольгой в залу.*)

К у л ы г и н. Сегодня, господа, воскресный день, день отдыха, будем же отдыхать, будем веселиться каждый сообразно со своим возрастом и положением. Ковры надо будет убрать на лето и спрятать до зимы. Персидским порошком, или нафталином... Римляне были здоровы, потому что умели трудиться, умели и отдыхать, у них была mens sana in corpore sano. Жизнь их текла по известным формам... Главное во всякой жизни это ее форма. Что теряет свою форму, то кончается. И в нашей обыденной жизни то же самое. (*Берет Машу за талию, смеясь.*) Маша меня любит! Моя жена меня любит! И оконные занавески тоже туда с коврами. Сегодня я весел, в отличном настроении духа. Маша, в четыре часа сегодня мы у директора. Устраивается прогулка педагогов и их семейств.

М а ш а. Я не пойду[з].

К у л ы г и н (*огорченный*). Милая Маша, почему?

М а ш а. Хорошо. Только отстань пожалуйста[и]. (*Отходит.*)

К у л ы г и н. А затем вечер проведем у директора. Несмотря на свое болезненное состояние, этот человек старается прежде всего быть общественным. Превосходная светлая личность! Великолепный человек! Вчера после совета он мне говорит: «Устал, Федор Ильич! Устал!» (*Смотрит на стенные часы, потом на свои.*) Ваши часы спешат на семь минут. Да, говорит, устал!

За сценой игра на скрипке.

О л ь г а. Господа, милости просим, пожалуйте завтракать! Пирог!

а *Вместо*: начать — начинать

б *Вместо*: книгу — книжку

в *Далее*: написанная мною. Пустяшная книжка, написал от нечего делать, но ты все-таки прочти. Здравствуйте, господа! (Вершинину.) Кулыгин, учитель здешней гимназии. Надворный советник. (Ирине.) В этой книжке ты найдешь список всех, окончивших курс в нашей гимназии за эти пятьдесят лет.

г *Вместо*: Но ведь ты на пасху — Но ведь на пасху ты

д *Вместо:* вон — вот

е *Вместо*: встает, чтобы уйти — собираясь уйти

ж *Отсутствует*: и

з *Вместо*: Я не пойду.— Не пойду я.

и *Вместо*: Хорошо ~ пожалуйста — [Хорошо] После об этом.(Сердито.) Хорошо, я пойду, только отстань, пожалуйста . . .

К у л ы г и н. Ах, милая моя Ольга, милая моя!.. Я вчера работал с утра до одиннадцати часов вечера, устал и сегодня чувствую себя счастливым. (*Уходит в залу к столу.*) Милая моя!..

Ч е б у т ы к и н (*кладет газету в карман, причесывает бороду*). Пирог? Великолепно!

М а ш а (*Чебутыкину строго*). Только вы ничего не пейте! Вам вредно[а].

Ч е б у т ы к и н. Эва! У меня уже два года запоя не было. Прошло[б].

М а ш а. Все-таки не смейте пить[в]. (*Сердито, но так, чтобы муж не слыхал*[г].) Опять, черт побери[д], скучать целый вечер у директора!

Т у з е н б а х. Так не ходите![е]

Ч е б у т ы к и н. Конечно[ж].

М а ш а. Да, не ходите... Эта жизнь проклятая!.. Невыносимая. (*Идет в залу.*)

Ч е б у т ы к и н (*идет за ней*). Ну-у!

С о л е н ы й. Ты все пела, это дело, ну теперь же попляши. (*Идет в залу.*)[з]

К у л ы г и н (*весело*). Ваше здоровье, полковник! Я педагог, я вот Машин муж, свой человек...[и]

В е р ш и н и н (*смеясь*). Я не знаю, отчего мне так весело[к].

В гостиной остаются только Ирина и Тузенбах.

И р и н а. Маша сегодня не в духе. Она вышла замуж восемнадцати лет, когда он казался ей самым умным человеком... А теперь не то. Он самый добрый, но не самый умный.

О л ь г а (*нетерпеливо*). Андрей, иди же наконец!

А н д р е й (*за сценой*). Сейчас! (*Входит и идет к столу.*)

Т у з е н б а х. О чем вы все[л] думаете?

И р и н а. Так. И зачем этот Соленый пришел сегодня![м] Он говорит только[н] глупости.

Т у з е н б а х. Он, бедняга, очень застенчив. Когда мы вдвоем с ним, то он очень умен и ласков[о]. Не ходите, пусть пока сядут за стол. Дайте мне побыть около вас. О чем вы думаете? (*Пауза.*) Вам двадцать лет, мне нет еще тридцати. Сколько лет нам осталось впереди, длинный, длинный ряд дней, полных моей любви к вам.

И р и н а. Николай Львович, дорогой, не говорите мне о любви.

Т у з е н б а х (*не слушая*). У меня страстная жажда жизни, борьбы, труда, и эта жажда в душе слилась с любовью к вам, Ирина, и, как нарочно, вы прекрасны, и жизнь мне кажется такой прекрасной! О чем вы думаете?

а *Вместо*: Только ~ вам вредно — Только смотрите: ничего не пить сегодня. Слышите? Вам вредно пить.

б *Вместо*: У меня ~ прошло — У меня уже прошло. Два года как запоя не было.

в *Далее*: Не смейте!

г *Вместо*: чтобы муж не слыхал — чтобы не слышал муж

д *Вместо*: побери — подери

е *Вместо*: Так не ходите! — Я бы не пошел на вашем месте. Очень просто.

ж *Вместо*: Конечно — Не ходите.

з *Вместо*: Ты все пела ~ (Идет в залу.) — (Проходя в залу.) Цип, цип, цип... *Далее*: Т у з е н б а х. Довольно, Василий Васильич! Будет. С о л е н ы й. Цип, цип. цип...

и *Вместо*: я вот ~ человек — а здесь в доме свой человек, Машин муж... Она добрая, очень добрая...

к *Вместо*: (Смеясь.) ~ весело — Я выпью вот этой темной водки... (Пьет.) Ваше здоровье... (Ольге.) Мне у вас так хорошо

л *Отсутствует:* все

м *Вместо*: И зачем ~ сегодня! — Я не люблю и боюсь этого вашего Соленого.

н *Вместо*: только — одни

о *Вместо*: Он, бедняга ~ ласков — Странный он человек. Мне и жаль его, и досадно, но больше жаль. Мне кажется, он застенчив... Когда мы вдвоем с ним, то он бывает очень умен и ласков, а в обществе он [бреттер] грубый человек, бреттер.

И р и н а. Вы говорите: прекрасная[а] жизнь...[б] Но если она только кажется такой. Нас, трех сестер, заглушает жизнь, как сорная трава[в]... Текут у меня слезы... Это не нужно... (*Быстро вытирает лицо, улыбается.*) Работать нужно, работать. Оттого нам не весело и смотрим мы на жизнь так мрачно, что не знаем труда. Мы родились от людей, не знавших труда[г].

Н а т а л ь я И в а н о в н а входит, она в розовом платье с зеленым поясом.

Н а т а ш а. Там уже завтракать сели[д]... Я опоздала... (*Мельком глядит в зеркало, поправляется.*) Кажется, причесана ничего себе. (*Увидав Ирину.*) Милая Ирина Сергеевна, поздравляю вас. (*Целуется крепко и продолжительно.*) У вас много гостей, мне, право, совестно... Здравствуйте, барон!

О л ь г а (*входя в гостиную*). Ну, вот и Наталья Ивановна! Здравствуйте, моя милая!

Целуются.

Н а т а ш а. С именинницей... У вас такое большое общество, я смущена ужасно.

О л ь г а. Полно, у нас все свои! (*Вполголоса испуганно.*) На вас зеленый пояс. Милая, это не хорошо!

Н а т а ш а. Разве есть примета?

О л ь г а. Нет, просто не идет... безвкусно[е].

Н а т а ш а (*плачущим тоном*). Да? Но ведь это не зеленый, а скорее матовый... (*Идет с*[ж] *Ольгой в залу.*)

В зале садятся завтракать; в гостиной ни души.

К у л ы г и н. Желаю тебе, Ирина, жениха хорошего. Самая пора тебе выходить[з].

Ч е б у т ы к и н. Наталья Ивановна, и вам женишка хорошего[и] желаю.

К у л ы г и н. У Натальи Ивановны уже есть женишок...

Смех[к].

М а ш а. Выпью рюмочку винца... (*Басом.*) За ваше здоровье![л]

К у л ы г и н. Ты ведешь себя на три с минусом[м].

Ч е б у т ы к и н (*хохочет*). Для любви одной природа нас на свет произвела!

Смех.

А н д р е й (*сердито*). Перестаньте, господа! Не надоело вам...

Ф е д о т и к и Р о д е входят с большой корзиной цветов.

Ф е д о т и к. Однако уже завтракают.

а *Вместо*: прекрасная — прекрасна

б *Далее*: Да

в *Вместо*: Нас ~ трава — У нас, трех сестер, жизнь не была еще прекрасной, она заглушала нас, как сорная трава

г *Вместо*: не знавших труда — презиравших труд.

д *Вместо*: сели — садятся

е *Вместо*: безвкусно — и как-то странно

ж *Вместо*: с — за

з *Вместо*: Самая пора тебе выходить — Пора уже тебе выходить

и *Отсутствует:* хорошего

к *Отсутствует ремарка.*

л *Вместо*: (Басом.) За ваше здоровье! — Эх-ма, жизнь малиновая, где наша не пропадала! Эх-ма!

м *Далее*: В е р ш и н и н. А наливка вкусная. На чем это настоено? С о л е н ы й. На тараканах. И р и н а (плачущим голосом). Фу! Фу! Какое отвращение! О л ь г а. За ужином будет жареная индейка и сладкий пирог с яблоками. Слава богу, сегодня целый день я дома, вечером — дома... Господа, вечером приходите... В е р ш и н и н. Позвольте и мне прийти вечером... И р и н а. Пожалуста! Н а т а ш а. У них попросту.

Р о д е (*громко и картавя*). Завтракают? Да, уже завтракают...

Ф е д о т и к. Погоди минуточку[а]... (*Снимает фотографию.*) Раз! Погоди еще[б]... (*Снимает другую фотографию.*) Два! Теперь готово...

Берут корзину и идут в залу, где их встречают с шумом.

Р о д е (*громко*). Поздравляю, желаю всего, всего. Погода сегодня очаровательная, одно великолепие![в]

Ф е д о т и к. Ирина Сергеевна, вы сегодня замечательно интересны! (*Снимает фотографию.*)[г]

М а ш а. Слава богу, слава нам, Туртукай взят и мы там[д]. (*Плаксиво.*) Ну, зачем я это говорю? Привязалась ко мне эта фраза с самого утра... (*Трет себе лоб.*)[е]

К у л ы г и н. Тринадцать за столом!

Р о д е (*громко*). Господа, неужели вы придаете значение предрассудкам?

Смех.

К у л ы г и н. Если тринадцать за столом, то, значит, есть влюбленные. Уж не вы ли, Иван Романович[ж], чего доброго...

Смех.

Ч е б у т ы к и н. Я старый грешник, а вот отчего Наталья Ивановна сконфузилась, решительно понять не могу...

Громкий смех, Наташа выбегает из залы в гостиную, за ней Андрей.

А н д р е й. Полно, не обращайте внимания! Погодите... постойте, прошу вас...

Н а т а ш а. Мне стыдно... Я не знаю, что со мной делается, а они поднимают меня на смех. То, что я сейчас вышла из-за стола, неприлично, но я не могу, не могу... (*Закрывает лицо руками.*)

А н д р е й. Дорогая моя[з], не волнуйтесь...[и] Они ведь[к] шутят, они от доброго сердца... Дорогая моя, моя хорошая, они все добрые, сердечные люди, и любят меня и вас. Идите сюда к окну, нас здесь не видно им... (*Оглядывается.*)

Н а т а ш а. Я так не привыкла бывать в обществе.

А н д р е й. О, молодость, чудная, прекрасная молодость! Моя дорогая, моя хорошая, не волнуйтесь так... Верьте мне, верьте... Мне так хорошо, душа полна любви, восторга... О, нас не видят! Не видят...[л] Дорогая моя, хорошая, чистая, будьте моей женой! Я вас люблю... люблю... как никого никогда!... (*Поцелуй.*)

Два офицера входят и, увидев целующуюся пару, останавливаются, изумленные[м].

а *Вместо:* минуточку — минутку

б *Далее:* немного

в *Далее:* Сегодня все утро гулял с гимназистами. Я преподаю в гимназии гимнастику.

г *Вместо:* Ирина Сергеевна ~ (Снимает фотографию.)— Можете двигаться, Ирина Сергеевна, можете! (Снимает фотографию.) Вы сегодня замечательно интересны. (Вынимает из кармана волчок.) Вот между прочим волчок. Удивительный звук. И р и н а. Какая прелесть!

д *Вместо:* Слава богу ~ мы там — У лукоморья дуб зеленый, златая цепь на дубе том... Зла<та>я цепь на дубе том...

е *Ремарка отсутствует.*

ж *Вместо:* Романович — Романыч

з *Далее:* Прошу вас, умоляю

и *Далее:* Уверяю вас

к *Отсутствует:* ведь

л *Далее:* За что, за что я полюбил вас, когда полюбил — о, ничего не понимаю!

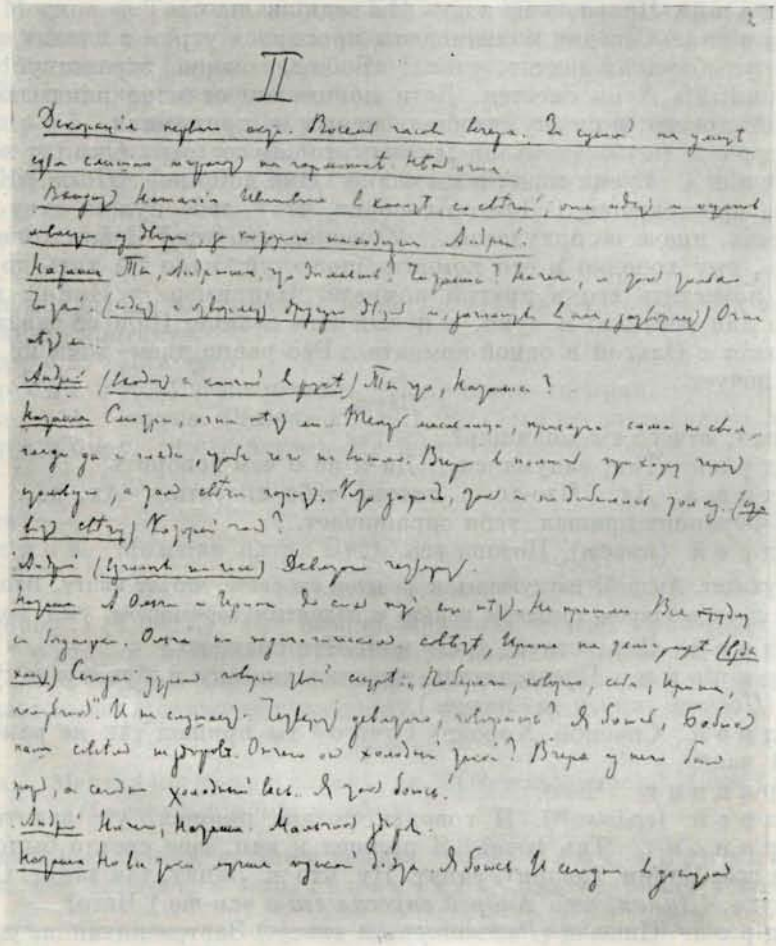
м *Вместо:* изумленные — в изумлении

II

Декорация 1-го акта. Восемь часов вечера. За сценой на улице едва слышно играют на гармонике. Нет огня.

Входит Наталья Ивановна в капоте, со свечой, она идет и останавливается у двери, за которой находится Андрей.

Наташа. Ты, Андрюша, что делаешь? Читаешь? Ничего, я так только... Читай. (*Идет и отворяет другую дверь и, заглянув в нее, затворяет.*) Огня нет ли...



БЕЛОВАЯ РУКОПИСЬ ПЬЕСЫ «ТРИ СЕСТРЫ», 1900 г.
Автограф. Начало второго акта
Музей Художественного театра, Москва

Андрей (*входит с книгой в руке*). Ты что, Наташа?

Наташа. Смотрю, огня нет ли... Теперь масленица, прислуга сама не своя, гляди да и гляди, чтоб чего не вышло. Вчера в полночь прохожу через столовую, а там свеча горит. Кто зажег, так и не добилась толку. (*Ставит свечу.*) Который час?

Андрей (*взглянув на часы*). Девятого четверть.

Наташа. А Ольги и Ирины до сих пор нет[а]. Всё трудятся бедняжки. Ольга на педагогическом совете, Ирина на телеграфе... (*Вздыхает.*) Сегодня утром говорю твоей сестре: «Побереги себя, говорю, Ирина, голубчик»[б]. И не слушает. Четверть девятого, говоришь? Я боюсь, Бобик наш совсем не здоров. Отчего он холодный такой? Вчера у него был жар, а сегодня холодный весь... Я так боюсь!

Андрей. Ничего, Наташа. Мальчик здоров.

Наташа. Но все-таки лучше пускай диета... Я боюсь... И сегодня в десятом часу, говорили, ряженые у нас будут, лучше бы они не приходили, Андрюша.

Андрей. Право, я не знаю. Их ведь звали.

Наташа. Сегодня мальчишечка проснулся утром и глядит на меня, и вдруг улыбнулся: значит, узнал! «Бобик, говорю, здравствуй! Здравствуй, милый!» А он смеется. Дети понимают, отлично понимают. Так, значит, Андрюша, я скажу, чтобы ряженых не принимали.

Андрей (*нерешительно*). Да ведь это как сестры... Они тут хозяйки.

Наташа. И они тоже, я им скажу. Они добрые... (*Идет.*) К ужину я велела простокваши... Доктор говорит, что[в] тебе нужно одну простоквашу есть, иначе не похудеешь... (*Останавливается.*) Бобик холодный... Я боюсь, ему холодно в его комнате, пожалуй; надо бы хоть до теплой погоды поместить его в другой комнате. Например, у Ирины комната как раз для ребенка: и сухо, и целый день солнце. Надо ей сказать, она пока может с Ольгой в одной комнате... Все равно днем дома не бывает, только ночует...

Пауза.

Андрюша[г], отчего ты молчишь?

Андрей. Так, задумался... Да и не о чем говорить.

Наташа. Да... Что-то я хотела тебе сказать... Ах, да... Там из управы Ферапонт пришел, тебя спрашивает...

Андрей (*зевает*). Позови его.

Наташа уходит. Андрей, нагнувшись к забытой ею свече, читает книгу. Входит Ферапонт; он в старом трепаном пальто с поднятым воротником, уши подвязаны.

Андрей. Здравствуй, душа моя. Что скажешь?

Ферапонт. Председатель прислал книжку и бумагу какую-то... Вот... (*Подает книгу и пакет.*)

Андрей. Спасибо. Хорошо. Отчего[д] ты пришел так не рано? Ведь девятый час[е].

Ферапонт. Чего?

Андрей (*громко*[ж]). Я говорю, поздно пришел, уж девятый час.

Ферапонт. Так точно. Я пришел к вам, еще светло было, да не пускали всё. Барин, говорят, занят. Ну, что ж. Занят, так занят. Спешить мне некуда. (*Думая, что Андрей спросил его о чем-то.*) Чего?

Андрей. Ничего. (*Рассматривая книгу.*) Завтра пятница, у нас нет присутствия, но я все равно приду... позаймусь. Дома скучно.

Пауза.

Милый дед, как странно меняет[з], как обманывает жизнь! Сегодня от скуки, от нечего делать, я взял в руки вот эту книгу — старые университетские

а *Вместо*: до сих пор нет — до сих пор еще нет. Не пришли.
б *Вместо*: побереги ~ голубчик — побереги, говорю, себя, Ирина, голубчик.
в *Отсутствует*: что
г *Вместо*: Андрюша — Андрюшканчик
д *Вместо*: Отчего — Отчего же
е *Далее*: уже
ж *Вместо*: громко — громче
з *Вместо*: меняет — меняется

лекции, и мне стало смешно. Боже мой, я секретарь земской управы, той управы, где председательствует Протопопов, я секретарь и самое большее, на что я могу надеяться,— это быть членом здешней [а] земской управы... Мне быть членом здешней земской управы, мне, которому снится каждую ночь, что я профессор Московского университета, знаменитый ученый, которым гордится русская земля!

Ферапонт. Не могу знать... Слышу-то плохо.

Андрей. Если бы ты слышал, как следует, то я, быть может, и не говорил бы с тобой. Мне нужно говорить с кем-нибудь, а жена меня не понимает, сестер я боюсь почему-то, боюсь, что они засмеют меня, застыдят. Я не пью, трактиров не люблю, но с каким удовольствием я посидел бы теперь в Москве у Тестова, или в Большом Московском, голубчик мой!

Ферапонт. А в Москве, в управе давеча рассказывал подрядчик, какие-то купцы ели блины, один, который съел сорок блинов, будто помер. Не то 40, не то 50. Не упомню.

Андрей. Сидишь в Москве, в громадной зале ресторана, никого не знаешь и тебя никто не знает, и в то же время не чувствуешь себя чужим. А здесь ты всех знаешь и тебя все знают, но чужой, чужой... Чужой и одинокий...

Ферапонт. Чего?

Пауза.

И тот же подрядчик сказывал — может, и врет — будто поперек всей Москвы канат протянут.

Андрей. Для чего?

Ферапонт. Не могу знать. Подрядчик говорил.

Андрей. Чепуха. (*Читая книгу.*) Ты был когда-нибудь в Москве?

Ферапонт (*после паузы*). Не был. Не привел бог.

Пауза.

Мне идти?

Андрей. Можешь идти. Будь здоров.

Ферапонт уходит.

Будь здоров... (*Читая.*) [б] Все помню, ничего не забыл. Громадная у меня память, [в] с этакой памятью другой на моем месте давно бы протянулся поперек всей Москвы, как [г] канат... Поперек всей России... Я думаю, ничто не дает выше и слаже наслаждения, чем слава...

Звонок.

Да, дела... Мечтал когда-то о славе... да... (*Потягивается.*) И она была так возможна... (*Не спеша уходит к себе.*) [д]

За сценой поет нянька, укачивая ребенка. Входят Маша и Вершинин. Пока они беседуют, в зале горничная зажигает лампу и свечи.

Маша. Не знаю. [е] Конечно, много значит привычка. После смерти отца, например, мы долго не могли привыкнуть к тому, что у нас уже нет денщиков. Но и помимо привычки, мне кажется, говорит во мне просто справедливость. Может быть, в других местах и не так, но в нашем городе самые порядочные, самые благородные и воспитанные люди — это военные.

а *Отсутствует*: здешней

б *Далее*: Завтра утром придешь, возьмешь тут бумаги. . . Вот видишь,

в *Далее:* и

г *Далее*: этот твой

д *Вместо*: Я думаю ~(Не спеша уходит к себе.) — Ступай. . . (Пауза.) Он ушел. (Звонок.) Да, дела. . . (Потягивается и не спеша уходит к себе.)

е *Далее*: (Пауза.) Не знаю.

В е р ш и н и н.[а] Я бы выпил чаю.

М а ш а (*взглянув на часы*). Скоро дадут. Меня выдали замуж, когда мне было семнадцать[б] лет, и я своего мужа боялась, потому что он был учителем,а я тогда едва кончила курс. Он казался мне тогда ужасно ученым, умным и важным. А теперь уже не то, к сожалению...

В е р ш и н и н. Так[в].

М а ш а. Про мужа я не говорю, к нему я привыкла, но между штатскими вообще так много людей грубых, не любезных, невоспитанных. Меня волнует, оскорбляет грубость[г], страдаю, когда вижу, что человек недостаточно тонок, недостаточно мягок, любезен. Когда мне случается быть среди учителей, товарищей мужа, то я просто страдаю.

В е р ш и н и н. А[д] мне кажется, все равно[е], что военный, что штатский[ж], одинаково неинтересно, по крайней мере в этом городе. Надоели[з]. Если послушать здешнего интеллигента[и], то с женой он замучился, с именем замучился, с лошадьми замучился. Русскому человеку в высшей степени свойственен возвышенный образ мыслей, но скажите, почему в жизни он хватает так невысоко? Почему?

М а ш а. Почему?

В е р ш и н и н. Почему?[к] Почему он с детьми замучился, с женой замучился? А почему жена и дети с ним замучились?

М а ш а. Вы сегодня не в духе.

В е р ш и н и н. Может быть. Я сегодня тревожен[л]. У меня дочь больна немножко. Но дело не в болезни. Когда они, девочки, болеют[м], то мною овладевает тревога, меня мучает совесть за то, что у них такая мать. О, если бы вы видели ее сегодня! Что за ничтожество! Олицетворенная пошлость!

Пауза.

Простите, что я начал об этом. Мне так сладко жаловаться вам![н] Кроме вас одной, у меня нет никого, никого...

Пауза.

М а ш а. Какой шум в печке! У нас незадолго до смерти отца гудело в трубе. Вот точно так.

В е р ш и н и н. Вы с предрассудками?

М а ш а. Да.

В е р ш и н и н. Странно это. (*Целует руку.*) Какая чудная, великолепная женщина[о]. Здесь темно, но я вижу блеск ваших глаз...

М а ш а (*садится на другой стул*). Здесь светлей.

В е р ш и н и н (*вполголоса*). Я люблю, люблю, люблю вас[п]...

а *Далее:* Мне пить хочется.

б *Вместо:* семнадцать — восемнадцать

в *Далее:* Да.

г *Далее:* я

д *Вместо:* А — Да-с... Но

е *Далее:* Все равно.

ж *Вместо:* что военный, что штатский — что штатский, что военный

з *Вместо:* Надоели — Все равно!

и *Далее:* штатского или военного

к *Отсутствует:* Почему?

л *Вместо:* Я сегодня тревожен — Я сегодня не обедал, ничего не ел с утра.

м *Вместо:* Но дело ~ болеют — Когда болеют мои девочки

н *Вместо:* Олицетворенная пошлость! ~ жаловаться вам — Мы начали браниться с шести часов утра, а в девять я хлопнул дверью и ушел. (Пауза.) Я никогда не говорю об этом, и странно, жалуюсь только вам одной. (Целует руку.) Не сердитесь на меня.

о *Вместо:* Какая чудная, великолепная женщина — Вы великолепная, чудная женщина. Великолепная, чудная!

п *Вместо:* вас — Люблю ваши глаза, ваши движения, которые мне снятся... Великолепная, чудная женщина!

ПЕРВОЕ ОТДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ПЬЕСЫ «ТРИ СЕСТРЫ» (СПб., 1901)

Обложка с портретами участников первого представления пьесы. Сверху (слева направо): М. Г. Савицкая — Ольга; О. Л. Книппер — Маша; М. Ф. Андреева — Ирина. Внизу: В. В. Лужский — Андрей Прозоров

Маша (*закрывает лицо руками*). Не повторяйте... (*Вполголоса.*) Что делать? Я не знаю, не знаю, что мне делать теперь... Не повторяйте, не надо. Сюда идут[а]...

Ирина и Тузенбах входят через залу.

Тузенбах. У меня тройная фамилия. У меня фамилия[б] Тузенбах-Кроне-Альтшауер, но я русский, православный, как вы. Немецкого у меня осталось мало, разве одна[в] только терпеливость, упрямство, с каким я дожидаюсь собственного счастья[г]. Вас я жду уже четыре года и готов ждать еще хоть десять[д].

Ирина. Как я устала.

Тузенбах. И все десять лет я каждый день по вечерам[е] буду приходить на телеграф и провожать вас домой![ж] (*Увидав*[з] *Машу и Вершинина, радостно.*) Это вы? Здравствуйте!

а *Вместо:* (Закрывает лицо руками) ~ идут... — (Тихо смеясь.) Когда вы говорите со мной так, то я почему-то смеюсь, хотя мне страшно... Не повторяйте, прошу вас... (Вполголоса.) А впрочем, говорите, мне все равно... (Закрывает лицо руками.) Мне все равно... Сюда идут, говорите о чем-нибудь другом...

б *Вместо:* У меня фамилия — Меня зовут барон

в *Отсутствует:* одна

г *Вместо:* дожидаюсь собственного счастья — надоедаю вам.

д *Вместо:* Вас я ~ десять — Я провожаю вас каждый вечер.

е *Вместо:* И все ~ по вечерам — И каждый вечер

ж *Далее:* буду десять — двадцать лет, пока вы не прогоните...

з *Вместо:* Увидав — Увидев

И р и н а. Вот и я дома, наконец. (*Маше.*) Сейчас приходит одна дама, телеграфирует своему брату в Сарагов, что у нее сегодня сын умер, и никак не может вспомнить адреса. Так и послала без адреса, просто в Саратов. Плачет. И я ей нагрубила ни с того ни с сего. «Мне, говорю, некогда!» Так глупо вышло. Сегодня у нас ряженые?

М а ш а. Да.

И р и н а (*садится в кресло*). Отдохнуть... Устала[а]. Нет, не люблю я телеграфа, не люблю.

М а ш а. Ты как-то[б] похудела и посуровела[в]... (*Посвистывает.*)[г]

И р и н а. Надо поискать другую должность, а эта не по мне. Нет в ней именно того, чего я так хотела[д]... Труд без поэзии, без мыслей...

Стук в пол.

Доктор стучит[е]. (*Стучит в пол.*)[ж] Сейчас придет... Надо бы принять какие-нибудь меры. Вчера доктор и наш Андрей были в клубе и опять проигрались. Говорят, Андрей 200 рублей проиграл.

М а ш а (*равнодушно*). Что ж теперь делать?

И р и н а. Две недели назад проиграл, в декабре проиграл... Скорее бы все проиграл, быть может уехали бы из этого города. Не город, а жалкий городишка[з]... Господи боже мой, мне Москва снится каждую ночь, я как помешанная[и]... Мы переезжаем туда в июне, а до июня осталось еще февраль, март, апрель, май... почти полгода!

М а ш а. Надо только, чтобы Наташа не узнала как-нибудь о проигрыше.

И р и н а. Ей, я думаю, все равно.

Ч е б у т ы к и н[к] входит в залу и причесывает бороду, потом садится за стол и вынимает из кармана газету.

М а ш а. Вот, пришел. Он заплатил за квартиру?

И р и н а (*смеется*). Нет... За 8 месяцев — ни копейки[л].

М а ш а. Молодец доктор[м].

И р и н а (*Вершинину*). Что вы молчите, Александр Игнатьевич?

В е р ш и н и н. Не знаю. Чаю хочется.[н]

Ч е б у т ы к и н. Ирина Сергеевна.

И р и н а. Что вам?

Ч е б у т ы к и н.[о] Venez isi.

Ирина идет и садится с ним рядом[п].

Я без вас не могу.

Ирина раскладывает пасьянс.

а *Далее*: Т у з е н б а х (*с улыбкой*). Когда вы приходите с должности, то кажетесь такой маленькой, несчастненькой... (Пауза.) И р и н а. Устала.

б *Отсутствует*: как-то

в *Отсутствует*: и посуровела

г *Далее*: И помолодела, и на мальчишку стала похожа лицом. Т у з е н б а х. Это от прически.

д *Вместо*: Нет ~ хотела — Чего я так хотела, о чем мечтала, в ней-то именно и нет.

е *Далее*: (Тузенбаху.) Милый, постучите... Я не могу... Устала... Т у з е н б а х

ж *Далее*: И р и н а

з *Отсутствует*: Не город ~ городишка...

и *Вместо*: я как помешанная — я совсем как помешанная. (Смеется.)

к *Далее*: — только что вставший с постели — он отдыхал после обеда —

л *Вместо*: ни копейки — ни копеечки. *Далее*: Очевидно, забыл.

м *Вместо*: Молодец доктор — (смеется). Как он важно сидит! *Далее*: (Все смеются; пауза)

н *Далее*: Полжизни за стакан чаю! С утра ничего не ел...

о *Далее*: Пожалуйте сюда.

п *Вместо*: с ним рядом — за стол

В е р ш и н и н. Что ж[а]. Давайте хоть пофилософствуем, Николай Львович[б].

Т у з е н б а х. Давайте. О чем?

В е р ш и н и н. О чем? Давайте помечтаем. Например, давайте поговорим[в] о той жизни, какая будет после нас, лет через 200—300.

Т у з е н б а х[г]. После нас будут летать на воздушных шарах, изменится одежда[д], откроют, быть может, шестое чувство и разовьют его, но жизнь останется все та же, жизнь трудная, полная тайн и счастливая. И через тысячу лет человеку будет так же тяжко жить, как теперь[е], и, вместе с тем, точно так же, как теперь, он будет болеть[ж] и не хотеть смерти.

В е р ш и н и н. Не думаю. Всё, все должно измениться на земле[з] мало-помалу и уже меняется на наших глазах. Через 200—300, наконец тысячу лет,— дело не в сроке,— настанет новая, счастливая жизнь. Участвовать в этой жизни мы не будем, конечно, но мы живем теперь для нее[и], работаем[к], страдаем, мы творим ее — и в этом одном цель нашего бытия и, если хотите, наше счастье[л]. Не я, то хоть потомки потомков моих[м]. Я кончил там же, где и вы, в академии я не был, читаю я много, но выбирать книг не умею и читаю, быть может, совсем не то, что нужно, а между тем, как мне[н] хочется знать. Видите, мои волосы седеют. Я почти старик[о], но знаю мало, ах, как мало[п]. Все же, мне кажется, что[р] самое главное и настоящее я знаю, крепко знаю. И как бы мне хотелось доказать вам, что счастья нет, не должно быть и не будет для нас и мы не должны тратить времени и сил на погоню за ним[с]. Мы должны только работать и страдать[т], а счастье — это удел наших далеких потомков[у].

Ф е д о т и к и Р о д е показываются в зале, они садятся и напевают тихо с гитарой «Поймешь ли ты души моей волненье»[ф]

Т у з е н б а х. Не понимаю. Мы должны работать и страдать[х]. Но если я не страдаю[ц], если я счастлив! Поймите же, что я счастлив![ч]

В е р ш и н и н. Нет.

Т у з е н б а х (*всплескивает руками и смеется*).[ш] Ну, как вас убедить?[щ] Мы должны жить[э] настоящею жизнью, будущее будет жить своею жизнью —

а *Далее*: Если не дают чаю, то

б *Отсутствует*: Николай Львович

в *Отсутствует*: давайте поговорим

г *Далее*: Что ж?

д *Вместо*: изменится одежда — изменятся пиджаки

е *Вместо*: человеку ~ теперь — человек будет так же вздыхать: «ах, тяжко жить!»

ж *Вместо*: болеть — бояться

з *Вместо*: Не думаю ~ на земле — (Подумав.) Как вам сказать? Мне кажется, все на земле должно измениться

и *Вместо*: живем теперь для нее — для нее живем теперь

к *Далее*: ну,

л *Далее*: М а ш а (тихо смеется). Т у з е н б а х. Что вы? М а ш а. Не знаю. Сегодня весь день смеюсь, с утра. В е р ш и н и н

м *Отсутствует*: Не я, то хоть потомки потомков моих.

н *Вместо*: как мне — чем больше живу, тем больше

о *Далее*: уже

п *Далее*: Но

р *Отсутствует*: что

с *Отсутствует*: и мы ~ за ним

т *Вместо*: страдать — работать

у *Далее*: (Пауза.) Не я, то хоть потомки потомков моих.

ф *Отсутствует*: «Поймешь ли ~ волненье».

х *Вместо*: и страдать — работать и даже не мечтать о счастье.

ц *Отсутствует*: если я не страдаю

ч *Отсутствует*: Поймите ~ счастлив!

ш *Далее*: Очевидно, мы не понимаем друг друга.

щ *Вместо*: Ну, как вас убедить? — Ну, как мне убедить вас?

э *Вместо*: должны жить — живем своею

каждому свое[а]. Жизнь будет такая же[б], как и была, она не меняется и[в] остается такою же, какою была всегда[г] следуя своим собственным законам, до которых вам дело <!>[д] и[е] которых вы никогда не узнаете. Перелетные птицы, журавли, например, летят и летят, и какие бы мысли, высокие или малые, ни бродили в их головах, все же будут лететь и не знать, зачем и куда. Они летят и не могут остановиться[ж], и пускай думают, что[з] хотят, лишь бы летели...

Маша. А[и] смысл?

Вершинин[к]. А[л] смысл? Вот снег идет. Какой смысл?

Пауза.

Маша. Мне кажется, человек должен быть верующим, или должен искать веры, иначе жизнь его пуста, пуста. Жить и не знать, для чего журавли летят, для чего дети рождаются[м], для чего человечество[н]... Или знать, для чего живешь, или погибнуть[о].

Пауза.

У Гоголя сказано: скучно жить на этом свете, господа!

Тузенбах. Ну вас![п]

Вершинин. Все-таки жалко, что молодость ушла[р].

Чебутыкин (*читая газету*). Бальзак венчался в Бердичеве.

Ирина напевает тихо.

Чебутыкин. Даже запишу себе это в книжку. (*Записывает.*) Бальзак венчался в Бердичеве... (*Читает газету.*)

Ирина (*раскладывает*[с] *пасьянс, задумчиво*). Бальзак венчался в Бердичеве.[т]

а *Вместо:* каждому свое — точно такою же, как наша — ни лучше, ни хуже... *Далее:* Маша (тихо смеется). Тузенбах (показывает ей палец). Смейтесь!(Вершинину.) Не то что через двести или триста, но и через миллион лет

б *Вместо:* будет такая же — останется такою же

в *Отсутствует:* и

г *Вместо:* такою же, какою была всегда — постоянною

д *Вместо:* дело — нет дела

е *Вместо:* и — или по крайней мере

ж *Вместо:* не могут остановиться — будут лететь, какие бы философы ни завелись среди них

з *Вместо:* думают, что — философствуют, как

и *Вместо:* А — Все-таки

к *Вместо:* Вершинин — Тузенбах

л *Отсутствует:* А

м *Вместо:* рождаются — родятся

н *Вместо:* человечество — звезды на небе

о *Вместо:* или погибнуть — или же все пустяки, трын-трава (пауза). *Далее:* Вершинин. Все-таки жалко, что молодость прошла. Маша.

п *Вместо:* Ну вас! — А я скажу: трудно с вами спорить, господа! Ну вас совсем...

р *Отсутствует реплика Вершинина.*

с *Вместо:* раскладывает — раскладывая

т *Далее:* Тузенбах. Жребий брошен. Вы знаете, Мария Сергеевна, я подаю в отставку. Маша. Слышала. И ничего я не вижу в этом хорошего. Не люблю я штатских. Тузенбах. Все равно... (Встает.) Я не красив, какой я военный? Ну, да все равно, впрочем... Буду работать. Хоть один день в моей жизни поработать так, чтобы прийти вечером домой, в утомлении повалиться в постель и уснуть тотчас же. (Уходя в залу.) [Сплю я неважно] Рабочие, должно быть, спят крепко! Федотик (Ирине). Сейчас на Московской у Пыжикова купил для вас цветных карандашей... И вот этот ножичек... Ирина. Вы привыкли обращаться со мной, как с маленькой, но ведь я уже выросла... (Берет карандаши и ножичек, радостно.) Какая прелесть! Федотик. А для себя я купил ножик... вот поглядите... нож, еще другой нож, третий, это в ушах ковырять, это ножнички, это ногти чистить...

Федотик мешает ей карты. [а]

И р и н а (*сердито*). Что вы делаете?

Ф е д о т и к. Ндраву моему не препятствуй.

И р и н а. Надоели вы с вашими шутками.

Ф е д о т и к. Все равно не вышел бы пасьянс. Я покажу вам сейчас другой... (*Раскладывает пасьянс.*) [б]

Р о д е (*громко*). Доктор, сколько вам лет?

Ч е б у т ы к и н. Мне? Тридцать два.

Смех [в].

И р и н а (*глядя в карты*). А зачем Бальзак был в России?

Пауза.

Т у з е н б а х. Жребий брошен. Вы знаете, Мария Сергеевна, я подаю в отставку.

М а ш а. Слышала. Не люблю я штатских.

Т у з е н б а х. Все равно, я не красив. (*Встает.*) Я не красив, ну, да все равно. Буду работать. Хоть один день в моей жизни поработать так, чтобы прийти вечером домой, в утомлении повалиться на постель и уснуть тотчас же. (*Уходя в залу.*) Я сплю неважно [г].

Подают самовар, А н ф и с а около самовара; немного погодя приходит Н а т а ш а и тоже суетится около стола, приходит С о л е н ы й и, поздоровавшись, садится за стол.

И р и н а. Выйдет пасьянс, я вижу... Не верю пасьянсам, но захватило дух от радости. Будем в Москве.

Ф е д о т и к. Нет, не выйдет пасьянс. Видите, осьмерка легла на двойку пик. (*Смеется*). Значит, вы не будете в Москве [д].

В е р ш и н и н. Однако какой ветер!

М а ш а. Да. Надоела зима. Я уже [е] забыла, какое лето.

Ч е б у т ы к и н (*читает газету*). Цицикар. Здесь свирепствует оспа...

А н ф и с а (*подходя к Маше*). Маша, чай кушать, матушка. Пожалуйте, ваше высокоблагородие [ж].

М а ш а. Принеси сюда, няня. Туда не пойду.

И р и н а. Няня!

А н ф и с а. Иду-у!

Н а т а ш а [з]. Грудные дети прекрасно понимают... «Здравствуй, говорю, Бобик. Здравствуй, милый!» Он взглянул на меня как-то особенно. Вы думаете, во мне говорит только мать, но нет, нет [и]. Это необыкновенный ребенок [к].

С о л е н ы й со стаканом идет в гостиную и садится в угол [л].

а *Отсутствует ремарка.*

б *Последние четыре реплики отсутствуют.*

в *Далее:* Ф е д о т и к. Я сейчас покажу вам другой пасьянс. (Раскладывает пасьянс.)

г *Последние четыре реплики отсутствуют.*

д *Последние две реплики отсутствуют.*

е *Вместо:* Я ~ лето — Я уже и забыла, какое лето. *Далее:* И р и н а. Выйдет пасьянс, я вижу. Будем в Москве. Ф е д о т и к. Нет, не выйдет. Видите, осьмерка легла на двойку пик. (Смеется.) Значит, вы не будете в Москве.

ж *Далее:* Простите, батюшка, забыла имя отчество.

з *Далее:* (Соленому.)

и *Далее:* уверяю вас!

к *Далее:* С о л е н ы й. Если бы этот ребенок был мой, то я изжарил бы его на сковороде и съел бы.

л *Вместо:* Соленый ~ в угол — Идет со стаканом в гостиную и садится в угол. *Далее:* Н а т а ш а (закрыв лицо руками). Грубый, невоспитанный человек!

М а ш а. Счастлив тот, кто не замечает или не различает времен года[а], кто и зимой улыбается[б] так же, как летом[в]. Мне кажется, что[г] если бы я жила[д] в Москве, то не замечала бы, лето теперь или зима[е].

В е р ш и н и н. На днях я читал дневник одного французского министра, писанный в тюрьме. Министр был осужден за Панаму. С каким упоением, восторгом упоминает он о птицах, которых видит в тюремном окне и которых не замечал раньше, когда был министром. Теперь, конечно, когда он выпущен на свободу, он уже по-прежнему не замечает птиц. Так же и вы не будете замечать Москвы, когда будете жить в ней. Счастья у нас нет и не бывает, мы только желаем его.

Т у з е н б а х (*берет со стола коробку*). Где же конфеты?

И р и н а. Соленый съел.

Т у з е н б а х. Все?

А н ф и с а (*подавая чай*). Вам письмо, ваше высокоблагородие[ж].

В е р ш и н и н. Мне? (*Берет письмо.*) От дочери... (*Читает.*) Да, конечно... Я, извините, Мария Сергеевна, уйду потихоньку... Чаю не буду пить... (*Встает взволнованный.*) Вечно эти истории...

М а ш а. Что такое? Не секрет?

В е р ш и н и н (*тихо*). Жена опять отравилась... Надо идти. Я пройду незаметно. Ужасно неприятно все это... (*Целует Маше руку.*)[з] Славная, хорошая вы[и] женщина... Я здесь пройду потихоньку... (*Уходит.*)

А н ф и с а. Куда же он? А я чай подала. Экой какой...

М а ш а (*рассердившись*). Отстань! Пристает[к] тут, покоя от тебя нет. (*Идет с чашкой*[л].) Надоела ты мне, старая!

А н ф и с а (*тихо*)[м]. Чего ж[н] ты обижаешься? Милая!

Г о л о с А н д р е я. Анфиса!

А н ф и с а (*дразнит*). Анфиса! Сидит там... (*Уходит.*)

М а ш а (*в зале у стола, сердито*). Дайте же мне сесть! (*Мешает на столе карты.*) Расселись тут с картами. Пейте чай.

И р и н а. Ты, Машка, злая.

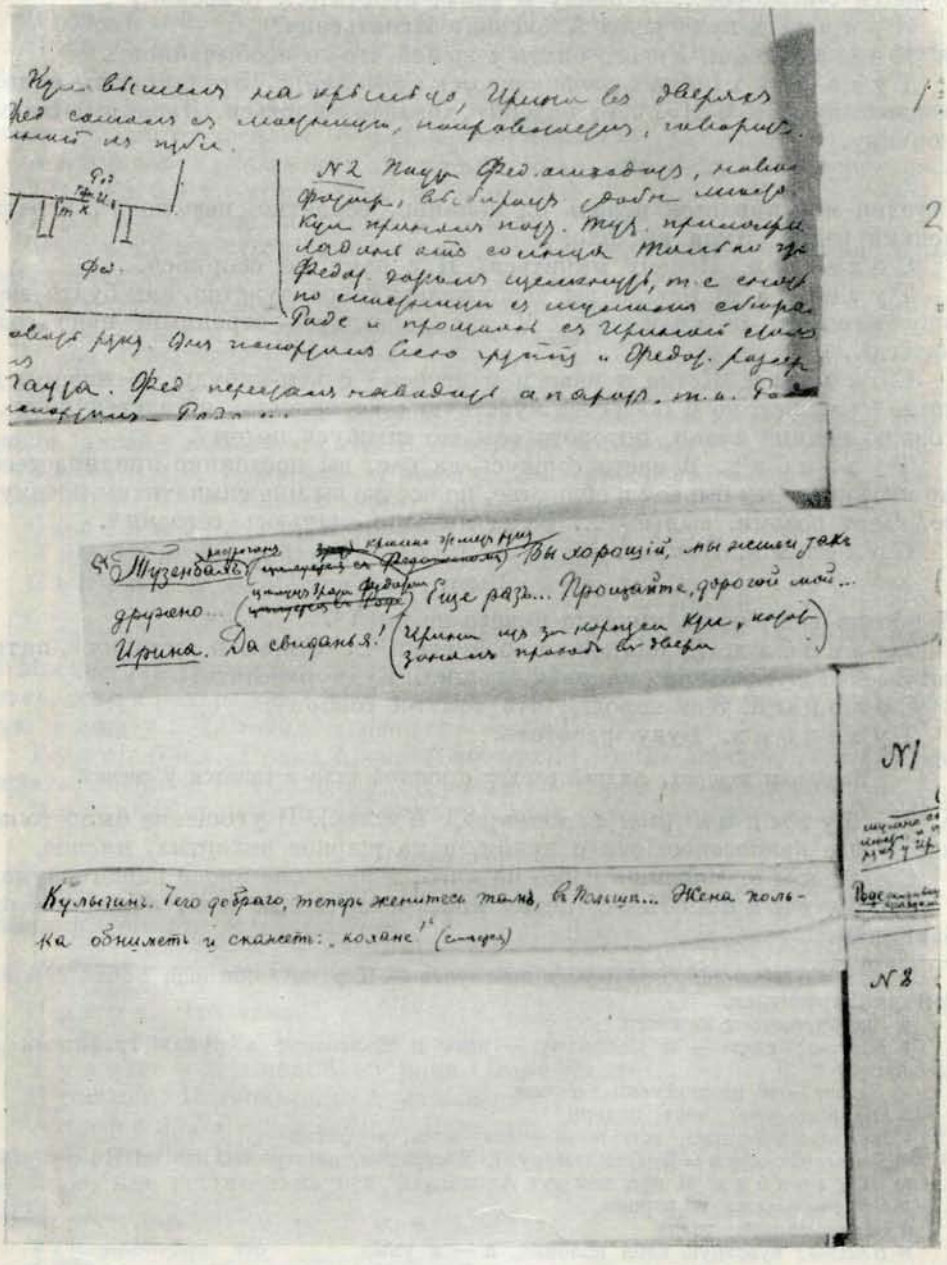
М а ш а. Раз я злая, не говорите со мной. Не трогайте меня.

Ч е б у т ы к и н (*смеясь*). Не трогайте ее, не трогайте...

М а ш а. Вам шестьдесят лет, а вы, как мальчишка, всегда городите черт знает что[о].

Ч е б у т ы к и н (*в изумлении*). Славная моя, милая моя... Хорошая моя[п].

а *Вместо*: или ~ года — лето теперь, или зима.
б *Зачеркнуто*: кто и зимой улыбается
в *Отсутствует*: так же, как летом.
г *Отсутствует*: что
д *Вместо*: жила — была
е *Вместо*: не замечала бы ~ зима — относилась бы равнодушно к погоде
ж *Вместо*: ваше высокоблагородие — батюшка
з *Далее*: милая моя
и *Отсутствует*: вы
к *Вместо*: пристает — пристаешь
л *Далее*: к столу
м *Ремарка отсутствует.*
н *Вместо*: Чего ж — Что ж
о *Далее*: Н а т а ш а (вздыхает). Милая Маша, к чему употреблять в разговоре такие выражения? При твоей прекрасной наружности в [све] приличном светском обществе ты, я тебе прямо скажу, была бы просто очаровательной, если бы не эти твои слова. Je vous prie, pardonnez moi, Marie, mais vous avez des manières un peu grossières. Т у з е н б а х (сдерживая смех). Дайте мне... Дайте мне... Там, кажется, коньяк...
п *Реплика отсутствует.*



ВКЛЕЙКИ К РЕЖИССЕРСКОМУ ЭКЗЕМПЛЯРУ «ТРЕХ СЕСТЕР»

Текст верхней вклейки написан рукой К. С. Станиславского, двух нижних — рукой И. А. Тихомирова

Музей Художественного театра, Москва

Наташа. Кажется, мой Бобик проснулся[а]. Он у меня сегодня, кажется[б], нездоров... Я пойду к нему, простите... (*Уходит.*)

Ирина. А куда ушел Александр Игнатьевич?

Маша. Домой. У него опять с женой что-то необычайное...

Тузенбах (*идет с графинчиком к Соленому*)[в]. Все вы сидите один, о чем-то думаете[г]. Ну, черт подери[д], давайте мириться. Давайте выпьем коньяку.

Пьют.

Сегодня мне придется играть на пьянино, вероятно, всю ночь[е], играть всякий вздор. Куда ни шло!

Соленый. Почему мириться? Я с вами не ссорился.

Тузенбах. Всегда вы возбуждаете такое чувство, как будто между нами что-то произошло. У вас характер — странный, надо сознаться...[ж]

Соленый. Когда я вдвоем и втроем[з] с кем-нибудь, то ничего, я тогда[и] как все, но в обществе чувствую себя неловко, я[к] застенчив и... говорю всякий вздор, которого сам же стыжусь потом[л].

Тузенбах. Я часто сержусь на вас, вы постоянно придираетесь ко мне, когда мы бываем в обществе, но все же вы мне симпатичны почему-то. Черт возьми, выпьем[м]... Куда ни шло, напьюсь сегодня[н].

Соленый. Выпьем.

Пьют.

Я против вас, барон, никогда ничего не имел[о].

Тузенбах. Я немножко возбужден[п]... Подаю в отставку[р], пять лет все раздумывал и, наконец, решил. Буду работать.

Соленый. Это хорошо, что там ни говори[с].

Тузенбах. Буду работать.

Пока они говорят, Андрей входит с книгой тихо и садится у свечи.

Чебутыкин (*идя в гостиную с Ириной*). И угощение было тоже настоящее кавказское: суп с луком, а на жаркое чехартма, мясное.

Соленый. Черемша вовсе не мясо, а растение вроде нашего лука.

Чебутыкин. Нет-с, ангел мой, чехартма не лук, а жаркое из баранины.

а *Вместо:* Кажется, мой Бобик проснулся — Il paraît, que mon Бобик déjà ne dort pas, проснулся.

б *Отсутствует:* кажется

в *Вместо:* идет ~ к Соленому — идет к Соленому; в руках графинчик с коньяком

г *Далее:* — и не поймешь, о чем.

д *Отсутствует:* черт подери

е *Вместо:* вероятно, всю ночь — всю ночь, вероятно

ж *Далее:* Соленый (декламируя). Я странен, не странен кто ж! Не сердись, Алеко. Тузенбах. И при чем тут Алеко...

з *Отсутствует:* и втроем

и *Отсутствует:* тогда

к *Вместо:* чувствую себя неловко, я — я унылый

л *Отсутствует:* которого ~ потом. *Далее:* Но все-таки я честнее и благороднее очень, очень многих. И могу это доказать.

м *Отсутствует:* Черт возьми, выпьем...

н *Далее:* Выпьем!

о *Далее:* Но у меня характер Лермонтова. (Тихо.) Я даже немножко похож на Лермонтова.

п *Отсутствует:* Я немножко возбужден...

р *Далее:* Баста!

с *Вместо:* Это хорошо, что там ни говори — (Декламируя.) Не сердись, Алеко... Забудь, забудь мечтания свои... *Далее ремарка:* (Пока они говорят, Андрей входит с книгой тихо и садится у свечи)

т *Отсутствует ремарка.*

Соленый. А я вам говорю, что[а] черемша лук.

Чебутыкин. А я вам говорю, что[а] чехартма баранина.

Соленый. А я вам говорю, что[а] черемша лук.

Чебутыкин. Что же я буду с вами спорить! Вы никогда не были на Кавказе и не ели чехартмы.

Соленый. Не ел, потому что терпеть не могу... От черемши так же воняет[б], как от чеснока. А на Кавказе я был![в]

Андрей (*умоляющим голосом*[г]). Довольно, господа! Прошу вас!

Тузенбах. Когда придут ряженые?

Ирина. Обещали к девяти. Значит, сейчас.

Тузенбах (*обнимая Андрея*). Ах вы, сени мои, сени, сени новые мои...

Андрей (*пляшет и поет*). Сени новые, кленовые...

Чебутыкин (*пляшет*). Решетчаты-и[д]...

Смех.

Тузенбах (*целует Андрея*). Черт возьми, давай[е] выпьем... Андрюша, давай[е] выпьем на ты. И я с тобой в Москву[ж], в университет...

Соленый. В какой? В Москве два университета.

Андрей. В Москве один университет.

Соленый. А я вам говорю, два.

Андрей. Пускай хоть три. Тем лучше.

Соленый. В Москве два университета...

Ропот и шиканье.

В Москве два университета: старый и новый. А если вам не угодно слушать, если я раздражаю[з], то я могу не говорить... Я даже могу уйти в другую комнату... (*Уходит в одну из дверей*).

Тузенбах. Браво, браво! (*Смеется*). Господа, начинайте, я сажусь играть. Смешной этот Соленый... (*Садится за пианино и играет вальс.*)

Маша[и]. Барон пьян, барон пьян, барон пьян! (*Танцует вальс одна*[к].)

Входит Наташа.

Наташа (*Чебутыкину*). Иван Романыч! (*Говорит о чем-то Чебутыкину, потом тихо уходит*).

Чебутыкин трогает Тузенбаха за плечо и шепчет ему о чем-то; он встает[л].

Ирина. Что такое?

Чебутыкин. Нам пора уходить. Будьте здоровы.

Тузенбах. Спокойной ночи. Пора уходить...

Ирина. Позвольте... А ряженые?

Андрей (*сконфуженный*). Ряженых не будет... видишь ли[м], Наташа говорит, что Бобик не совсем здоров, и поэтому... Одним словом, я не знаю, мне решительно все равно.

а *Отсутствует:* что

б *Вместо:* так же воняет — такой же запах

в *Отсутствует:* А на Кавказе я был!

г *Вместо:* умоляющим голосом — умоляюще

д *Вместо:* Решетчаты-и — Решетчасты-е!

е *Вместо:* давай — давайте

ж *Вместо:* в Москву — Андрюша

з *Вместо:* я раздражаю — мои слова раздражают вас

и *Далее:* (Танцует вальс одна.)

к *Ремарка отсутствует.*

л *Отсутствует:* он встает

м *Далее:* моя милая

И р и н а (*пожимает плечами*). Бобик нездоров!

М а ш а. Где наша не пропадала! Уходить, так[а] уходить. (*Ирине.*) Не Бобик болен, а она сама... вот! (*Стучит пальцами*[б] *по лбу.*) Мещанка!

Андрей уходит в правую дверь к себе, Чебутыкин идет за ним; в зале прощаются.

Ф е д о т и к. Куда же я теперь пойду с гитарой?[в]

Р о д е.[г] Я сегодня после обеда нарочно выспался[д], думал, что всю ночь буду танцевать. Ведь теперь только девять часов!

М а ш а. Выйдем на улицу. Там потолкуем. Решим, что и как.

Слышно: «Прощайте! Будьте здоровы». Слышен веселый смех Тузенбаха. Все уходят. Анфиса и горничная убирают со стола, тушат огни. Слышно, как поет нянька. А н д р е й в пальто и шляпе и Ч е б у т ы к и н тихо входят.

Ч е б у т ы к и н. Жениться я не успел, потому что жизнь промелькнула, как молния[е], и потому что безумно любил вашу[ж] матушку, которая была замужем. Вы говорите, жениться не нужно, потому что скучно[з]. Так-то оно так, да одиночество... Ведь одиночество страшно, голубчик[и].

А н д р е й. Пойдемте скорей.

Ч е б у т ы к и н. Чего же спешить? Успеем.

А н д р е й. Я боюсь, как бы жена не остановила[к].

Ч е б у т ы к и н. А!

А н д р е й. Сегодня я играть не буду, а[л] только так посижу... Нездоровится. Что мне делать, Иван Романыч, от одышки?

Ч е б у т ы к и н. Не знаю, голубчик. Все позабыл[м].

А н д р е й. Пройдем кухней.

Уходят.

Звонок, потом звонок опять, слышны голоса, смех.

И р и н а (*входит*). Что там?

А н ф и с а (*шопотом*). Ряженые!

Звонок.

И р и н а. Скажи, нянечка, дома нет никого. Пусть извинят.

Анфиса уходит. Ирина в раздумье ходит по комнате, она взволнована; входит С о л е н ы й.

С о л е н ы й[н]. Никого нет. А где же все?

И р и н а. Ушли домой.

а *Вместо*: Уходить, так — Гонят, стало быть надо

б *Вместо*: пальцами — пальцем

в *Вместо*: Куда же ~ с гитарой? — Какая жалость! Я рассчитывал провести вечерок, но если болен ребеночек, то, конечно . . . я завтра принесу ему игрушечку...

г *Далее*: (Громко.)

д *Вместо*: Я сегодня ~ выспался — Я сегодня нарочно выспался после обеда

е *Далее*: да

ж *Вместо:* вашу — твою

з *Отсутствует*: Вы ~ скучно. *Далее*: А н д р е й. Жениться не нужно. Не нужно, потому что скучно. Ч е б у т ы к и н

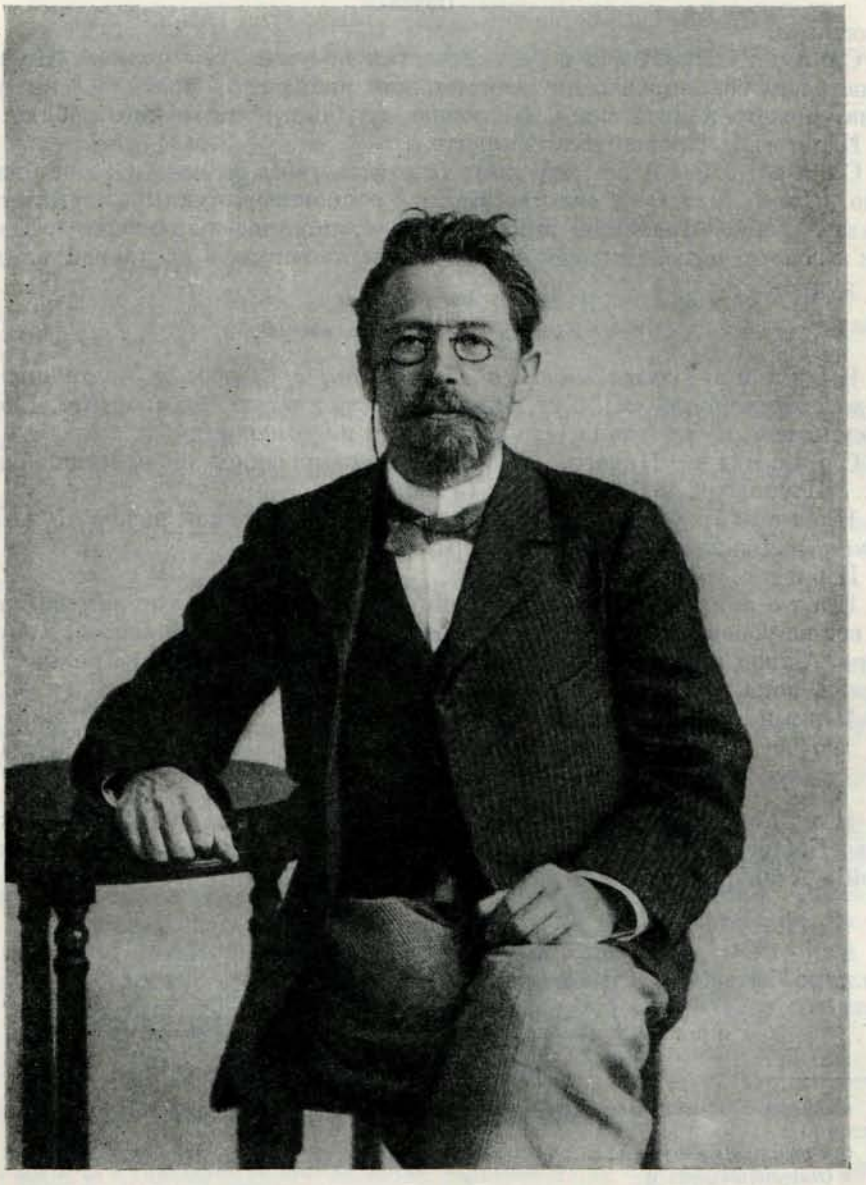
и *Вместо*: Ведь ~ голубчик — Как там ни философствуй, а одиночество страшная штука, голубчик мой.

к *Вместо*: как бы жена — жена бы

л *Вместо*: не буду, а — не стану

м *Вместо*: Не знаю ~ позабыл — Что спрашивать! Не помню, голубчик . . . Не знаю . . .

н *Далее:* (в недоумении)



ЧЕХОВ

Фотография Ф. О. Опитца, 1901 г.

Музей Художественного театра, Москва

Соленый. Странно. Вы одни тут?

Ирина. Одна.

Пауза.

Прощайте.

Соленый. Я вел себя давеча так не умно, так мелко[а]. Но вы не такая, как все, вы высоки и чисты, вам видна вся[б] правда и[в] вы одна[г], одна, можете понять меня. Я люблю, глубоко, бесконечно люблю...

Ирина. Прощайте... Уходите...

Соленый. Я не могу жить без вас... (*Идя за ней.*) О, мое блаженство. (*Сквозь слезы.*) О, счастье. Какие[д] роскошные, чудные, изумительные глаза[е], какое выражение лица, неземное, высокое выражение[ж]. Первый раз я говорю о любви к вам, и точно я не на земле, а на другой планете[з]. О, чудная!

Наташа проходит со свечой.

Наташа (*заглядывает в одну дверь, в другую и проходит мимо двери в комнату мужа*). Тут Андрей. Пусть читает. Вы простите, Василий Васильевич, я не знала, что вы здесь, я по-домашнему...

Соленый. Ничего... Впрочем я, само собою разумеется... понятно... Я ухожу[и]... Прощайте... (*Уходит.*)

Наташа. А ты не[к] устала, милая, бедная моя девочка? (*Целует Ирину.*) Ложилась бы спать пораньше...

Ирина. Бобик спит?

Наташа. Спит. Но не спокойно спит[л]. Милая, я хотела тебе сказать, да все не успеваю[м]. Бобику в теперешней детской, мне кажется, холодно[н], сыро. А твоя комната такая хорошая для ребенка... Милая, родная, переберись пока к Оле.

Ирина (*не понимая*). Куда?

К дому подъезжают на тройке[о] с бубенчиками.

Наташа. Ты с Олей будешь в одной комнате, пока что, а твою комнату Бобику. Он такой милашка, сегодня я говорю ему: «Бобик, ты мой! Мой!» А он на меня смотрит своими глазеночками...

Звонок.

Должно быть Ольга. Как она поздно.

Горничная подходит к Наташе и шепчет ей на ухо.

[а] *Вместо*: Я вел ~ мелко — Давеча я вел себя недостаточно сдержанно, нетактично

[б] *Отсутствует*: вся

[в] *Отсутствует*: и

[г] *Далее*: только вы

[д] *Отсутствует*: Какие

[е] *Далее*: каких я не видел ни у одной женщины

[ж] *Отсутствует*: какое ~ выражение. *Далее*: Ирина (холодно). Перестаньте, Василий Васильич. Соленый

[з] *Далее*: (Трет себе лоб.) Ну, да все равно. Насильно мил не будешь, конечно... Но счастливых соперников у меня не должно быть. Не должно... Клянусь вам всем святым, соперника я убью...

[и] *Вместо*: Ничего ~ ухожу — Мне все равно...

[к] *Отсутствует*: не

[л] *Далее*: Кстати

[м] *Вместо*: не успеваю — то тебя нет, то мне некогда

[н] *Далее*: и

[о] *Вместо*: подъезжают на тройке — подъезжает тройка

Н а т а ш а. Протопопов? Какой странный[а]... Приехал Протопопов, зовет меня покататься[б] на тройке... (*Смеется.*) Какие странные эти мужчины...

Звонок.

Кто-то там пришел. Поехать разве покататься[в] на четверть часика[г]... (*Горничной.*) Скажи, сейчас...

Звонок.

Впусти... там Оля[д], должно быть. (*Уходит.*)

Горничная убегает; Ирина сидит, задумавшись; входят К у л ы г и н, О л ь г а, за ними В е р ш и н и н.

К у л ы г и н. Вот тебе и раз! А говорили, что у них будет вечер.

В е р ш и н и н. Странно, я ушел недавно, полчаса назад, и ждали ряженых.

И р и н а. Все ушли.

К у л ы г и н. И Маша ушла?[е] А зачем Протопопов внизу ждет на тройке? Кого он ждет?

И р и н а. Не задавайте вопросов... Я устала. (*Закрывает лицо руками.*)[ж]

О л ь г а. Совет только что кончился. Я замучилась... Наша начальница больна, теперь я вместо нее... Голова, голова болит, голова... (*Садится.*) Андрей проиграл вчера в карты двести рублей... Весь город говорит об этом.

К у л ы г и н. Да, и я устал на совете... (*Садится.*)

В е р ш и н и н. Жена моя сейчас едва не отравилась. Все обошлось, и я рад, отдыхаю теперь. Стало быть, надо уходить? Что ж, позвольте пожелать всего хорошего. Федор Ильич, поедемте со мной куда-нибудь! Я дома не могу оставаться, совсем не могу. Поедемте.

К у л ы г и н. Устал. Не поеду. *Встает.*) Устал. Жена домой пошла?

И р и н а. Должно быть.

К у л ы г и н. (*Целует Ирине руку.*) Прощай! Завтра и послезавтра целый день отдыхать. Всего хорошего. (*Идет.*) Чаю очень хочется. Рассчитывал провести вечер в приятном обществе и — o fallacem hominum spem! Винительный падеж при восклицании... (*Уходит с Вершининым.*)[з]

О л ь г а. Голова болит, голова... Андрей проиграл... весь город говорит... Пойду лягу... (*Идет.*) Завтра я свободна... О, боже мой, как это приятно! Завтра свободна, послезавтра свободна. Голова болит, голова... (*Уходит.*)

И р и н а (*одна*). Все ушли. Никого нет.

На улице гармоника; нянька поет песни.

Н а т а ш а (*в шубе и шапке идет через залу, за ней горничная*). Через полчаса я буду дома. Только проедусь немножко... (*Уходит.*)

И р и н а (*оставшись одна, тоскует*). В Москву! В Москву! В Москву!

а *Вместо*: странный — чудак
б *Далее*: с ним
в *Отсутствует*: покататься
г *Далее*: прокатиться
д *Вместо*: Оля — Ольга
е *Далее*: Куда она ушла?
ж *Далее*: К у л ы г и н. Ну, капризница...
з *Отсутствует ремарка. Далее*: В е р ш и н и н. Значит, один поеду. (Уходит с Кулыгиным, посвистывая.)

III

Комната Ольги и Ирины. Налево и направо постели, загороженные ширмами. Третий час ночи. За сценой бьют в набат по случаю пожара, продолжающегося уже давно. Видно, что в доме еще не ложились спать. На диване лежит Маша, одета[а], как обыкновенно, в черное платье. Входят О л ь г а и А н ф и с а.

А н ф и с а. Сидят теперь внизу под лестницей... Я[б] говорю — «Пожалуйте наверх, нешто, говорю, можно так» — плачут. «Папаша, говорят не знаем где. Не дай бог, говорят, сгорел». Выдумали! И на дворе какие-то... тоже раздетые!

О л ь г а (*вынимает из шкафа платья*). Вот это серенькое возьми... И вот это... Кофточку тоже... И эту юбку бери[в]... Что же это такое, боже мой! Кирсановский переулок весь сгорел[г], очевидно... Это возьми... Это возьми. (*Кидает ей на руки платье*[д].) Вершинины бедные напугались... их дом едва не сгорел... Пусть у нас переночуют, домой их нельзя пускать... У бедного Федотика все сгорело[е].

А н ф и с а. Ферапонта позвала бы, Олюшка, а то не донесу...

О л ь г а (*звонит*). Не дозвонишься... (*В дверь.*) Подите сюда, кто там есть!

В открытую дверь видно окно, красное от зарева; слышно, как мимо дома проезжает пожарная команда.

Какой это ужас![ж]

Входит Ф е р а п о н т.

О л ь г а. Вот возьми, снеси вниз... Там под лестницей стоят барышни Колотилины... отдай им... И это отдай...

Ф е р а п о н т. Слушаю[з]. (*Уходит.*)

О л ь г а. Нянечка милая, все отдавай! Ничего нам не надо, все отдавай, нянечка... Я устала, едва на ногах стою. Вершининых нельзя отпускать домой!.. Девочки лягут в гостиной, а[и] Александра Игнатьевича вниз, к барону... Федотика тоже к барону, или пусть у нас в зале... Доктор, как нарочно, пьян[к] и к нему никого нельзя. И жену Вершинина тоже в гостиной...

А н ф и с а. Олюшка милая, не гони ты меня! Не гони!

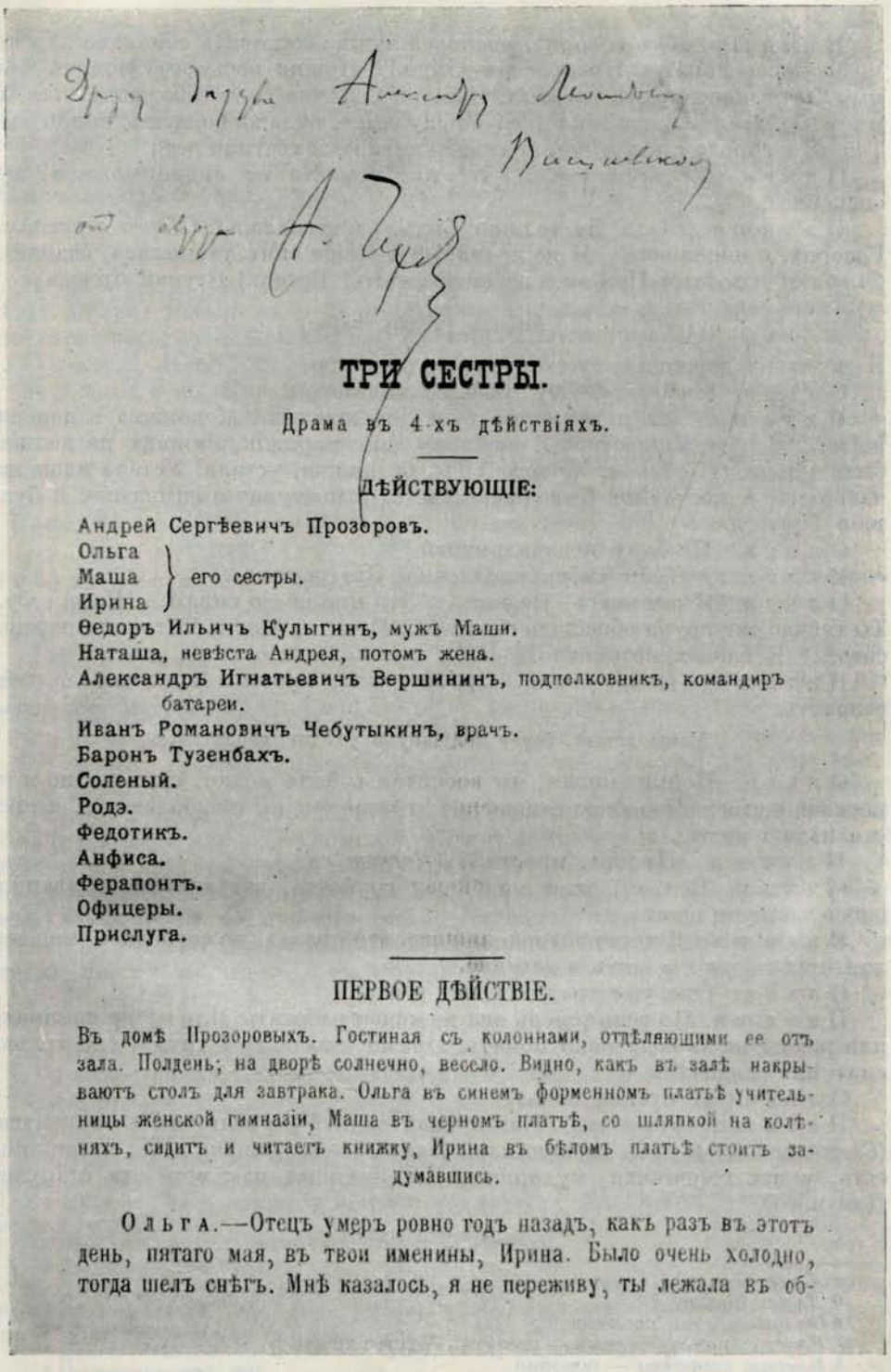
О л ь г а. Глупости ты говоришь, няня. Никто тебя не гонит.

А н ф и с а (*кладет ей голову на грудь*). Родная моя, золотая моя, я тружусь, я работаю... Слаба стану, все скажут: пошла! А куда я пойду? Куда? Восемьдесят лет. Восемьдесят второй год...

О л ь г а. Ты посиди, нянечка... Устала ты, бедная... (*Усаживая*[л] *ее.*) Отдохни, моя хорошая. Побледнела как!

Наташа входит.

а *Вместо*: одета — одетая
б *Вместо*: Я — А
в *Далее*: нянечка
г *Вместо*: весь сгорел — сгорел весь
д *Вместо*: платье — платья
е *Далее*: ничего не осталось
ж *Далее*: И как надоело!
з *Далее*: В двенадцатом году Москва тоже горела — господи ты боже мой. Французы удивлялись. О л ь г а. Иди... Ступай. Ф е р а п о н т. Слушаю.
и *Отсутствует*: а
к *Далее*: ужасно пьян
л *Вместо*: усаживая — усаживает



ТРИ СЕСТРЫ.

Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Андрей Сергѣевичъ Прозоровъ.
Ольга
Маша } его сестры.
Ирина
Ѳедоръ Ильичъ Кулыгинъ, мужъ Маши.
Наташа, невѣста Андрея, потомъ жена.
Александръ Игнатьевичъ Вершининъ, подполковникъ, командиръ батареи.
Иванъ Романовичъ Чебутыкинъ, врачъ.
Баронъ Тузенбахъ.
Соленый.
Родэ.
Федотикъ.
Анфиса.
Ферапонтъ.
Офицеры.
Прислуга.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Въ домѣ Прозоровыхъ. Гостиная съ колоннами, отдѣляющими ее отъ зала. Полдень; на дворѣ солнечно, весело. Видно, какъ въ залѣ накрываютъ столъ для завтрака. Ольга въ синемъ форменномъ платьѣ учительницы женской гимназіи, Маша въ черномъ платьѣ, со шляпкой на колѣняхъ, сидитъ и читаетъ книжку, Ирина въ бѣломъ платьѣ стоитъ задумавшись.

Ольга.—Отецъ умеръ ровно годъ назадъ, какъ разъ въ этотъ день, пятаго мая, въ твои именины, Ирина. Было очень холодно, тогда шелъ снѣгъ. Мнѣ казалось, я не переживу, ты лежала въ об-

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ЧЕХОВА НА ПЬЕСЕ «ТРИ СЕСТРЫ» (ОТТИСК ИЗ ЖУРНАЛА «РУССКАЯ МЫСЛЬ», 1901, № 2):

«Другу детства Александру Леонидовичу Вишневскому от автора. А. Чехов».
А. Л. Вишневский—первый исполнитель роли Кулыгина в пьесе «Три сестры»

Собрание А. А. Вишневского, Москва

Н а т а ш а. Там говорят, поскорее нужно составить общество для помощи погорельцам[а]. Прекрасная мысль![б] Нужно поскорее[в] помочь бедным[г], это обязанность богатых. Бобик и Софочка спят себе, спят, как ни в чем ни бывало. У нас так много народу везде, куда ни пойдешь, полон дом. Теперь в городе инфлуэнца, боюсь, как бы не захватили дети.

О л ь г а (*не слушая ее*). В этой комнате не видно пожара, тут спокойно...[д]

Н а т а ш а. Да... Я, должно быть, растрепалась[е]. (*Перед зеркалом.*) Говорят, я пополнела... И не правда![ж] А Маша спит, утомилась, бедная... (*Анфисе, холодно.*) При мне не смей сидеть! Встань! Ступай отсюда!

Анфиса уходит; пауза.

И зачем ты держишь эту старуху, не понимаю.

О л ь г а (*оторопев*)[з]. Я тоже не понимаю...

Н а т а ш а. Ни к чему она тут. Она крестьянка, должна в деревне жить... Что за баловство! Я люблю в доме порядок. Лишних не должно быть в доме. (*Гладит ее по щеке.*) Ты, бедняжка, устала! Устала наша начальница! А когда моя Софочка вырастет и поступит в гимназию, я буду тебя бояться...

О л ь г а. Не буду я начальницей.

Н а т а ш а. Тебя выберут, Олечка. Это решено.

О л ь г а. Я откажусь. Не могу... Это мне не по силам... (*Пьет воду.*) Ты сейчас так грубо обошлась с няней... Прости, я не в состоянии переносить...[и] В глазах потемнело.

Н а т а ш а (*взволнованно*). Прости, Оля, прости. Я не хотела тебя огорчить.

Маша встает, берет подушку и уходит, сердитая.

О л ь г а. Пойми, милая, мы воспитаны, быть может, странно, но я не переношу этого. Подобное отношение угнетает меня, я заболеваю... я просто падаю духом...

Н а т а ш а. Прости, прости... (*Целует ее.*)

О л ь г а. Всякая, даже малейшая грубость, неделикатно сказанное слово волнует меня.

Н а т а ш а. Я часто говорю лишнее, это правда, но согласись, моя милая, она могла бы жить в деревне.

О л ь г а. Она уже тридцать лет у нас.

Н а т а ш а. Но ведь теперь она не может работать. Или я[к] не понимаю, или же ты не хочешь меня понять. Она не способна к труду, она только спит или сидит.

О л ь г а. И пускай сидит.

Н а т а ш а (*удивленно*). Как пускай сидит? Но ведь она же прислуга. (*Сквозь слезы.*) Я тебя не понимаю, Оля. У меня нянька есть, кормилица есть, у нас горничная, кухарка... Для чего же нам вот[л] эта старуха? Для чего?

Бьют в набат.

а *Далее*: Что ж?
б *Далее*: Вообще
в *Отсутствует*: поскорее
г *Вместо*: помочь бедным — помогать бедным людям
д *Вместо*: спокойно — покойно
е *Вместо*: растрепалась — растрепанная
ж *Далее*: Ничуть!
з *Далее*: Извини
и *Далее*: даже
к *Далее*: тебя
л *Вместо*: вот — еще

О л ь г а. В эту ночь я постарела на десять лет.

Н а т а ш а. Нам нужно уговориться, Оля [а]. Ты в гимназии, я — дома, у тебя ученье, у меня — хозяйство. И если я говорю что насчет прислуги, то знаю, что говорю, пожалуйста, не вмешивайся [б]. И чтоб завтра же не было здесь этой старой воровки, старой хрычевки (*стучит ногами*), ведьмы!.. Не сметь меня раздражать! Не сметь! (*Спохватившись.*) Право, если ты не переберешься вниз, то мы всегда будем ссориться. Это ужасно!

Входит К у л ы г и н.

К у л ы г и н. Где Маша? [в] Пора бы уже домой. Пожар, заметно, стихает [г]. Сгорел только один квартал, а ведь был ветер, вначале казалось, что [д] горит весь город. (*Садится.*) Утомился [е]. Замучился. (*Прислушивается.*)

О л ь г а. Что?

К у л ы г и н. Как нарочно у доктора запой, пьян он ужасно. Как нарочно! (*Встает.*) Вот он идет сюда, кажется... Слышите? Да, сюда. (*Смеется.*) Экий какой, право... Я спрячусь. (*Идет к шкафу и становится в углу.*) [ж]

О л ь г а. Два года не пил, а тут вдруг взял и напился... (*Уходит* [з] *с Наташей в глубину комнаты.*)

Ч е б у т ы к и н входит; не шатаясь, как трезвый, проходит по комнате, останавливается, смотрит, потом подходит к рукомойнику и начинает мыть руки.

Ч е б у т ы к и н (*угрюмо*). Черт бы всех побрал... подрал. Думают, что [и] я доктор, умею лечить всякие болезни, а я не знаю решительно ничего, все позабыл, что знал, ничего не помню... решительно ничего.

Ольга и Наташа, незаметно для него, уходят.

Ч е б у т ы к и н. Черт бы побрал [к]... Кое-что я [л] знал лет двадцать пять назад, а теперь ничего не помню [м]. Может быть, я и не человек, а только вот [н] делаю вид, что у меня и руки и ноги... и голова, может быть, я не существую вовсе, а только кажется мне, что я хожу, мыслю [о], сплю... (*Плачет.*) О, если бы не существовать! (*Перестав плакать, угрюмо.*) Черт знает!.. Третьего дня говорят [п] в клубе [р]: Шекспир, Вольтер... Я не читал, совсем не читал, а на лице своем изобразил, как будто [с] читал.

а *Далее*: Раз навсегда.
б *Вместо:* пожалуйста, не вмешивайся — я знаю, что го-во-рю . . .
в *Далее:* Нам
г *Далее ремарка:* (Потягивается.)
д *Отсутствует:* что
е *Далее:* Олечка моя милая, я часто думаю: если бы не Маша, то я на тебе бы женился, Олечка. Ты очень хорошая.
ж *Вместо:* Идет к шкафу и становится в углу — Идет в угол к шкафу. *Далее:* Этакий разбойник
з *Вместо:* уходит — идет (*исправлено из* уходит).
и *Отсутствует:* что
к *Далее:* В прошлую среду лечил на Засыпи женщину — умерла, и я виноват, что она умерла. Да . . .
л *Отсутствует:* я
м *Далее:* Ничего . . . В голове пусто, на душе холодно.
н *Отсутствует:* вот
о *Вместо:* мыслю — ем
п *Вместо:* говорят — разговор
р *Далее:* говорят
с *Вместо:* изобразил, как будто — показал, будто

И другие тоже, как я...[а] Стало на душе криво, гадко, мерзко... пошел, запил...

Ирина, Вершинин[б], Тузенбах входят; на Тузенбахе пиджак и серые брюки[в].

И р и н а. Здесь посидим. Сюда никто не войдет.

В е р ш и н и н. Если бы не солдаты, то сгорел бы весь город. Молодцы! (*Потирает от удовольствия руки.*) Золотой народ! Ах, что за молодцы!

К у л ы г и н (*подходя к ним*). Который час, господа?

Т у з е н б а х. Уже четвертый час. Светает.

И р и н а. Все сидят в зале, никто не уходит. И вот этот[г] Соленый сидит... (*Чебутыкину.*) Вы бы, доктор, шли спать.

Ч е б у т ы к и н. Ничего-с. Благодарю-с. (*Причесывает бороду.*)

К у л ы г и н (*смеется*). Назюзюкался, Иван Романыч! (*Хлопает по плечу.*) Молодец! In vino veritas,— говорили древние.

Т у з е н б а х. Меня[д] просили[е] устроить концерт в пользу погорельцев.

И р и н а. Не с кем[ж].

Т у з е н б а х.[з] Марья Сергеевна, по моему, чудесно играет на рояли[и].

К у л ы г и н. Чудесно играет!

И р и н а. Она уже забыла. Три года не играла[к].

Т у з е н б а х. Здесь в городе решительно никто не понимает музыки, ни одна душа, но я, я понимаю и честным словом уверяю вас, что[л] Мария Сергеевна играет великолепно, почти талантливо.

К у л ы г и н. Вы правы, барон. Я ее очень люблю, Машу. Она славная.

Т у з е н б а х. Уметь играть так роскошно и в то же время сознавать, что тебя никто, никто не понимает!

К у л ы г и н (*вздыхает*). Да... Но прилично ли ей участвовать в концерте?

Пауза.

Я ведь, господа, ничего не знаю. Может быть, это и хорошо будет. Должен признаться, наш директор хороший человек, даже очень хороший, умнейший, но у него такие взгляды... Конечно, не его дело, но все-таки, если хотите, то я, пожалуй, поговорю с ним.

Чебутыкин берет в руки фарфоровые часы и рассматривает их.

В е р ш и н и н. На пожаре я загрязнился весь, ни на что не похож[м]. Вчера я мельком слышал, будто нашу бригаду хотят перевести куда-то далеко. Одни говорят в Царство Польское, другие — будто в Читу.

Т у з е н б а х. Я тоже слышал. Что ж? Город тогда совсем опустеет.

И р и н а. И мы уедем!

Ч е б у т ы к и н (*роняет часы, которые разбиваются*). Вдребезги!

Пауза; все огорчены и сконфужены.

а *Далее*: Пошлость, низость! И та женщина, что уморил в среду, вспомнилась... и все вспомнилось, и

б *Далее:* и

в *Вместо:* пиджак и серые брюки — штатское платье, новое и модное.

г *Вместо:* вот этот — ваш этот

д *Далее:* все

е *Вместо:* просили — просят

ж *Вместо:* Не с кем — Ну, кто там...

з *Далее:* Можно бы устроить, если бы захотеть.

и *Вместо:* по-моему ~ на рояли — например играет на рояли чудесно

к *Далее:*... или четыре.

л *Отсутствует:* что

м *Далее ремарка:* Пауза.

О. Л. КНИППЕР

Фотография с дарственной надписью Чехову ко дню его рождения: «Поздравляю, милый мой! 17-ое янв. 1903 г.»

Дом-музей Чехова, Ялта

К у л ы г и н (*подбирает осколки*). Разбить такую дорогую вещь,— ах, Иван Романыч, Иван Романыч! Ноль с минусом вам за поведение.

И р и н а. Это часы нашей матери[а].

Ч е б у т ы к и н.[б] Может я не разбивал, а только кажется, что разбил. Может быть, только нам[в] кажется, что мы существуем, а на самом деле нас нет. Ничего я не знаю, никто ничего не знает. (*У двери.*) Что смотрите? У Наташи романчик с Протопоповым, а вы не видите... Вы вот сидите тут и ничего не видите, а у Наташи романчик с Протопоповым. (*Пауза.*)[г] Не угодно ль вам этот финик[д] принять. (*Уходит.*)

В е р ш и н и н. Да... (*Смеется.*) Как все это в сущности странно.

Пауза.

Когда начался пожар, я побежал скорей домой; подбегаю[е], смотрю — дом наш цел и невредим и вне опасности, но мои две девочки стоят у порога в одном белье, матери нет, суется[ж] народ, бегают лошади, собаки, и у девочек на лицах тревога, ужас, мольба, не знаю что; сердце у меня сжалось, когда я увидел эти лица. Боже мой, думаю, что придется еще пережить[з] этим девочкам в течение долгой жизни. Я хватаю их, бегу и все думаю

а *Вместо:* нашей матери — покойной мамы
б *Далее:* Может быть. Мамы, так мамы.
в *Вместо:* только нам — нам только
г *Вместо:* (Пауза.) — (Поет.)
д *Вместо:* вам этот финик — этот финик вам
е *Вместо:* подбегаю — подхожу
ж *Вместо:* суется — суетится
з *Вместо:* еще пережить — пережить еще

одно: что им придется пережить[а] на этом свете[б]. Прихожу сюда, и[в] мать здесь, кричит на меня[г], сердится...

Маша входит с подушкой и садится на диван.

Вершинин. И когда[д] девочки стояли у порога в одном белье[е], и улица была красной от огня, был страшный шум, то я подумал, что нечто похожее происходило много лет назад, когда набегал неожиданно враг, зажигал, грабил[ж]... Между тем, в сущности, какая разница между тем, что есть и что было! Пройдет же[з] еще немного времени, каких-нибудь двести-триста лет, и на нашу теперешнюю жизнь[и] будут смотреть и со страхом, и с насмешкой, все нынешнее будет казаться и угловатым, и тяжелым[к], и странным. О[л], какая это будет жизнь, какая жизнь![м] Как жаль, что не доживут до той поры мои девочки! Это особенные существа, и я все силы свои трачу на то, чтобы они были прекрасны и кротки[н]. Таких, как вы, в городе теперь только три, но[о] в следующих поколениях будет[п] больше, все больше и больше[р], придет время, когда все изменится по-вашему, жить будут по-вашему, а потом и все устареет[с], народятся люди, которые будут лучше вас... (*Смеется.*)[т] Как мне хочется жить, если б вы знали[у].

Маша. Трам-там-там?

Вершинин. Там-там...

Маша. Тра-ра-ра?

Вершинин. Тра-та-та. (*Смеется.*)[ф]

Входит Соленый.

Ирина. Нет, пожалуйста, уходите, Василий Васильевич[х]. Сюда нельзя[ц].

Вершинин. Надо уходить, в самом деле... Как пожар?

Соленый. Говорят, стихает...[ч]

Вершинин. Трам-там?

Маша. Трам-там.

а *Далее:* еще

б *Далее:* (пауза).

в *Вместо:* и — а

г *Отсутствует:* на меня

д *Далее:* мои

е *Далее:* босые

ж *Вместо:* зажигал, грабил — грабил, зажигал

з *Вместо:* Пройдет же — А пройдет

и *Далее:* также

к *Далее:* очень неудобным

л *Далее:* наверное

м *Далее:* (Смеется.) Простите, я опять зафилософствовался. Позвольте продолжать, господа. Мне ужасно хочется философствовать, такое у меня теперь настроение. (Пауза.) Точно спят все. Так я говорю: какая это будет жизнь! Вы можете себе только представить... Вот

н *Отсутствует:* Как жаль ~ и кротки.

о *Отсутствует:* но

п *Отсутствует:* будет

р *Далее:* и

с *Вместо:* все устареет — вы устареете

т *Далее:* Сегодня у меня какое-то особенное настроение.

у *Вместо:* Как ~ знали — Хочется жить чертовски... *Далее:* (Поет.) Любви все возрасты покорны, ее порывы благотворны... (Смеется.)

ф *Далее:* (Федотик входит.) Федотик (пляшет). Погорел! Погорел! Весь дочиста! (Смех.) Ирина. Что ж за шутки! Все сгорело? Федотик (смеется). Все дочиста. Ничего не осталось. И гитара сгорела, и фотография сгорела, и все мои письма... И хотел подарить вам записную книжечку — тоже сгорела.

х *Вместо:* Васильевич — Васильич

ц *Далее:* Соленый. Почему же это барону можно, а мне нельзя?

ч *Далее:* Нет, мне положительно странно, почему это барону можно, а мне нельзя.

В е р ш и н и н (*смеется*[а]). Пойдемте в залу...[б] (*Уходит с Соленым.*)[в]

И р и н а[г] (*в недоумении*). Барон спит! Барон! Барон!

Т у з е н б а х (*очнувшись*). Устал я[д]... Кирпичный завод... Это я не брежу, а в самом деле, скоро поеду на кирпичный завод работать[е]. (*Ирине нежно.*) Вы такая бледная... прекрасная[ж]... Ваша бледность, как свет[з], проясняет темный воздух[и]... О! поедемте со мной, поедемте работать вместе...

М а ш а. Николай Львович, уходите отсюда...

Т у з е н б а х (*смеясь*). Вы здесь? Я не вижу... (*Целует Ирине руку.*)[к] Пойду...[л] (*Уходит.*)

М а ш а (*ложась*). Ты спишь, Федор?

К у л ы г и н. А?

М а ш а. Шел бы домой!..

К у л ы г и н. Милая моя Маша, дорогая моя Маша!..

И р и н а. Она утомилась... Дал бы ей отдохнуть, Федя.

К у л ы г и н. Сейчас уйду... Жена моя хорошая, славная... Люблю тебя, мою единственную.

М а ш а (*сердито*). Amo, amas, amat, amamus, amatis, amant...

К у л ы г и н (*смеется*). Нет, право, она удивительная. Женат я на тебе семь лет, а кажется, что[м] венчались только вчера. Честное слово. Нет, право, ты удивительная женщина. Я доволен, я доволен, я доволен.

М а ш а[н] (*встает и говорит сидя*)[о]. Просто возмутительно...[п] Не могу я[р] молчать... Андрей[с] заложил[т] этот дом в банке, и все деньги забрала его жена, а ведь дом принадлежит не ему одному, а нам четверым! Он должен это знать, если он порядочный человек.

К у л ы г и н. Охота тебе, Маша! На что тебе? Андрей[у] кругом должен, ну, и бог с ним.

М а ш а. Это во всяком случае возмутительно. (*Ложится.*)

К у л ы г и н. Мы с тобой не бедны. Я работаю, хожу в гимназию, потом уроки даю... Я честный человек...[ф] Omnia mea mecum porto, как говорят[х].

а *Далее:* Соленому

б *Далее:* С о л е н ы й. Хорошо-с, так и запишем. Мысль эту можно б боле пояснить, да боюсь, как бы гусей не раздразнить... (Глядя на Тузенбаха.) Цип, цип, цип... (Уходит с Вершининым и Федотиком.)

в *Отсутствует ремарка.*

г *Далее:* Как накурил этот Соленый...

д *Далее:* однако...

е *Далее:* Уже был разговор

ж *Далее:* обаятельная... Мне кажется,

з *Отсутствует:* как свет

и *Далее:* как свет... Вы печальны, вы недовольны жизнью...

к *Далее:* Прощайте, я

л *Далее:* Я гляжу на вас теперь и вспоминается мне, как когда-то давно, в день ваших именин, вы, бодрая, веселая, [радостная] говорили о радостях труда... И какая мне тогда мерещилась счастливая жизнь! Где она? (Целует руку.) У вас слезы на глазах... Ложитесь спать, уже светает... Начинается утро... Если бы мне было позволено отдать за вас жизнь свою! М а ш а. Николай Львович, уходите. Ну что, право... Т у з е н б а х. Ухожу...

м *Отсутствует:* что

н *Далее:* Надоело, надоело, надоело...

о *Далее:* И вот не выходит у меня из головы...

п *Далее:* Сидит гвоздем в голове

р *Отсутствует:* я

с *Вместо:* Андрей — Я про Андрея.

т *Далее:* он

у *Вместо:* Андрей — Андрюша

ф *Далее:* простой...

х *Вместо:* говорят — говорится

М а ш а. Мне ничего не нужно, но меня возмущает несправедливость.

Пауза.

Ступай, Федор!

К у л ы г и н (*целует ее*). Ты устала, отдохни с полчасика, а я там посижу, подожду... Спи... (*Идет.*) Я доволен, я доволен, я доволен... (*Уходит.*)

И р и н а. В самом деле, как измельчал наш Андрей, как он выдохся и постарел около этой женщины. Когда-то готовился в профессора, а вчера хвалился, что попал, наконец, в члены земской управы. Он член управы, а Протопопов председатель... Весь город говорит, смеется, и только он один ничего не знает[а]... И вот все побежали на пожар, а он сидит у себя в комнате и никакого внимания. Только на скрипке играет. (*Нервно.*) О, ужасно, ужасно, ужасно! (*Плачет.*) Я не могу, не могу переносить больше. Не могу, не могу...

Ольга входит, убирает около своего столика.

И р и н а (*громко рыдает*). Выбросьте меня, выбросьте. Я больше не могу.

О л ь г а (*испугавшись*). Что ты? Что ты? Милая!

И р и н а (*рыдая*). Куда? Куда все ушло? Где оно? О, боже мой, боже мой! Я все забыла, забыла, у меня перепуталось в голове... Я не помню, как по-итальянски окно или вот потолок. Все забываю, каждый день забываю, а жизнь уходит и никогда[б], никогда мы не уедем в Москву... Я вижу, что не поедем...

О л ь г а. Милая, милая!..

И р и н а (*сдерживаясь*). О, я несчастная!.. Не могу я работать, не стану работать. Довольно, довольно! Была телеграфисткой, теперь служу в городской управе и ненавижу и[в] презираю труд[г]... Мне уже двадцать четыре года[д], работаю уже пять лет[е], и мозг высох, похудела, подурнела, постарела и ничего, ничего, никакого удовлетворения, а время идет и все кажется, что уходишь от настоящей прекрасной жизни, уходишь все дальше и дальше, в какую-то пропасть. Я в отчаянии[ж], и как я жива, как не убила себя до сих пор, не понимаю...

О л ь г а. Не плачь, моя девочка, не плачь... Я страдаю.

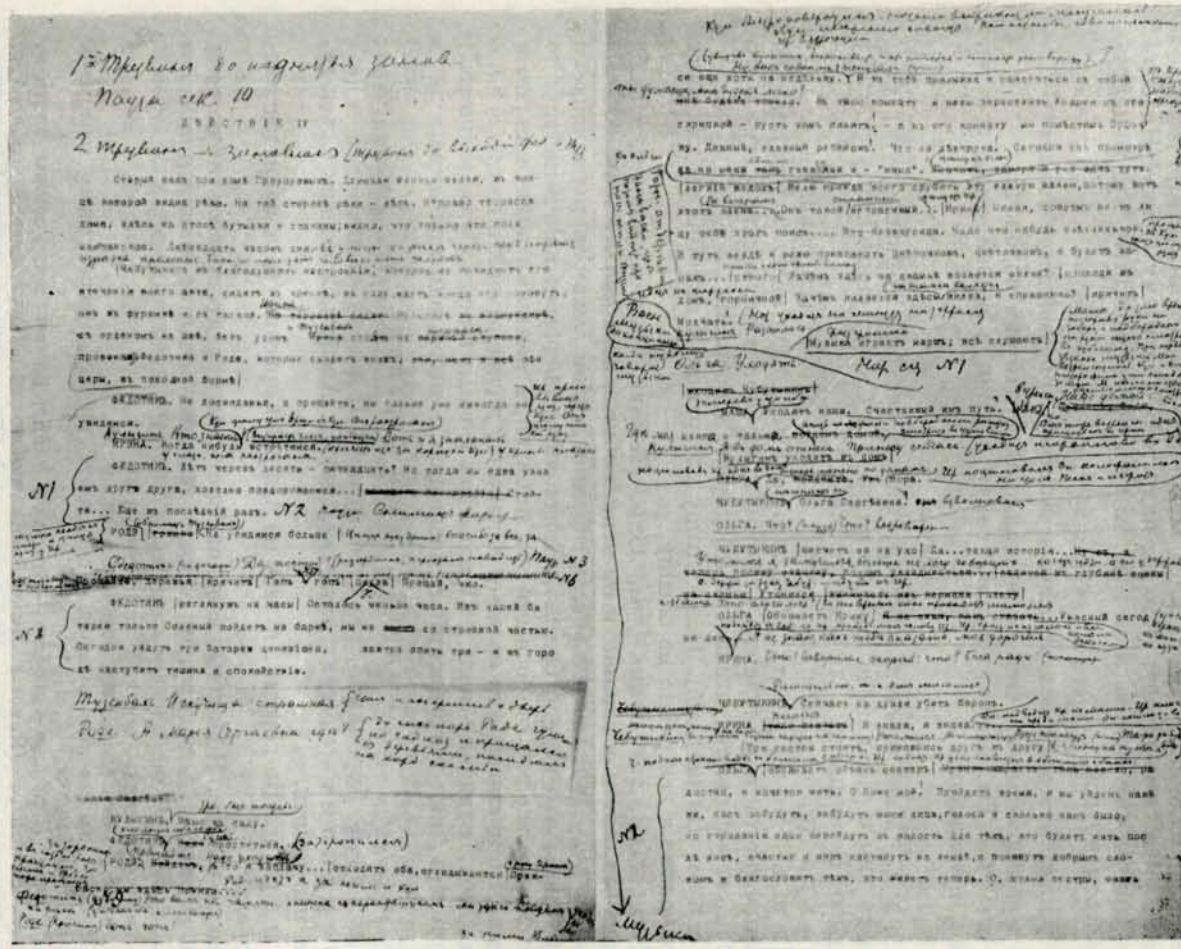
И р и н а. Я не плачу, не плачу... Довольно... Ну, вот я уже не плачу. Довольно... Довольно!..

О л ь г а. Милая, говорю тебе, как сестра, как друг, если хочешь моего совета, выходи за барона.

Ирина плачет.

О л ь г а (*тихо*)[з]. Ведь ты его уважаешь, высоко ценишь. Он, правда, некрасивый, но он такой порядочный, чистый... Ведь замуж выходят не из любви, а[и] для того, чтобы исполнить свой долг... Я по крайней мере так думаю, и я бы вышла без любви. Кто бы ни посватал[к], все равно

а *Далее*: и не видит
б *Далее:* не вернется, никогда,
в *Отсутствует:* и
г *Вместо:* труд — все, что только мне дают делать...
д *Вместо:* двадцать четыре года — двадцать четвертый год
е *Вместо:* пять лет — давно
ж *Далее*: я в отчаянии!
з *Отсутствует ремарка.*
и *Далее*: только
к *Вместо*: посватал — посватался



РЕЖИССЕРСКИЙ ЭКЗЕМПЛЯР «ТРЕХ СЕСТЕР»

Правка рукой И. А. Тихомирова

Музей Художественного театра, Москва

бы вышла[а], лишь бы порядочный человек... Даже за старика бы пошла...

И р и н а. Я все ждала, переселимся в Москву, там мне встретится мой настоящий, я мечтала о нем, любила...[б]

О л ь г а (*обнимая сестру*). Милая моя, прекрасная сестра, я все понимаю. Когда барон Николай Львович оставил военную службу и пришел к нам в пиджаке, то показался мне таким некрасивым, что я даже заплакала... Он спрашивает: «Что вы плачете?» Как я ему скажу! Но если бы бог привел ему жениться на тебе, то я была бы счастлива. Тут ведь другое, совсем другое...

Наташа со свечой проходит молча через сцену из правой двери в левую[в].

М а ш а (*садится*). Она ходит так, как будто она подожгла.

О л ь г а. Ты, Маша, глупая, самая глупая в нашей семье это ты, извини, пожалуйста.

Пауза.

М а ш а. Мне хочется каяться, милые сестры. Томится душа моя. Покаюсь вам и уж больше никому никогда... Скажу сию минуту. (*Тихо.*) Я люблю Вершинина... люблю, люблю...[г]

О л ь г а (*идет к себе за ширмы*). Оставь это. Я все равно не слышу.

М а ш а. Что же делать! (*Берется за голову.*) Он казался мне сначала странным, потом я жалела его... потом полюбила и полюбила я его[д] с его голосом, его словами, несчастиями, двумя девочками...

О л ь г а (*за ширмой*). Я не слышу все равно. Какие бы ты глупости ни говорила, я все равно не слышу.

М а ш а. Э, э, глупая[е] ты, Оля. Люблю — такая, значит, судьба моя, значит доля моя такая... и он меня любит... страшно все это[ж]. (*Тянет Ирину за руку, привлекает к себе.*) О, моя милая... как-то мы проживем нашу жизнь, что из нас будет... Когда читаешь роман какой-нибудь, то кажется, что все это старо и все так понятно, а как сама полюбишь, то и видишь, что никто ничего не знает[з], каждый должен решать сам за себя... Милая моя, славная[и] моя... Призналась[к] вам, теперь буду молчать... буду теперь, как гоголевский сумасшедший: молчание, молчание...

А н д р е й[л], за ним Ф е р а п о н т.

А н д р е й (*сердито*). Что тебе нужно? Я не понимаю.

Ф е р а п о н т (*в дверях, нетерпеливо*). Я, Андрей Сергеевич[м], уж говорил раз десять.

А н д р е й. Во-первых, я тебе не Андрей Сергеевич[м], а ваше высокоблагородие.

Ф е р а п о н т. Пожарные, ваше высокородие, просят, позвольте[н] на реку садом проехать. А то кругом ездиют, ездиют — чистое наказание!

а *Вместо*: вышла — пошла

б *Далее*: Но оказалось, все вздор, все вздор...

в *Вместо*: со свечой ~ в левую — со свечой проходит через сцену из правой двери в левую, молча.

г *Вместо*: Я люблю ~ люблю — Это моя тайна, но вы все должны знать... Не могу молчать... (Пауза.) Я люблю, люблю... Люблю этого человека... вы его только что видели... Ну, да что там! Одним словом, люблю Вершинина.

д *Отсутствует*: я его

е *Вместо*: Э, э, глупая — Э, чудна̀я

ж *Вместо*: страшно все это — Это все страшно? Да? Не хорошо это?

з *Далее*: и

и *Вместо*: славная — сестра

к *Напечатано*: признаюсь — *очевидная ошибка машинистки.*

л *Вместо*: Андрей — входит Андрей

м *Вместо*: Сергеевич — Сергеич

н *Вместо:* позвольте — дозвольте

А н д р е й. Хорошо, скажи, хорошо!

Ферапонт уходит.

Надоели! Где Ольга?

О л ь г а выходит[а] из-за ширмы.

Я пришел к тебе, дай мне ключ от шкафа, я затерял свой! У тебя есть такой маленький ключик.

Ольга подает ему молча ключ. Ирина идет к себе за ширму; пауза.

А н д р е й. А какой громадный пожар! Теперь стал[б] утихать. Черт знает, разозлил меня[в], я сказал ему глупость...ваше высокоблагородие.

Пауза.

Что же ты молчишь, Оля?

Пауза.

Пора уже оставить эти глупости и не дуться так, здорово живешь... Ты, Маша, здесь, Ирина здесь, ну вот прекрасно, объяснимся на чистоту, раз навсегда. Что вы имеете против меня? Что?

О л ь г а. Оставь, Андрюша, завтра объяснимся. (*Волнуясь.*) Какая мучительная ночь!

А н д р е й. Не волнуйся, я совершенно хладнокровно вас спрашиваю: что вы имеете против меня? Говорите прямо.

Голос Вершинина: «Трам-там-там».

М а ш а (*встает, громко*). Тра-та-та! (*Ольге.*) Прощай, Оля, господь с тобой. (*Идет за ширму, целует Ирину.*) Спи покойно... Прощай, Андрей. Уходи, они утомлены, завтра объяснимся[г]. (*Уходит.*)

О л ь г а. В самом деле, Андрюша, отложим до завтра... (*Идет к себе за ширму.*) Спать пора.

А н д р е й. Я[д] скажу и уйду[е]. Во-первых, вы имеете что-то против Наташи, моей жены, и это я замечаю с самого дня моей свадьбы[ж]. Наташа прекрасный, честный человек, прямой и благородный — вот мое мнение. Свою жену я люблю и уважаю[з] и требую, чтобы ее уважали так же другие. Повторяю, она честный, благородный человек, а[и] все ваши неудовольствия, простите, это просто капризы[к] старых дев. Старые девы никогда[л] не любят своих невесток — это правило.

Пауза.

Во-вторых, вы как будто сердитесь за то, что я не профессор, не занимаюсь наукой. Но я служу в земстве, я член земской управы и это свое служение считаю таким же святым и высоким, как служение науке. Я член земской управы и горжусь этим, если желаете знать.

Пауза.

[а] *Вместо*: выходит — показывается
[б] *Вместо*: стал — стало
[в] *Далее*: этот Ферапонт
[г] *Вместо*: объяснимся — объяснишься
[д] *Вместо*: Я — Только
[е] *Далее*: Сейчас...
[ж] *Далее*: Если желаете знать
[з] *Далее*: понимаете? — уважаю
[и] *Вместо*: а — и
[к] *Далее*: или, еще лучше, капризничанья
[л] *Далее*: не любили и

В-третьих... я еще имею сказать... я заложил дом, не испросив у вас позволения... в этом я виноват, да, и прошу меня извинить. Меня побудили к тому долги — 35 000. Я уже не играю в карты, давно бросил, но главное, что могу сказать в свое оправдание, это то, что вы женского пола[а], вы получаете пенсию, я же не имел... заработка, одним словом[б]...

Пауза.

К у л ы г и н (*в дверь*). Маши здесь нет? (*Встревоженно.*) Где она?[в] (*Уходит.*)

А н д р е й. Не слушают. Наташа превосходный, чистый человек. (*Ходит по сцене молча, потом останавливается.*) Когда я женился, я думал, что мы будем счастливы, все счастливы... Но, боже мой![г] (*Плачет и*[д] *уходит.*)

К у л ы г и н (*в дверь встревоженно*). Где Маша? Здесь Маши нет?[е] (*Уходит.*)

Набат; сцена пуста.

И р и н а (*за ширмами*). Оля! Кто это стучал[ж] в пол?

О л ь г а. Это доктор Иван Романович[з]. Он пьян.

И р и н а. Какая беспокойная ночь!

Пауза.

Оля! (*Выглядывает из-за ширм.*) Слышала? Бригаду берут от нас, переводят куда-то далеко.

О л ь г а. Это слухи только.

И р и н а. Останемся мы тогда одни, Оля!

О л ь г а. Ну?

И р и н а. Милая,дорогая, я уважаю, я ценю барона, он прекрасный человек, я выйду за него, согласна, только поедем в Москву, умоляю тебя, поедем! Лучше Москвы ничего нет[и] на свете! Поедем, Оля, поедем!

IV

Старый сад при доме Прозоровых. Длинная еловая аллея, в конце которой видна река. На той стороне реки — лес. Направо терраса дома; здесь на столе бутылки и стаканы, видно, что только что пили шампанское. Двенадцать часов дня.

Ч е б у т ы к и н в благодушном настроении, которое не покидает его в течение всего акта, сидит в кресле, в саду, ждет, когда его позовут; он в фуражке и с палкой. На террасе сидит К у л ы г и н в вицмундире, с орденом на шее, без усов. И р и н а стоит на верхней ступени, провожая Ф е д о т и к а и Р о д е, которые сходят вниз, они, как и все офицеры, в походной форме.

Ф е д о т и к. Не до свиданья, а прощайте, мы больше уже никогда не увидимся.

И р и н а. Когда-нибудь встретимся.

Ф е д о т и к. Лет через десять-пятнадцать? Но тогда мы едва узнаем

а *Вместо*: что ~ пола — что... это то, это то, что вы, так сказать, прекрасного пола

б *Вместо*: одним словом — так сказать

в *Вместо*: Где она? — Где же она? Это странно...

г *Далее*: (Плачет.) Милые мои сестры, дорогие сестры, не верьте мне, [я лгу, лгу] не верьте...

д *Отсутствует*: плачет и

е *Далее*: Удивительное дело!

ж *Вместо*: стучал — стучит

з *Вместо*: Романович — Романыч

и *Вместо:* ничего нет — нет ничего

друг друга, холодно поздороваемся... (*Снимает фотографию.*) Стойте... Еще последний раз.

Роде (*громко*). Не увидимся больше. (*Окидывает взглядом сад.*) Я сегодня разбил свою гитару, больше уже негде играть, да и нет охоты. Прощайте, деревья! (*Кричит.*) Гоп-гоп!

Пауза.

Прощай, эхо!

Федотик (*взглянув на часы*). Осталось меньше часа. Из нашей батареи только Соленый пойдет на барже, мы же идем со строевой частью. Сегодня уйдут три батареи дивизиона, завтра опять три — и в городе наступит тишина и спокойствие.

Ирина. Алексей Петрович, что вчера было на бульваре около театра? Скажите откровенно.

Федотик. Ничего не было.

Ирина. Честное слово?

Пауза.

Федотик. Ничего не было... Так, пустяки... Все обойдется. А где Мария Сергеевна?

Кулыгин. Маша в саду.

Федотик. Надо проститься.

Роде. Пойдем, а то я заплàчу...

Отходят оба, оглядываются.

Прекрасно мы здесь пожили... (*Кричит.*) Мария Сергеевна! Гоп-гоп! (*Уходят.*)

Ирина. Ушли... (*Садится на нижнюю ступень террасы.*)

Чебутыкин. Я ухожу завтра. Да... Еще один денек осталось. Через год дадут мне отставку, опять приеду сюда и буду доживать свой век около вас... Мне до пенсии только один годочек осталось... (*Вынимает из кармана газету.*) Приеду сюда к вам и изменю жизнь коренным образом... Стану таким тихоньким, благо... благоугодным, приличненьким...

Ирина. А вам надо изменить жизнь, голубчик. Надо бы как-нибудь.

Чебутыкин. Да. Чувствую. (*Тихо напевает.*) Тарара... бумбия... сижу на тумбе я...

Кулыгин сходит вниз.

Ирина. Федор сбрил себе усы. Видеть не могу.

Кулыгин. А что?

Чебутыкин. Я бы сказал, на что теперь похожа ваша физиономия; да не могу.

Кулыгин. Что ж! Так принято, это modus in rebus. Директор у нас с выбритыми усами и я тоже, как стал инспектором, побрился. (*Смеется.*) Никому не нравится, а для меня все равно. Я доволен. С усами я, или без усов, а я одинаково доволен... (*Садится.*)

В глубине Андрей провозит колясочку со спящим ребенком.

Ирина. Иван Романович, голубчик, родной мой, я страшно обеспокоена. Вы вчера были на бульваре, скажите, что произошло там?

Чебутыкин. Что произошло? Ничего. Пустяки. (*Читает газету.*)

Кулыгин. Так рассказывают, будто Соленый и барон встретились вчера на бульваре около театра... Соленый стал придираться к барону, а тот не стерпел, сказал ему что-то обидное...

Чебутыкин. Не знаю. Чепуха все.

К у л ы г и н. Говорят, в какой-то семинарии учитель написал на сочинении «чепуха», а ученик прочел «реникса» — думал что по-латыни написано... (*Смеется.*) Смешно удивительно... Говорят, будто Соленый влюбился в Ирину и, говорят, возненавидел барона... Это понятно... Когда я был женихом Маши, то ходил просто, как безумец, как пьяный, и нес чепуху, реникcу... Я и тут счастлив, а тогда от счастья ничего не помнил. Ну и барон, вероятно, тоже...

В глубине сада за сценой: «Ау! Гоп-гоп!».

И р и н а (*вздрагивает*). Меня как-то все пугает.

Пауза.

У меня уже все готово, я после обеда отправляю свои вещи. Мы с бароном решили так: завтра венчаемся; завтра же уезжаем на кирпичный завод, и послезавтра я уже в школе, начинается новая жизнь. Как-то мне поможет бог! Когда я держала экзамен на учительницу, то даже заплакала от радости, от благости, которая наполнила меня всю.

Пауза.

Сейчас приедет подвода за вещами...

К у л ы г и н. Это хорошо. От души тебе желаю.

Ч е б у т ы к и н (*в умилении*). Славная моя, хорошая... Золотая моя... Далеко вы ушли... Ни вас не догонишь, ни науки не догонишь, остался я позади, точно журавль, который состарился и не может лететь... Летите, милые, летите с богом!

Пауза.

Напрасно, Федор Ильич, вы сбрили усы.

К у л ы г и н. Будет вам.

Ч е б у т ы к и н. Теперь ваша жена будет вас бояться.

К у л ы г и н. Ничего. Вот сегодня уйдут и все пойдет по-старому. Что бы там ни говорили, Маша хорошая, честная женщина, я ее очень люблю и благодарю свою судьбу... Судьба у людей разная... Тут в акцизе служит некто Козырев. Он учился со мной, его уволили из пятого класса гимназии за то, что никак не мог понять ut conjunctivum. Теперь он ужасно бедствует, болен и я, когда встречаюсь, то говорю ему: «Здравствуйте, ut conjunctivum!» «Да,— говорит,— именно conjunctivum», а сам кашляет... А мне вот всю мою жизнь везет, я счастлив, вот имею орден и сам теперь другим преподаю это ut conjunctivum. Конечно, я умный человек, умнее очень многих, но счастье не в этом.

Пауза.

Странная судьба у людей.

В доме играют на рояли «Молитву девы».

И р и н а. А завтра вечером я уже не буду слышать этой «Молитвы девы», не буду видеть своей противной комнаты, не буду встречаться с Протопоповым. А Протопопов пришел и сегодня, сидит там в гостиной...

К у л ы г и н. Начальница еще не приехала?

И р и н а. Нет. За ней послали. Если б только знали, как мне трудно жить здесь одной, без Оли... Она живет в гимназии, она начальница, целый день занята делом, а я одна, мне скучно, нечего делать, и ненавистна комната, в которой живу... Я так и решила, что если мне не суждено быть в Москве, то так тому и быть. Значит, судьба... Ничего не поделаешь... Все в божьей воле, это правда: Николай Львович сделал мне предложение, и я решила наконец... Он хороший человек, удивительно даже, такой хо-

роший... И у меня вдруг точно крылья выросли на душе, я повеселела, стало мне легко и опять захотелось работать, работать... Только вот вчера произошло что-то, какая-то тайна нависла надо мной...

М. Г. САВИЦКАЯ

Фотография с дарственной надписью Чехову:
«Глубокоуважаемому Антону Павловичу Чехову. М. Савицкая. 17-го янв. 1904 г.»
М. Г. Савицкая — первая исполнительница роли Ольги в пьесе «Три сестры»
Литературный музей, Москва

Чебутыкин. Реникса. Чепуха.

Наташа (*в окно*). Начальница!

Кулыгин. Приехала начальница. Пойдем.

Уходит с Ириной в дом.

Чебутыкин (*читает газету*). Да, что ни говори, Иван Романович, а переменить образ жизни давно пора. (*Тихо напевает.*) Ах, вы

Сашки, канашки мои, разменяйте вы бумажки мои... А бумажки все новенькие...

Андрей везет колясочку.

Андрей. И когда, наконец, в доме все успокоится? Такой шум.

Чебутыкин. Скоро. Раньше чем через час. (*Смотрит на часы.*) У меня часы старинные, с боем... (*Заводит часы.*) Первая, вторая и пятая батареи уйдут ровно в час.

Пауза.

А я завтра.

Андрей. Навсегда?

Чебутыкин. Они навсегда, а я не знаю. Может, через год вернусь.

Андрей. Опустеет город. Заглохнут наш дом и сад.

Пауза.

Скажите, что произошло вчера около театра?

Чебутыкин. Пустяки. Так, недоразумение... Соленый вызвал барона на дуэль. В половине первого за рекой, в казенной роще, вон в той, что отсюда видна, за рекой... (*Смотрит на часы.*) Гишпанцы, подумаешь, гидальго...

За садом крик: «Ау! Гоп-гоп!».

Подождешь... Это Скворцов кричит, секундант... В лодке сидит... (*Зевает.*) В моей жизни это уже седьмая дуэль...

Андрей. По-моему, и участвовать на дуэли, и присутствовать на ней, хотя бы в качестве врача, просто безнравственно...

Чебутыкин. Это только кажется... Нас нет, ничего нет на свете, мы не существуем, а только кажется, что существуем.

Андрей. Это вздор.

Пауза.

Опустеет наш дом. Уедут офицеры, уедете вы и барон, сестра замуж выйдет, и останусь в доме я один. Жену я не считаю за человека.

Входит Ферапонт с бумагами.

Чебутыкин. Почему?

Андрей. Она честная, порядочная, ну добрая, но в ней есть при всем том нечто принижающее ее до мелкого, слепого, шаршавого животного. Быть может я несправедлив, но ничего, пусть я буду несправедлив; говорю вам, как другу, единственному человеку, которому могу это сказать. Я люблю Наташу, горячо люблю, но иногда она кажется мне удивительно пошлой, и тогда я теряюсь, не понимаю, за что, отчего я так люблю ее...

Чебутыкин (*встает*). Я, брат, завтра уезжаю, может никогда не увидимся, так вот тебе мой совет. Знаешь, надень шапку, возьми в руки палку и уходи... уходи и иди, иди без оглядки. И чем дальше уйдешь, тем лучше.

Соленый проходит в глубине сцены с двумя офицерами; увидев Чебутыкина, он поворачивает к нему, офицеры идут дальше.

Соленый. Доктор, пора! Уже половина первого. (*Здоровается с Андреем.*)

Чебутыкин. Сейчас. Надоели вы мне все. (*Андрею.*) Если кто спросит меня, Андрюша, то скажешь, что я сейчас... (*Вздыхает.*) Охо-хо-хо!

Соленый (*идет с ним*). Что вы кряхтите?

Чебутыкин. Э!

Соленый. Не спал? Как здоровье?

Чебутыкин (*сердито*). Как масло коровье...

Соленый. А барон что делает, пишет завещание? Прощается с милой, клянется ей в вечной любви или уже на месте сражения?

Пауза.

Я его все-таки подстрелю, как куренка...

Уходят. Слышны крики: «Гоп-гоп! Ау!»

Андрей и Ферапонт.

Андрей. О, где оно, куда ушло мое прошлое, когда я был молод, весел, умен, когда я мечтал и мыслил изящно, когда и настоящее и будущее мое озарялось надеждой? Отчего мы, едва начавши жить, становимся скучны, серы, неинтересны, ленивы, равнодушны, бесполезны... Город наш существует уже 200 лет, в нем — шутка сказать! — сто тысяч жителей, и ни одного, который не был бы похож на других, ни в прошлом, ни в настоящем, ни одного подвижника, ни одного ученого, ни одного художника, ни мало-мальски заметного человека, который возбуждал бы зависть или страстное желание подражать ему... Только едят, пьют, спят, потом умирают; родятся другие и тоже едят, пьют, спят и, чтобы не отупеть от скуки, разнообразят жизнь свою гадкой сплетней, водкой, картами, и жены обманывают мужей, а мужья лгут, делают вид, что ничего не видят, ничего не слышат, и неотразимо пошлое влияние гнетет детей — и искра божия гаснет в них, и они становятся такими же жалкими, похожими друг на друга мертвецами, как их отцы и матери... (*Ферапонту.*) Что тебе?

Ферапонт. Чего? Бумаги подписать.

Андрей (*охваченный нежным чувством*). Милые мои сестры, чудные мои сестры!

Ферапонт (*подавая бумаги*). Сейчас швейцар из казенной палаты рассказывал. Будто, говорят, зимой в Петербурге мороз был в двести градусов. Две тысячи людей померзло. Народ, говорит, ужасался. Не то в Петербурге, не то в Москве — не упомню.

Андрей. Теперь каждую ночь под утро я просыпаюсь и думаю... Думаю о том, как через два-три года я, наконец, влезу в неоплатные долги, стану бедняком, дом этот продадут, жена покинет меня — вдруг душе моей становится так легко, так просторно, и вдали забрезжит свет, я предчувствую свободу, и тогда хочется мне бежать к моим трем сестрам, бежать к ним, закричать: сестры, я спасен, я спасен!

Наташа (*в окно*). Ты громко разговариваешь тут, Андрюша, Софочку разбудишь. (*Рассердившись.*) Если хочешь разговаривать, то отдай колясочку с ребенком кому-нибудь другому. Ферапонт, возьми у барина колясочку!

Ферапонт. Слушаю. (*Берет колясочку.*)

Андрей (*сконфуженно*). Я говорю тихо.

Наташа (*за окном лаская своего мальчика*). Бобик! Шалун Бобик! Дурной Бобик!

Андрей (*оглядывая бумаги*). Я сейчас пересмотрю всю эту галиматью и, что нужно, подпишу, а ты снесешь опять в управу.

Уходит в дом, читая бумаги; Ферапонт везет колясочку; в глубине сада показывается Ирина и Тузенбах, барон одет щегольски, в соломенной шляпе.

Наташа (*за окном*). Бобик, как зовут твою маму? Милый, милый А это кто? Это тетя Оля. Скажи тете: здравствуй, Оля!

Входит Кулыгин.

К у л ы г и н (*Ирине*). Где Маша?

И р и н а. Где-то в саду.

К у л ы г и н. С утра ее не вижу... Сердита она сегодня... (*Покачивает головой.*) А скамейки опять не выкрасили! Экие, право... (*Кричит.*) Ау, Маша, ау! (*Уходит в сад.*)

Т у з е н б а х. Это, кажется, единственный человек в городе, который рад, что уходят военные.

И р и н а. Это понятно.

Пауза.

Наш город опустеет теперь.

Т у з е н б а х (*поглядев на часы*). Милая, я сейчас приду.

И р и н а. Куда ты?

Т у з е н б а х. Мне нужно в город, затем... проводить товарища.

И р и н а. Неправда. Николай, отчего ты такой рассеянный сегодня?

Пауза.

Что вчера произошло около театра?

Т у з е н б а х (*нетерпеливое движение*). Через час я вернусь и опять буду с тобой. (*Целует ей руки.*) Ненаглядная моя... (*Всматривается ей в лицо.*) Уже шесть лет прошло, как я люблю тебя, и все не могу привыкнуть, и ты кажешься мне все прекраснее. Какие прелестные, чудные волосы! Какие глаза! Я увезу тебя завтра, мы будем работать, будем богаты, мечты мои оживут, но только вот одно, только одно: ты меня не любишь!

И р и н а. Это не в моей власти. Я буду твоей женой и верной и покорной, но любви нет, что же делать! (*Плачет.*) Я не любила ни разу в жизни. Чувствую страстную жажду любви, мечтаю уже давно, дни и ночи, но душа моя, как дорогой рояль, который заперт и ключ потерян.

Пауза.

У тебя беспокойный взгляд.

Т у з е н б а х. Я не спал всю ночь. В моей жизни нет ничего такого страшного, что могло бы испугать меня, и только этот потерянный ключ терзает мою душу, не дает мне спать... Скажи мне что-нибудь.

Пауза.

Скажи мне что-нибудь.

И р и н а. Что? Что? Кругом все так таинственно, старые деревья стоят, молчат... (*Кладет голову ему на грудь.*)

Т у з е н б а х. Скажи мне что-нибудь.

И р и н а. Что сказать? Что?

Т у з е н б а х. Что-нибудь! Что-нибудь! (*Хватает себя за голову.*)

И р и н а. Полно. Полно.

Пауза.

Т у з е н б а х. Я точно первый раз в жизни вижу эти ели, клены, березы, и все смотрит на меня с любопытством и ждет... Какие красивые деревья, и в сущности какая должна быть около них красивая жизнь!

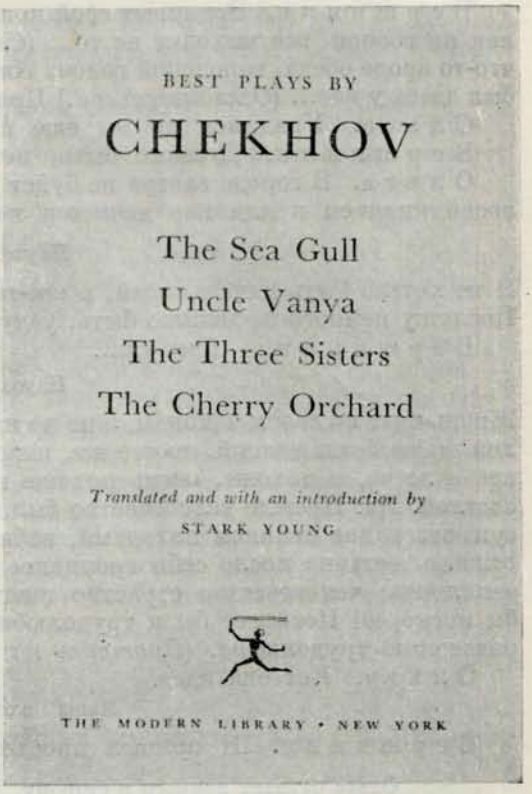
Крик: «Ау! Гоп-гоп!»

Надо идти, уже пора... Вот дерево засохло, но все же оно вместе с другими качается от ветра. Так мне кажется, если я умру, то все же буду участвовать в жизни, так или иначе.

Бродяги-музыканты, мужчина и девушка, играют на скрипке и арфе.

Прощай, моя милая... (*Целует руки.*) Твои документы, что ты мне дала,

АМЕРИКАНСКОЕ ИЗДАНИЕ
ПЬЕС ЧЕХОВА
Нью-Йорк, 1956
Обложка



лежат у меня на столе, под календарем... (*Идет, на аллее останавливается.*) Ирина!

И р и н а. Что?

Т у з е н б а х. Я не пил сегодня кофе. Скажи, чтобы мне сварили.

Быстро уходит. Ирина стоит задумавшись, выходят из дома О л ь г а, В е р ш и н и н и А н ф и с а.

О л ь г а. Наш сад, как проходной двор, через него и ходят и ездят. Няня, дай этим музыкантам что-нибудь. Пусть уходят.

А н ф и с а (*подает музыкантам*). Уходите с богом, сердечные.

Музыканты кланяются и уходят.

Горький народ. От сытости не заиграешь. (*Ирине.*) Здравствуй, Ариша! (*Целует ее.*) И-и, деточка, вот живу! Вот живу! В гимназии на казенной квартире, вместе с Олюшкой — определил господь мне на старости лет. Отродясь я, грешница, не жила так и отродясь не думала... Квартира большая, казенная, и мне целая комнатка и кроватка. Проснусь ночью и — о господи, матерь божия, счастливей меня человека нет! Да и нету, и нету!

В е р ш и н и н. Сейчас уходим, Ольга Сергеевна. Мне пора.

Пауза.

Я желаю вам всего, всего... Где Мария Сергеевна?

И р и н а. Она в саду где-то... Я пойду, поищу ее.

В е р ш и н и н. Будьте добры. Я тороплюсь.

А н ф и с а (*кричит*). Машенька, ау! (*Уходит вместе с Ириной в глубину сада.*) Ау!

В е р ш и н и н. Все имеет свой конец. Вот и мы расстаемся. Впрочем, как ни говори, все выходит не то... (*Смотрит на часы.*) Город давал нам что-то вроде обеда, городской голова говорил речь; я ел и слушал, а душой был здесь у вас... (*Оглядывает сад.*) Привык я к вам.

О л ь г а. Увидимся ли мы еще когда-нибудь?

В е р ш и н и н. Должно быть, нет.

О л ь г а. В городе завтра не будет уже ни одного военного; все станет воспоминанием и для нас начнется новая жизнь...

Пауза.

Я не хотела быть начальницей, и все-таки сделалась ею. Не по мне это... Послужу немного и, должно быть, уеду в Москву.

В е р ш и н и н. Где уж...

Пауза.

Жизнь идет по своим законам, а не по нашим. Да. Она представляется глухой, даже безнадежной, но все же, надо сознаться, она становится все яснее и легче, и похоже, очень похоже на то, что скоро она станет совсем светлой. Да. Прежде человечество было занято войной, заполняя все свое существование целиком походами, набегами, победами, теперь же все это отжило, оставив после себя громадное пустое место, которое пока нечем заполнить; человечество страстно ищет и, конечно, найдет. Ах, только бы поскорее! Поскорее бы к трудолюбию прибавить образование, а к образованию трудолюбие. (*Смотрит на часы.*) Мне пора.

О л ь г а. Вот она идет.

Маша входит.

В е р ш и н и н. Я пришел проститься.

Ольга отходит немного в сторону, чтобы не помешать прощанию.

М а ш а (*смотрит ему в лицо*). Прощай...

Продолжительный поцелуй.

О л ь г а. Будет! Будет!

Маша сильно рыдает.

В е р ш и н и н. Пиши мне!.. Не забывай! Пусти меня!.. Мне пора... Ольга Сергеевна, возьмите ее, мне уже пора... опоздал... (*Растроганный, целует руки Ольге, потом еще раз обнимает Машу и быстро уходит.*)

О л ь г а. Будет, Маша! Перестань, милая...

Входит К у л ы г и н.

К у л ы г и н (*в смущении*). Ничего, пусть поплачет, пусть... Хорошая моя Маша, добрая моя Маша... Ты моя жена, и я счастлив, что бы там ни было... Я не жалуюсь, не делаю тебе ни одного упрека... Вот и Оля свидетельница. Начнем жить опять по-старому, и я тебе ни одного слова, ни намека.

М а ш а (*сдерживая рыдания*). Слава богу, слава нам. Туртукай взят и мы там... Я с ума схожу... Туртукай.

О л ь г а. Успокойся, Маша... Успокойся... Дай ей воды.

М а ш а. Я больше не плачу... Туртукай взят и мы там. Англичане напали... турки напали... Черт побери, я путаю. (*Пьет воду.*) Ничего мне не нужно... Я сейчас успокоюсь... Все равно... Туртукай взят и мы там. В голове путаются мысли.

Входит И р и н а, слышно, как далеко на улице играют арфа и скрипка.

О л ь г а. Успокойся, Маша. Пойдем в комнату.

Маша. У меня прошло. Теперь ничего. (*Улыбается.*) Значит, судьбе так угодно, ничего не поделаешь... (*Рыдает и тотчас же останавливается.*) Будет.

Слышен далекий выстрел.

Ирина (*вздрагивает*). Пойдемте в сад, вглубь, посидим вместе, молча...

Слышен далекий выстрел, входит Наташа.

Наташа (*горничной*). Что? С Бобиком посидит Протопопов, Михаил Иваныч, а Софочку пусть покатает Андрей Сергеевич. Столько хлопот с детьми... (*Ирине.*) Ирина, ты завтра уезжаешь, — такая жалость! Останься еще хоть на недельку!Я к тебе привыкла и расстаться с тобой мне будет тяжело. В твою комнату я велю переселить Андрея с его скрипкой — пусть там пилит! а в его комнату мы поместим Софочку. Дивный, славный ребенок! Что за девчурка! Сегодня она посмотрела на меня так глазками и «мама»! Значит, завтра я уже одна тут... (*Легкий вздох.*) Велю прежде всего срубить эту еловую аллею, потом вот этот клен... Он такой некрасивый... (*Ирине.*) Милая, совсем не к лицу тебе этот пояс... Это безвкусица. Надо что-нибудь светленькое. И тут везде я велю понасажать цветочков, цветочков, и будет запах... (*Строго.*) Зачем здесь на скамье валяется вилка? (*Проходя в дом, горничной.*) Зачем валяется здесь вилка, я спрашиваю? (*Кричит.*) Молчать!

Музыка играет марш; все слушают.
Входит Чебутыкин.

Маша. Уходят наши. Счастливый им путь! (*Мужу.*) Принеси, Федя, шляпу и тальму, пойдем домой.

Кулыгин уходит в дом.

Ольга. Да, пойдемте. Уже пора.

Чебутыкин. Ольга Сергеевна!

Ольга. Что?

Чебутыкин (*шепчет ей на ухо*). Да... такая история... Ну-с, а теперь посижу, отдохну, потом укладываться... (*Садится в глубине сцены на скамью.*) Утомился. (*Вынимает из кармана газету.*)

Ольга (*обнимает Ирину*). Я не знаю, как сказать... Ужасный сегодня день...

Ирина. Что произошло? Скажи мне, что? Я не паду духом, не паду. Я все снесу...

Чебутыкин. Сейчас на дуэли убит барон.

Ирина (*тихо плачет*). Я знала, я знала...

Три сестры стоят, прижавшись друг к другу.

Ольга (*обнимает обеих сестер*). Музыка играет так весело, радостно, и хочется жить. О, боже мой! Пройдет время, и мы уйдем навеки, нас забудут, забудут наши лица, голоса и сколько нас было, но страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас, счастье и мир настанут на земле, и помянут добрым словом и благословят тех, кто живет теперь. О милые сестры, жизнь наша еще не кончена. Будем жить! Музыка играет так весело, так радостно, и, кажется, еще немного, и мы узнаем, зачем мы живем, зачем страдаем. Если бы знать, если бы знать!

Музыка играет все тише и тише; в глубине сцены шум, видна толпа, несут убитого на дуэли барона; Кулыгин несет тальму и шляпу, Андрей везет колясочку.

Ольга. Если бы знать, если бы знать!

Занавес

⟨БЕЛОВАЯ РЕДАКЦИЯ⟩

IV

Старый сад при доме Прозоровых. Длинная еловая аллея, в конце которой видна река. На той стороне реки — лес. Направо терраса дома; здесь на столе бутылки и стаканы; видно, что только что пили шампанское. Двенадцать часов дня. С улицы к реке через сад ходят изредка прохожие; быстро проходит человек пять солдат.

Чебутыкин в благодушном настроении, которое не покидает его в течение всего акта, сидит в кресле, в саду, ждет, когда его позовут; он в фуражке и с палкой. Ирина, Кулыгин [в вицмундире] с орденом на шее, без усов и Тузенбах, стоя на террасе, провожают Федотика и Роде, которые сходят вниз [по террасе], офицеры в походной форме.

Тузенбах (*целуется с Федотиком*). Вы хороший, мы жили так дружно... (*Целуется с Роде.*) Еще раз... Прощайте, дорогой мой...

Ирина. До свиданья!

Федотик. Не до свиданья, а прощайте, мы больше уже никогда не увидимся.

Кулыгин. Кто знает! (*Вытирает глаза, улыбается.*) Вот я и заплакал.

Ирина. Когда-нибудь встретимся.

Федотик. Лет через десять-пятнадцать? Но тогда мы едва узнаем друг друга, холодно поздороваемся... (*Снимает фотографию.*) Стойте... Еще в последний раз...

Роде (*обнимает Тузенбаха*). Не увидимся больше... (*Целует руку Ирине.*) Спасибо за все, за все!

Федотик (*с досадой*). Да постой!

Тузенбах. Даст бог, увидимся. Пишите же нам. Непременно пишите.

Роде (*окидывает взглядом сад*). Прощайте, деревья! (*Кричит.*) Гоп-гоп!

Пауза.

Прощай, эхо!

Кулыгин. Чего доброго, теперь женитесь там, в Польше... Жена полька обнимет и скажет: «Коха́не [мой]!» (*Смеется.*)

Федотик (*взглянув на часы*). Осталось меньше часа. Из нашей батареи только Соленый пойдет на барже, мы же со строевой частью. Сегодня уйдут три батареи дивизионно, завтра опять три — и в городе наступят тишина и спокойствие.

Тузенбах. И скучища страшная.

Роде. А Марья Сергеевна где?

Кулыгин. Маша в саду.

Федотик. [Надо] С ней проститься...

Роде. Прощайте. Надо уходить, а то я заплачу. (*Обнимает быстро Тузенбаха и Кулыгина, целует руку Ирине.*) Прекрасно мы здесь пожили...

Федотик (*Кулыгину*). Это вам на память... книжка с карандашиком... Мы здесь пойдем, к реке...

Отходят оба, оглядываются.

Роде (*кричит*). Гоп-гоп!

Кулыгин (*кричит*). Прощайте!

В глубине сцены Федотик и Роде встречаются с Машей и прощаются с нею; она уходит за ними.

Ирина. Ушли. (*Садится на нижнюю ступень террасы.*)

Чебутыкин. А со мной забыли проститься.

Ирина. Вы же чего?

Ч е б у т ы к и н. Да и я как-то забыл. Впрочем скоро увижусь с ними. Ухожу завтра. Да... Еще один денек остался. Через год дадут мне отставку, опять приеду сюда и буду доживать свой век около вас. Мне до пенсии только один годочек остался. (*Кладет в карман газету, вынимает другую.*) Приеду сюда к вам и изменю жизнь коренным образом. Стану таким тихоньким, благо... благоугодным, приличненьким...

И р и н а. А вам надо бы изменить жизнь, голубчик. Надо бы как-нибудь.

Ч е б у т ы к и н. Да. Чувствую. (*Тихо напевает.*) Тарара... бумбия... сижу на тумбе я...

К у л ы г и н. Неисправим Иван Романыч. Неисправим.

Ч е б у т ы к и н. Да, вот к вам бы на выучку. Тогда бы исправился.

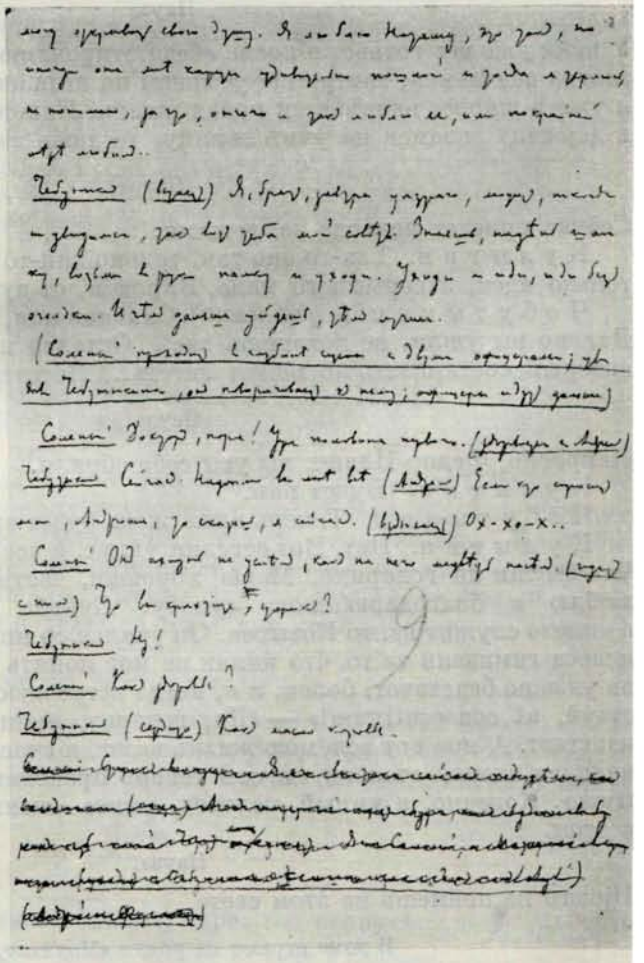
И р и н а. Федор сбрил себе усы. Видеть не могу.

К у л ы г и н. А что?

Ч е б у т ы к и н. Я бы сказал, на что теперь похожа ваша физиономия, да не могу.

К у л ы г и н. Что ж! Так принято. Это modus vivendi. Директор у нас с выбритыми усами, и я тоже, как стал инспектором, побрился. Никому не нравится, а для меня все равно. Я доволен. С усами я или без усов, а я одинаково доволен. (*Садится.*)

В глубине сцены Андрей провозит в колясочке спящего ребенка.



БЕЛОВАЯ РУКОПИСЬ ПЬЕСЫ «ТРИ СЕСТРЫ» 1900 г.
Автограф
Отрывок из четвертого акта
Муз-й Художественного театра, Москва

И р и н а. Иван Романыч, голубчик, родной мой, я страшно обеспокоена. Вы вчера были на бульваре, скажите, что произошло там?

Ч е б у т ы к и н. Что произошло? Ничего. Пустяки. (*Читает газету.*)

К у л ы г и н. Так рассказывают, будто Соленый и барон встретились вчера на бульваре около театра...

Т у з е н б а х. Перестаньте! Ну, что право... (*Машет рукой и уходит в дом.*)

К у л ы г и н. Около театра... Соленый стал придираться к барону, а тот не стерпел, сказал что-то обидное...

Ч е б у т ы к и н. Не знаю. Чепуха все.

К у л ы г и н. В какой-то семинарии учитель написал на сочинении «чепуха». А ученик прочел «реникса» — думал, по-латыни написано. (*Смеется.*) Смешно удивительно. Говорят, Соленый влюблен в Ирину и будто возненавидел барона. Это понятно. Ирина очень хорошая девушка. Она даже похожа на Машу, такая же задумчивая. Только у тебя, Ирина, характер мягче. Хотя [у] и у Маши впрочем тоже очень хороший характер. Я ее люблю, Машу.

В глубине [сцены] сада за сценой: «Ау! Гоп-гоп!»

И р и н а (*вздрагивая*). Меня как-то все пугает сегодня.

Пауза.

У меня уже все готово, я после обеда отправляю свои вещи. Мы с бароном завтра венчаемся, завтра же уезжаем на кирпичный завод, и послезавтра я уже в школе, начинается новая жизнь. Как-то мне поможет бог! Когда я держала экзамен на учительницу, то даже заплакала от радости...

Пауза.

Сейчас приедет подвода за вещами.

К у л ы г и н. Так-то оно так, только как-то все это не серьезно. Одни только идеи, а серьезного мало. Впрочем, от души тебе желаю.

Ч е б у т ы к и н (*в умилении*). Славная моя, хорошая... Золотая моя... Далеко вы ушли, не догонишь вас... Остался я позади, точно журавль, который состарился, не может лететь... Летите, милые, летите с богом!

Пауза.

Напрасно, Федор Ильич, вы усы себе сбрили.

К у л ы г и н. Будет вам.

Ч е б у т ы к и н. Теперь ваша жена будет вас бояться.

К у л ы г и н. Нет. Вот сегодня уйдут, и все опять пойдет по-старому. Что бы там ни говорили, Маша хорошая, честная женщина, я ее очень люблю и благодарю свою судьбу. Судьба у людей разная. Тут в акцизе служит некто Козырев. Он учился со мной, его уволили из пятого класса гимназии за то, что никак не мог понять ut consecutivum... Теперь он ужасно бедствует, болен, и я, когда встречаюсь, то говорю ему: «Здравствуй, ut consecutivum!» — «Да, говорит, именно consecutivum». А сам кашляет. А мне вот всю мою жизнь везет, я счастлив, вот имею даже Станислава второй степени, и сам теперь преподаю другим это ut consecutivum. Конечно, я умный человек, умнее очень многих, но счастье не в этом.

Пауза.

Ничего не поймешь на этом свете.

В доме играют на рояли «Молитву девы».

И р и н а. А завтра вечером я уже не буду слышать этой «Молитвы девы», не буду встречаться с Протопоповым...

Пауза.

А Протопопов сидит там в гостиной; и сегодня пришел...

К у л ы г и н. Начальница еще не приехала?

В глубине сцены тихо проходит М а ш а, прогуливаясь.

И р и н а. Нет. За ней послали. Если б только знали, как мне трудно жить здесь одной, без Оли. Она живет в гимназии; она начальница, целый день занята делом, а я одна, мне скучно, нечего делать, и ненавистна комната, в которой живу. Я так и решила: если мне не суждено быть в Москве, то так тому и быть. Значит, судьба. Ничего не поделаешь. Все в божьей воле, это правда... Николай Львович сделал мне предложение... Что ж? Подумала и — решила. Он хороший человек, удивительно даже, такой хороший... И у меня вдруг точно крылья выросли на душе, я повеселела, [стал] стало мне легко и опять захотелось работать, работать... Только вот вчера произошло что-то, какая-то тайна нависла надо мной.

Ч е б у т ы к и н. Реникса. Чепуха.

Н а т а ш а (*в окно*). Начальница!

К у л ы г и н. Приехала начальница. Пойдем... (*Уходит с* [*Наташей*] *Ириной в дом.*)

Ч е б у т ы к и н (*читая газету*). Да, что ни говори, Иван Романыч, а изменить образ жизни давно пора. (*Тихо напевает.*) Тара... ра.. бумбия... сижу на тумбе я...

Маша подходит. В глубине Андрей провозит колясочку.

М а ш а. Сидит себе здесь, посиживает...

Ч е б у т ы к и н. А что?

М а ш а (*садится*). Ничего...

Пауза.

Вы любили мою мать?

Ч е б у т ы к и н. Очень.

М а ш а. А она вас?

Ч е б у т ы к и н (*после паузы*). Этого я уж не помню.

М а ш а. Мой здесь? Так когда-то наша кухарка Марфа говорила про своего городового: мой. Мой здесь?

Ч е б у т ы к и н. Нет еще.

М а ш а. Когда берешь счастье урывочками, по кусочкам, потом его теряешь, как я, то мало-помалу грубеешь, становишься злющей, как кухарка... (*Указывая себе на грудь.*) Вот тут у меня кипит... Кого бы я отодрала хорошенько, так это Андрюшку, нашего братца. Чучело гороховое. Все надежды пропали. Тысячи народа поднимали колокол, потрачено было много труда и денег, а он вдруг упал и разбился... Вдруг, ни с того, ни с сего...

Андрей везет колясочку.

А н д р е й. И когда, наконец, в доме успокоятся. Такой шум.

Ч е б у т ы к и н. Скоро. (*Смотрит на часы, потом заводит их; часы бьют.*) У меня часы старинные, с боем... Первая, вторая и пятая батареи уйдут ровно в час...

Пауза.

А я завтра.

А н д р е й. Навсегда?

Ч е б у т ы к и н. Не знаю. Может, через год вернусь.

Слышно, как где-то далеко играют на арфе и скрипке.

А н д р е й. Опустеет город. Точно его колпаком накроют.

Пауза.

Что-то произошло вчера около театра, все говорят, а я не знаю.

Ч е б у т ы к и н. Ничего. Глупости. Соленый стал придираться к барону, а тот вспылил и оскорбил его, и вышло так, в конце концов, что Соленый обязан был вызвать его на дуэль. (*Смотрит на часы.*) Пора бы, кажется, уж. В половине первого, [за рекой] в казенной роще, вот в той, что отсюда видать, за рекой... Пиф-паф! (*Смеется.*) Соленый воображает, что он Лермонтов, и даже стихи пишет. Вот шутки шутками, а уж у него третья дуэль.

М а ш а. У кого?

Ч е б у т ы к и н. У Соленого.

М а ш а. А у барона?

Ч е б у т ы к и н. Что у барона?

Пауза

М а ш а. В голове у меня [все] перепуталось... Все-таки, я говорю, не следует им позволять, [это может кончиться дурно] он может ранить барона[a] или даже убить.

Ч е б у т ы к и н. Барон хороший человек, но одним бароном больше, одним меньше — не все ли равно? Пускай.

За садом крик: «Ау! Гоп-гоп!»

Подождешь. Это Скворцов кричит, секундант... В лодке сидит. (*Зевает.*)

А н д р е й. По-моему, и участвовать в дуэли, и присутствовать на ней, хотя бы в качестве врача, просто безнравственно.

Ч е б у т ы к и н. Это только кажется. Ничего нет на свете, нас нет, мы не существуем, а только кажется, что существуем.

М а ш а. Так вот целый день говорят, говорят... (*Идет.*) Живешь в таком климате, того гляди снег пойдет, а тут [эти] еще эти разговоры... (*Останавливается.*) Я не пойду в дом, я не могу туда ходить... Когда придет Вершинин, скажете мне... ([*Уходит*] *идет по аллее.*) А уж летят перелетные птицы...(*Глядит вверх.*) Лебеди или гуси... Милые мои, счастливые мои... (*Уходит.*)

А н д р е й. Опустеет наш дом. Уедут [у] офицеры, уедете вы, сестра замуж выйдет, и останусь в доме я один.

Ч е б у т ы к и н. А жена?

Входит Ферапонт с бумагами.

А н д р е й. Жена есть жена. Она честная, порядочная, ну, добрая, но в ней есть при всем том нечто принижающее ее до мелкого, слепого, этакого шаршавого животного. Во всяком случае она не человек. Быть может, я несправедлив, но ничего, пусть я буду несправедлив; говорю вам, как другу, единственному человеку, которому могу открывать свою душу. Я люблю Наташу, это так, но иногда она мне кажется удивительно пошлой и тогда я теряюсь, не понимаю, за что, отчего я так люблю ее, или по крайней мере любил...

Ч е б у т ы к и н (*встает*). Я, брат, завтра уезжаю, может, никогда не увидимся, так вот тебе мой совет. Знаешь, надень шапку, возьми в руки палку и уходи. Уходи и иди, иди без оглядки. И чем дальше уйдешь, тем лучше.

Соленый проходит в глубине сцены с двумя офицерами; увидев Чебутыкина, он поворачивает к нему; офицеры идут дальше.

---

[a] он может ранить барона — *вписано сверху* (*вместо зачеркнутого*).

С о л е н ы й. Доктор, пора! Уже половина первого. (*Здоровается с Андреем.*)

Ч е б у т ы к и н. Сейчас. Надоели вы мне все. (*Андрею.*) Если кто спросит меня, Андрюша, то скажешь, я сейчас. (*Вздыхает.*) Ох-хо-х...

С о л е н ы й. Он ахнуть не успел, как на него медведь насел. (*Идет с ним.*) Что вы кряхтите, старик?

Ч е б у т ы к и н. Ну!

С о л е н ы й. Как здоровье?

Ч е б у т ы к и н (*сердито*). Как масло коровье...

«ТРИ СЕСТРЫ» НА ПОЛЬСКОЙ СЦЕНЕ. (КАРТИНА ИЗ 1-ГО АКТА)
Постановка Бронислава Домбровского в театре им. Словацкого, Краков, 1949 г.

[С о л е н ы й. Старик волнуется... Я его все-таки сейчас подстрелю, как вальдшнепа. (*Пауза.*) А он, мятежный, ищет бури, как будто в бурях есть покой. Черт [его] [меня][a] знает... Я не Соленый, а Мятежный в сущности... (*Уходит с Чебутыкиным.*)

Слышны крики: «Гоп-гоп! Ау!»
А н д р е й и Ф е р а п о н т]

С о л е н ы й. Старик волнуется напрасно. Я позволю себе немного, я только подстрелю его, как вальдшнепа.

Пауза.

Помните стихи? А он, мятежный, ищет бури, как будто в бурях есть покой...

Ч е б у т ы к и н. Да. Он ахнуть не успел, как на него медведь насел... (*Уходит с Соленым.*)

Слышны крики: «Гоп-гоп! Ау!»
А н д р е й и Ф е р а п о н т.

Ф е р а п о н т. Бумаги подписать...

---

[a] меня — *вписано над зачеркнутым* его *и тоже зачеркнуто.*

А н д р е й (*нервно*). Отстань от меня! Отстань! Умоляю! (*Уходит с колясочкой.*)

Ф е р а п о н т. На то ведь и бумаги, чтоб их подписывать... (*Уходит в глубину сцены.*)

Входят И р и н а и Т у з е н б а х в соломенной шляпе; К у л ы г и н проходит через сцену, крича: «Ау! Маша, ау!»

Т у з е н б а х. Это, кажется, единственный человек в городе, который рад, что уходят военные.

И р и н а. Это понятно.

Пауза.

Наш город опустеет теперь.

Т у з е н б а х (*поглядев на часы*). Милая, я сейчас приду.

И р и н а. Куда ты?

Т у з е н б а х. Мне нужно в город, затем... проводить товарищей.

И р и н а. Неправда... Николай, отчего ты такой рассеянный сегодня?

Пауза.

Что вчера произошло около театра?

Т у з е н б а х (*нетерпеливое движение*). Через час я вернусь и опять буду с тобой! (*Целует ей руки.*) Ненаглядная моя. (*Всматривается ей в лицо.*) Уже пять лет прошло, как я люблю тебя, и все не могу привыкнуть, и ты кажешься мне все прекраснее. Какие прелестные, чудные волосы! Какие глаза! Я увезу тебя завтра, мы будем работать, будем богаты, мечты мои оживут. Ты будешь счастлива. Только вот одно, только одно: ты меня не любишь!

И р и н а. Это не в моей власти. Я буду твоей женой, и верной, и покорной, но любви нет, что же делать! (*Плачет.*) Я не любила ни разу в жизни. О, я так мечтала о любви, мечтаю уже давно, дни и ночи, но душа моя, как дорогой рояль, который заперт, и ключ потерян.

Пауза.

У тебя беспокойный взгляд.

Т у з е н б а х. Я не спал всю ночь. В моей жизни нет ничего такого страшного, что могло бы испугать меня, и только этот потерянный ключ терзает мою душу, не дает мне спать... Скажи мне что-нибудь.

Пауза.

Скажи мне что-нибудь.

И р и н а. Что? Что? Кругом все так таинственно, старые деревья стоят, молчат... (*Кладет голову ему на грудь.*)

Т у з е н б а х. Скажи мне что-нибудь.

И р и н а. Что сказать? Что?

Т у з е н б а х. Что-нибудь.

И р и н а. Полно! Полно!

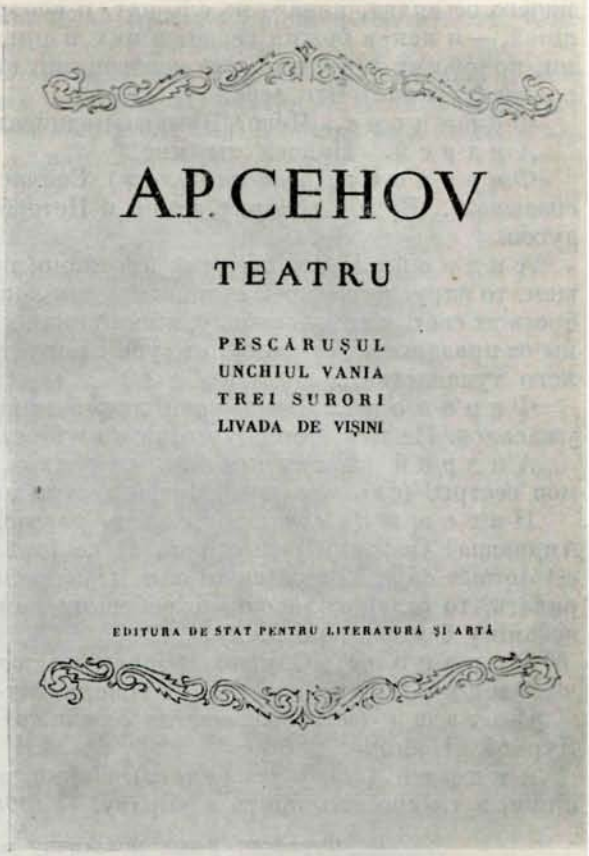
Пауза.

Т у з е н б а х. Какие пустяки, какие глупые мелочи иногда приобретают в жизни значение, вдруг ни с того, ни с сего. По-прежнему смеешься над ними, считаешь пустяками и все же идешь и чувствуешь, что у тебя нет сил остановиться. О, не будем говорить об этом! Мне весело. Я точно первый раз в жизни вижу эти ели, клены, березы, и все смотрит на меня с любопытством и ждет. Какие красивые деревья, и в сущности какая должна быть около них красивая жизнь!

Крик: «Ау! Гоп-гоп!»

Надо идти, уже пора... Вот дерево засохло, но все же оно вместе с другими качается от ветра. Так, мне кажется, если я и умру, то все же буду участ-

РУМЫНСКОЕ ИЗДАНИЕ ПЬЕС ЧЕХОВА
Бухарест, 1956
Титульный лист



вовать в жизни, так или иначе. Прощай, моя милая... (*Целует руки.*) Твои бумаги, что ты мне дала, лежат у меня на столе, под календарем...

И р и н а. И я с тобой пойду...

Т у з е н б а х (*тревожно*). Нет, нет! (*Быстро идет, на аллее останавливается.*) Ирина!

И р и н а. Что?

Т у з е н б а х (*не зная, что сказать*). Я не пил сегодня кофе. Скажешь, чтобы мне сварили...

Быстро уходит; Ирина стоит, задумавшись, потом уходит в глубину сцены и садится на качели; входит А н д р е й с колясочкой, показывается Ф е р а п о н т.

Ф е р а п о н т. Андрей Сергеич, бумаги-то ведь не мои, а казенные. Не я их выдумал...

А н д р е й. О, где оно, куда ушло мое прошлое, когда я был молод, весел, умен, когда я мечтал и мыслил изящно, когда и настоящее и будущее мое озарялись надеждой? Отчего мы, едва начавши жить, становимся скучны, серы, неинтересны, ленивы, равнодушны, бесполезны, несчастны... Город наш существует уже двести лет, в нем сто тысяч жителей, и ни одного, который не был бы похож на других, ни одного подвижника ни в прошлом, ни в настоящем, ни одного ученого, ни одного художника, ни мало-мальски заметного человека, который возбуждал бы зависть, или страстное желание подражать ему... Только едят, пьют, спят, потом умирают; родятся другие и тоже едят, пьют, спят и, чтобы не отупеть от скуки, разнообразят жизнь свою гадкой сплетней, водкой, картами, сутяжничеством, и жены обманывают мужей, а мужья лгут, делают вид, что

ничего не видят, ничего не слышат, и неотразимо пошлое влияние гнетет детей, — и искра божия гаснет в них, и они становятся такими же жалкими, похожими друг на друга мертвецами, как их отцы и матери... (*Ферапонту сердито.*) Что тебе?

Ферапонт. Чего? Бумаги подписать.

Андрей. Надоел ты мне.

Ферапонт (*подавая бумаги*). Сейчас швейцар из казенной палаты сказывал... Будто, говорит, зимой в Петербурге мороз был в двести градусов.

Андрей. Настоящее так противно, но зато, когда я думаю о будущем, то вдруг душе моей становится так легко, так просторно; и вдали забрезжит свет, я вижу свободу, я вижу, как я и дети мои становимся свободны от праздности, от квасу, от гуся с капустой, от сна после обеда, от подлого тунеядства...

Ферапонт. Две тысячи людей померзло будто. Народ, говорит, ужасался. Не то в Петербурге, не то в Москве — не упомню.

Андрей (*охваченный нежным чувством*). Милые мои сестры, чудные мои сестры! (*Сквозь слезы.*) Маша, сестра моя...

Наташа (*в окне*). Кто здесь разговаривает так громко? Это ты, Андрюша? Софочку разбудишь. Il ne faut pas faire du bruit, la Sophie est dormée déjà. Vous êtes un ours. (*Рассердившись.*) Если хочешь разговаривать, то отдай колясочку с ребенком кому-нибудь другому. Ферапонт, возьми у барина колясочку!

Ферапонт. Слушаю. (*Берет колясочку.*)

Андрей (*сконфуженно*). Я говорю тихо.

Наташа (*за окном, лаская своего мальчика*). Бобик! Шалун Бобик! Дурной Бобик!

Андрей (*оглядывая бумаги*). Ладно, пересмотрю и, что нужно, подпишу, а ты снесешь опять в управу. (*Уходит в дом, читая бумаги.*)

Ферапонт возит колясочку в глубине сада.

Наташа (*за окном*). Бобик, как зовут твою маму? Милый, милый! А это кто? Это тетя Оля. Скажи тете: здравствуй, Оля.

Бродячие музыканты, мужчина и девушка играют на скрипке и арфе; из дому выходят Вершинин, Ольга и Анфиса и с минуту слушают молча; подходит Ирина.

Ольга. Наш сад, как проходной двор; через него и ходят, и ездят. Няня, дай этим музыкантам что-нибудь...

Анфиса (*подает музыкантам*). Уходите с богом, сердечные.

Музыканты кланяются и уходят.

Горький народ. От сытости не заиграешь. (*Ирине.*) Здравствуй, Ариша! (*Целует Ирину.*) И-и, деточка, вот живу! Вот живу! В гимназии на казенной квартире, золотая, вместе с Олюшкой — определил господь на старости лет. Отродясь я, грешница, так не жила. Квартира большая, казенная, и мне цельная комнатка и кроватка. Все казенное. Проснусь ночью и — о господи, матерь божия, счастливей меня человека нету!

Вершинин (*взглянув на часы*). Сейчас уходим, Ольга Сергеевна. Мне пора.

Пауза.

Я желаю вам всего, всего... Где Мария Сергеевна?

Ирина. Она где-то в саду. Я пойду, поищу ее.

Вершинин. Будьте добры. Я тороплюсь.

А н ф и с а. Пойду и я поищу... (*Кричит.*) Машенька, ау! Ау! (*Уходит с Ириной в глубину сада.*)

В е р ш и н и н. Все имеет свой конец. Вот и мы расстаемся. (*Смотрит на часы.*) Город давал нам что-то вроде завтрака, пили шампанское, городской голова говорил речь, я ел и слушал, а душой был здесь, у вас. (*Оглядывает сад.*) Привык я к вам.

РУМЫНСКОЕ ИЗДАНИЕ ПЬЕС ЧЕХОВА
Бухарест, 1956
Шмуцтитул к «Трем сестрам». Гравюра С. Сандуловичи

О л ь г а. Увидимся ли мы еще когда-нибудь?

В е р ш и н и н. Должно быть, нет.

Пауза.

Жена моя и обе дочери [останутся здесь] проживут здесь еще месяца два; пожалуйста, если что случится... если что понадобится...

О л ь г а. Да, да, конечно. Будьте покойны.

Пауза.

В городе завтра не будет уже ни одного военного, все станет воспоминанием, и, конечно, для нас начнется новая жизнь.

Пауза.

Все делается не по-нашему... Я не хотела быть начальницей, и все-таки сделалась ею. В Москве, значит, не быть...

В е р ш и н и н. Ну...

Пауза.

Спасибо вам за все... Простите мне, если что не так. Много, очень уж много я говорил — и за это простите, не поминайте лихом.

О л ь г а (*утирает глаза*). Что же это Маша не идет...

В е р ш и н и н. Что же вам еще сказать на прощанье? О чем пофилософствовать? (*Смеется.*) Жизнь тяжела, она представляется [всем нам] многим из нас глухой и безнадежной, но все же надо сознаться, она становится все яснее и легче и, по-видимому, не далеко время, когда она станет совсем ясной. (*Смотрит на часы.*) Пора мне, пора! Прежде человечество было занято войнами, заполняя все свое существование походами, набегами, победами, теперь же все это отжило, оставив после себя громадное пустое место, которое пока нечем заполнить; человечество страстно ищет и, конечно, найдет. Ах, только бы поскорее!

Пауза

Если бы, знаете, к трудолюбию прибавить образование, а к образованию трудолюбие... (*Смотрит на часы.*) Мне, однако, пора.

О л ь г а. Вот она идет.

Маша входит.

В е р ш и н и н. Я пришел проститься...

Ольга отходит немного в сторону, чтобы не помешать прощанию.

М а ш а (*смотрит ему в лицо*). Прощай...

Продолжительный поцелуй.

О л ь г а. Будет! Будет!

Маша сильно рыдает.

В е р ш и н и н. Пиши мне... Не забывай... Пусти меня... пора... Ольга Сергеевна, возьмите ее, мне уже пора... опоздал... (*Растроганный целует руки Ольге, потом еще раз обнимает Машу и быстро уходит.*)

О л ь г а. Будет, Маша! Перестань, милая!..

Входит Кулыгин.

К у л ы г и н (*в смущении*). Ничего, пусть поплачет, пусть. Хорошая моя Маша, добрая моя Маша. Ты моя жена, и я счастлив, что бы там ни было... Я [уж] не жалуюсь, не делаю тебе ни одного упрека... Вот и Оля свидетельница. Начнем жить опять по-старому, и я тебе ни одного слова, ни намека.

М а ш а (*сдерживая рыдания*). У лукоморья дуб зеленый, златая цепь на дубе том... златая цепь на дубе том... Я с ума схожу... У лукоморья дуб зеленый...

О л ь г а. Успокойся, Маша. Успокойся. Дай ей воды.

М а ш а. Я больше не плачу.

К у л ы г и н. Она уж не плачет... она добрая...

Слышен глухо далекий выстрел.

М а ш а. У лукоморья дуб зеленый, златая цепь на дубе том... Кот зеленый... дуб зеленый... Я путаю... (*Пьет воду.*) Неудачная жизнь, ничего

мне теперь не нужно. Я сейчас успокоюсь... Все равно. Что значит — у лукоморья? Почему это слово у меня в голове? Путаются мысли...

Входит Ирина.

О л ь г а. Успокойся, Маша. Ну, вот умница... Пойдем в комнату.

М а ш а (*сердито*). Не пойду я туда! Отстань! (*Рыдает, но тотчас же останавливается.*) Я в дом уже не хожу... И не пойду...

И р и н а. Давайте, посидим вместе, хоть помолчим. Ведь завтра я уезжаю...

Пауза.

К у л ы г и н. Вчера в третьем классе у одного мальчугана я отнял вот усы и бороду... (*Надевает усы и бороду.*) Похож на учителя немецкого языка. (*Смеется.*) Не правда ли? Смешные эти мальчишки.

М а ш а. А в самом деле, похож на вашего немца.

О л ь г а (*смеется*). Да.

Маша плачет.

И р и н а. Будет, Маша!

К у л ы г и н. Очень похож...

Входит Наташа.

Н а т а ш а (*горничной*). Что? С Софочкой посидит Протопопов, Михаил Иваныч, а Бобика пусть покатает Андрей Сергеич. Столько хлопот с детьми... (*Ирине.*) Ты завтра уезжаешь, Ирина, —такая жалость! Останься еще хоть на недельку... (*Увидев Кулыгина, вскрикивает; тот смеется и снимает усы и бороду.*) Ну вас совсем, испугали. (*Ирине.*) Я к тебе привыкла и расстаться с тобой, ты думаешь, мне будет легко? В твою комнату я велю переселить Андрея с его скрипкой — пусть там пилит!— а в его комнату мы поместим Софочку. Дивный, чудный ребенок! Что за девчурочка! Сегодня она посмотрела на меня своими глазками и — «мама!»

К у л ы г и н. Прекрасный ребенок, это верно.

Н а т а ш а. Значит, завтра я уже одна тут. (*Вздыхает.*) Велю прежде всего срубить эту еловую аллею, потом вот этот клен... По вечерам он такой страшный, некрасивый... (*Ирине.*) Милая, совсем не к лицу тебе этот пояс... Это безвкусица. Надо что-нибудь светленькое... И тут везде я велю понасажать цветочков, цветочков, и будет запах... (*Строго.*) Зачем здесь на скамье валяется вилка? (*Проходя в дом, горничной.*) Зачем здесь на скамье валяется вилка, я спрашиваю? (*Кричит.*) Молчать!

К у л ы г и н. Разошлась.

За сценой музыка играет марш; все слушают.

О л ь г а. Уходят.

Входит Чебутыкин.

М а ш а. Уходят наши. Ну, что ж... Счастливый им путь... (*Мужу.*) Надо домой... Где моя шляпа и тальма...

К у л ы г и н. Я в дом отнес... Принесу сейчас... (*Уходит в дом.*)

О л ь г а. Да, теперь можно по домам. Пора.

Ч е б у т ы к и н. Ольга Сергеевна!

О л ь г а. Что?

Пауза.

Что?

Ч е б у т ы к и н. Ничего... Не знаю, как сказать вам... (*Шепчет ей на ухо.*)

О л ь г а (*в испуге*). Не может быть!

Чебутыкин. Да... такая история... Утомился я, замучился, больше не хочу говорить...

Маша. Что случилось?

Ольга (*обнимает Ирину*). Ужасный сегодня день... Я не знаю, как тебе сказать, моя дорогая...

Ирина. Что? Говорите скорей: что? Бога ради! (*Плачет.*)

Чебутыкин. Сейчас на дуэли убит барон...

Ирина. Я знала, я знала...

Чебутыкин (*в глубине сцены садится на скамью*). Утомился... *Вынимает из кармана газету.*) Пусть поплачут... (*Тихо.*) Тара-ра... бумбия... сижу на тумбе я...

Три сестры стоят, прижавшись друг к другу.

Маша. О, как играет музыка! Они уходят от нас, один ушел совсем, совсем навсегда, мы остаемся одни, чтобы начать нашу жизнь снова. Я буду жить, сестры! Надо жить... (*Смотрит вверх.*) Над нами перелетные птицы, летят они [уже] каждую весну и осень, уже тысячи лет, и не знают, зачем, но летят и будут лететь еще долго, долго, много тысяч лет — пока, наконец, бог не откроет им тайны...

Ирина (*кладет голову на грудь Ольги*). Придет время, всё узнают и никаких не будет тайн, а пока работать, только работать! Завтра я поеду одна, буду учить в школе и всю свою жизнь отдам тем, кому она нужна. Теперь осень, скоро прийдет зима, засыплет снегом, а я буду работать, буду работать...

Ольга (*обнимая обеих сестер*). Музыка играет так весело, бодро, и хочется жить... О боже мой! Пройдет время, и мы уйдем навеки, нас забудут, забудут наши лица, голоса и сколько нас было, но страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас, счастье и мир настанут на земле, и помянут добрым словом и благословят тех, кто живет теперь. О милые сестры, жизнь наша еще не кончена. Будем жить! Музыка играет так весело, так радостно и, кажется,— еще немного — и мы узнаем, зачем мы живем, зачем страдаем... Если б знать, если б знать!

Музыка играет все тише и тише; в глубине сцены шум, видна толпа, которая смотрит, как несут убитого на дуэли барона; Кулыгин, веселый, улыбающийся, несет шляпу и тальму; Андрей везет другую колясочку, в которой сидит Бобик.

Чебутыкин (*тихо напевает*). Та-ра... ра... бумбия... сижу на тумбе я... (*Читает газету.*)

Ольга. Если бы знать! Если бы знать!

Занавес